

Николай Сладков

ВЕСЕННИЕ РАДОСТИ

1 р. 10 к.

Николѣй Сладков • ВЕСЕННИЕ РАДОСТИ

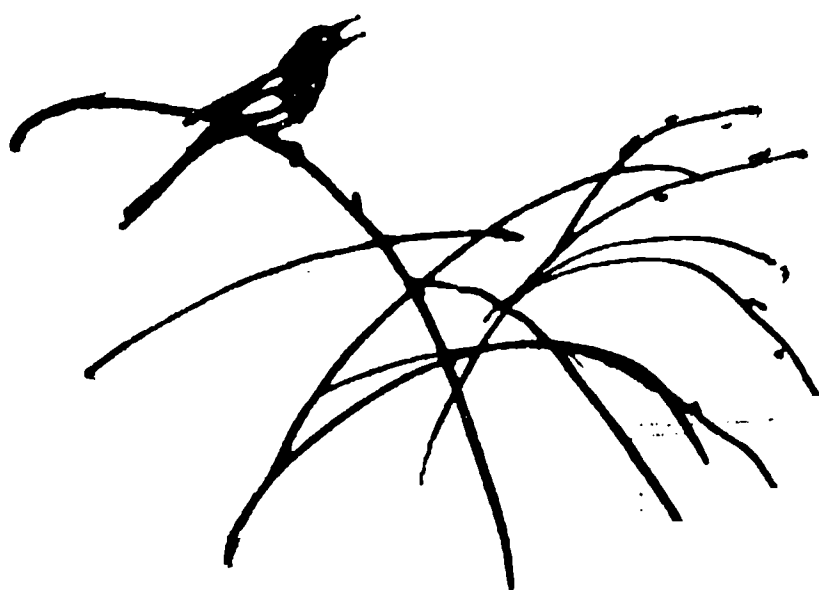

Николай Сладков

ВЕСЕННИЕ РАДОСТИ

РАССКАЗЫ О ПРИРОДЕ

ЛЕНИЗДАТ · 1991

C47

Сладков Н.

C47 Весенние радости: Рассказы о природе.— Л.: Лениздат, 1991.— 192 с., ил.

ISBN 5-289-00961-2

В книгу известного ленинградского писателя, лауреата Государственной премии РСФСР имени Н. К. Крупской вошли рассказы о пробуждении природы, о повадках зверей и птиц, о жизни леса, реки. Рассчитана на детей младшего и среднего школьного возраста.

C $\frac{4803010201-021}{M171(03)-91}$ 193—91

84(2)7

СЛАДКОВ

Николай Иванович

ВЕСЕННИЕ РАДОСТИ

Рассказы о природе

Заведующий редакцией А. И. Белинский. Редактор Н. С. Елисеева. Художник Т. П. Капустина. Художественный редактор Б. Г. Смирнов. Технический редактор Г. В. Преснова. Корректор Т. П. Гуренкова

ИБ № 5413

Сдано в набор 22.10.90. Подписано к печати 29.01.91. Формат 70×108¹/₃₂. Бумага тип. № 2. Гарн. литерат. Печать высокая. Усл. печ. л. 8,40. Усл. кр.-отт. 8,93. Уч.-изд. л. 7,50. Тираж 100 000 экз. Заказ № 572. Цена 1 р. 10 к. Лениздат, 191023, Ленинград, Фонтанка, 59. Типография им. Володарского Лениздата, 191023, Ленинград, Фонтанка, 57.

C $\frac{4803010201-021}{M171(03)-91}$ 193—91

ISBN 5-289-00961-2

© Н. И. Сладков, 1991
© Т. П. Капустина, оформление, 1991

Весна! Самая непостоянная и изменчивая пора. И самые долгожданные радости!

Что ни день — новые. Потоки, потопа, радостный паводок новостей! Столько сразу событий после долгой и скучной зимы. Песни весенних птиц! Первые цветы и первые бабочки! Последний снег и первый дождь!

И пошло-поехало! Успевай только по сторонам смотреть да в блокнот записывать. Столько новостей, что блокнот даже карман оттягивает!

Говорят: «Пришла весна». А откуда? Конечно же — с юга! Осенью ушло на юг лето — и вот теперь возвращается, послав на разведку весну. Снабдив ее в дорогу южным солнцем, теплыми дождями и свежей зеленью.

Стой на месте — и весна пойдет мимо. И будет тебе казаться, что ты путешествуешь к югу. Потому что с каждым днем все чище небо, все жарче солнце, все меньше снега.

Однажды вот так — не сходя с места! — я путешествовал к югу на... проталине. Как на плоту по белому морю снегов. Поставил на проталине парус-палатку — и поплыл. И синяя полоска леса на горизонте была, как далекий берег неведомой южной земли.

Путешествие на проталине!

Весь март и апрель после школьных уроков я приходил на свой плот — и плыл к югу. И все новости записывал в вахтенный толстый журнал: «Первое марта! Слышал первый барабан дятла, первую песню синицы, первое — далекое! — воркование косача. Первые сосульки на палатке, первая солнечная капель, первые крики вóрона под облаками. Первый день весны!»

Плыл и записывал до тех пор, пока плот мой стал огромным, а белое море снегов отхлынуло куда-то на север. И я сел на мель.

Прямо с плота через последний сугробик шагнул на твердую землю Весны. Весна ли пришла, или я к ней приплыл — не все ли равно! Путешествие состоялось.

март

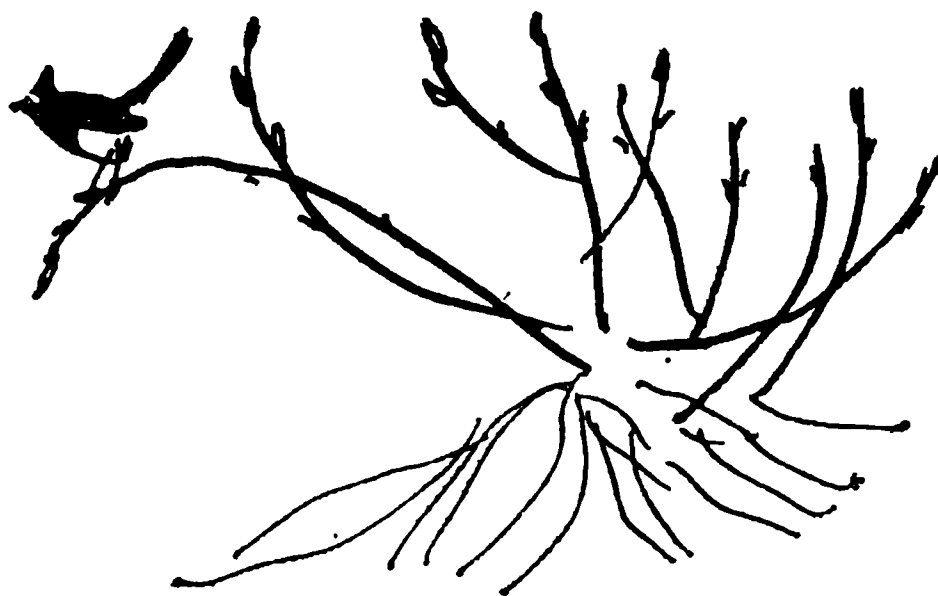
Голубой месяц март. Голубое небо, снега голубые. На снегах тени — как синие молнии. Голубая даль, голубые льды. Голубые на снегу следы. Голубые перелески, голубые канавы. Первые голубые лужи и последние голубые сосульки. А на горизонте — синяя полоска далекого леса. Весь мир голубой!

В марте горят снега: все усыпано солнечной сверкающей пылью. Снежное сияние обжигает лицо. На мартовском солнце даже деревья загорают. Тонкие ветви берез становятся бронзовыми, а заросли ольхи — лиловыми.

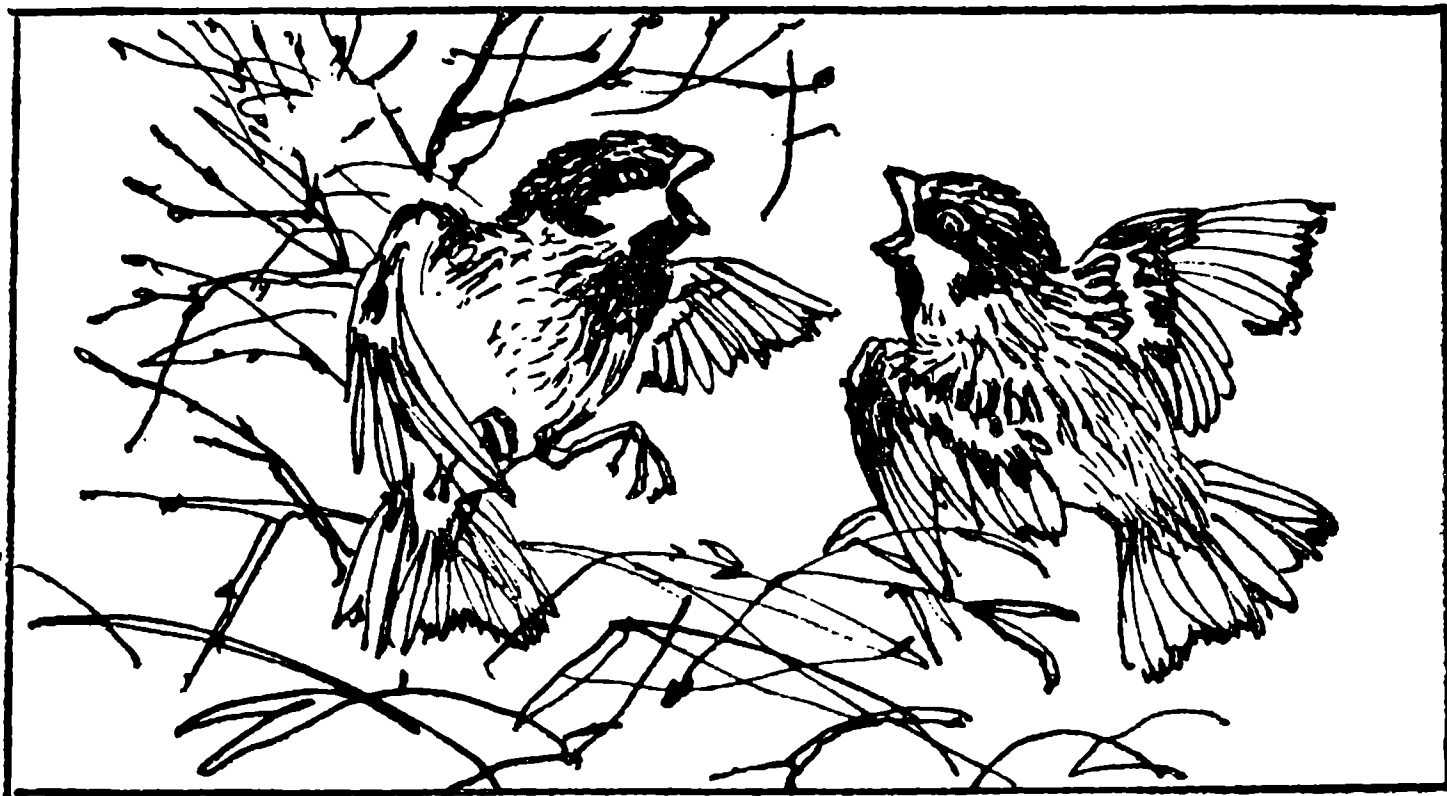
Днем на солнце капель. Ночью — звонкий мороз.

А на рассвете — морозный пар. Белые березы в седой дымке. Как будто это пар от теплого их дыхания, как будто березы дышат.

Март голубой на дворе — пора яркого солнца и полосатых снегов; зиме — конец, а весне — начало.

Все весенние новости — восклицательные! Их не просто сообщают друг другу — их выкрикивают; «На реке ледоход!», «Грачи прилетели!» И радостно улыбаются.

НОВОСТИ ВОСКЛИЦАТЕЛЬНЫЕ!

Первые сосульки на крышах!

(Начало марта)

Засеребрились барашки на ивах!

Первые драки у воробьев!

Появились проталины на полях!

Ворон в поднебесье по-весеннему закричал!

Еловый посев — из шишек высыпаются семена!

ПРОИСШЕСТВИЯ И СОБЫТИЯ

Какое путешествие без событий и происшествий! Да еще весной, когда что ни день — то новости. Для глаз, для ушей и для головы.

ОТЧАЯННЫЙ ПУТЕШЕСТВЕННИК

Путешествие — дело трудное. Всякий путешественник терпит невзгоды. И упорные, бывает, сдают. Но есть путешественники неколебимые, просто отчаянные. О таких я подумал, увидев однажды на снегу паучка.

Вот он: черная точка рядом с моей лыжной. Ножки поджаты, скукоженный, мертвый, оцепенелый. Но поднимется солнце, прогреет чуть — и он оживет. Зашевелится, разомнется, распрямит замлевшие лапки — и снова в путь!

Так вот и путешествует: светит солнце — бежит вперед и вперед. А накроет тень — съежится и лежит. И терпеливо ждет: авось солнышко снова воскресит, чтобы снова продолжить путь!

Обмирает и воскресает, бежит и лежит...

Голые жесткие прутьяки по лощинам словно теплой дымкой обволоклись — загустели и заklubились. Это набухли на ветках почки, выклюнулись барашки, обрыхтели и обвисли сережки. Ушла зимняя окостенелость и жесткость, весной пахнуло.

Синица скачет по обвислым ольховым веткам, и при каждом прыжке под ней — желтый взрыв! Ольха запылила...

ОЖЕЛЕДЬ

Слышно было, как уходил ночью из леса мороз. Он стучал клюкой по деревьям все тише, все дальше.

Я вышел во двор и долго стоял, вглядываясь и вслушиваясь. В воздухе плыл шорох. Уху знакомо шуршание трав, кустов и ветвей. Но сейчас шуршало ни на что не похоже. Казалось, шуршит сам воздух. Шуршит и чуть слышно позванивает.

На смену морозу пришла оттепель.

Я вытянул в темноту ладонь. В ладонь стали показывать крохотные иголки. Ничего было не видно, но что-то творилось в лесу.

Утром все увидели: снег заковала хрустящая глазурная корочка. Ветви берез и хвоя сосен оделись в стеклянные чехольчики. Все похрустывает и позванивает, как обернутое в скрипучий целлофан. Стены, заборы оплыли матово-голубым льдом.

Сыплет мелкая водяная пыль. Невидимые капельки, не долетая до земли, замерзают в льдинки. Льдинок тоже не видно, но слышно: шорох и звон!

Сыпучий снег стал гремучим. Глазурная корочка с грохотом проваливается и рушится под сапогом. В проломах — белые битые черепки.

Все шуршит, хрустит и звенит. Звонкий весенний денек!

Лед на болотах и речках покряхтывает, потрескивает, пощелкивает. На припеке бойко стучит капель, и наперегонки с ней насвистывает синица!

Завыл северный ветер, загудели тревожно сосны, заколыхались их зеленые паруса — лес тронулся и поплыл...

ЩЕДРЫЙ ЛЕС

Что такое: вверху, на елках, — щелк, щелк! Так это ж посевная кампания! Сохнут на мартовском солнышке еловые шишки, чешуйки с треском оттопыриваются — и высыпаются семена. Десятки, сотни, тысячи вертолетиков, крутясь и посверкивая, опускаются с еловых вершин на снег. Еловый десант занимает поляны. Идет еловый посев.

Дождались елки своей поры, щедро раскрыли свои чешуйчатые ларцы и шкатулки и высыпают из них драгоценности — еловые семена. Каждое семечко — новая елка, каждая шишка — будущий ельник.

Всю долгую зиму елки берегли свои шишки-ларцы, лелеяли их, баюкали, на ветру качали, подставляли солнышку, даже напевали им что-то дремучими хвойными голосами. Леденил их мороз, снег ветки выкручивал, вихри мотали шишки. Но елки выстояли, шишки уберегли. А пригрело весеннее солнце — елки оттаяли, размлели, шишки раскрылись, и посыпал еловый дождь. Праздник, посевная страда — победа!

Не одни морозы да вихри досталось елкам претерпеть. Кто только не покушался на их богатство! Шишки только еще завязались — этакie горошины красные! — а их уже стали зубрить летяги. На молодые — зеленые —

напали огневки-бабочки: гусеницы их грызли нутро, чешуйки на шишках встопорщились, как на больных рыбах. Только семена завязались — начали срывать шишки дятлы. Открутят шишку носом, заклинят накрепко в щель и давай семена выколачивать.

А клесты! Налетают стаей и носами-кривозубцами отгибают чешуйки, достают семена. Да не столько съедят, сколько набезобразничают: вся земля вокруг елки после них усыпана шишками.

Белки зубами-кусачками остригают шишки до стерженька. Груды чешуек под елками.

Всю зиму все шишки трясут — кому не лень! Да и сейчас, весной, птицы семена клюют: синицы, овсянки, дрозды, зяблики. Елка их растит, бережет, а пернатые и волосатые разбойники норовят семена разграбить. Вот взять бы палку да...

Нагнулся я за палкой и ахнул: все вокруг было усыпано семенами! Весь снег — в золотистую крапинку. Семена облепили еловые лапы, кору деревьев, наполнили старые паутинные гамачки. И сам я весь в семенах. И лыжня моя на глазах желтеет — ветер туда семена сметает. А они все летят и летят! И это после того, как всю зиму их с утра до вечера поедали все, кто только мог и хотел!

Напрасно я испугался, что все семена съедят. Похоже, как бы они всех не «съели»! Что станет, если семена все до единого прорастут? Это ж беда, катастрофа, гибель!

Ели заполнят леса, елки заглушат все другие деревья. Елки будут стоять впритык, как спички в спичечном коробке! Елки сами себя задушат, погибнут от голода, тесноты, темноты. Случится самое большое несчастье, которое только можно вообразить!

А я-то бедных дятлов, белок, летяг, клестов обозвал разбойниками и вредителями. За палкой уже потянулся! Да их не отпугивать надо, а спасибо сказать, в нож-

ки им поклониться! Великое дело делают — лес спасают. И елкам не дают самим себя погубить.

Не положено лесу жадничать: ни елкам, ни осинам, ни березам. Ни рябинам, дубам и ольхам. Положено сперва всех досыта накормить — ешьте кому не лень! Хватит на всех — и еще останется. А из этих остатков и поднимется молодой новый лес — зеленый, здоровый, красивый. Всем на радость и удивление.

Пригрело мартовское солнце, и диковинные снежные фигурки, что всю зиму просидели на сучках и ветках, попрыгали вниз, как ныряльщики в воду, одни круги на снегу остались, да и те до времени, до поры.

Под дятловыми «кузницами» вытаяли из снега груды разбитых шишек. Если сосновых — значит, у сосен был урожай, если еловых — у елок. А дятлам все равно, были бы шишки. А уж они любой урожай обмолотят!

ВОРОН

На высоченной тонкой сосне, как на корабельной мачте, было большое вороново гнездо. Черные вороны, которые его построили, наблюдали с вершины за округой, как моряки-наблюдатели наблюдают из своего «вороньего гнезда» на мачте.

Вокруг воронова гнезда было море белых снегов. Но в гнезде уже были воронята. Они вылупляются у воронов очень рано, когда вокруг еще белым-бело, когда еще

трудно найти добычу. Но сегодня среди белых полей появилось темное пятно — проталина. Над проталиной струился теплый пар, и она расплывалась, как мираж. Но ворон сразу увидел проталину и на весь лес крикнул: «Кор-р!»

Так моряк, сидя в «вороньем гнезде» на мачте, после долгих скитаний и бед, завидя далекий берег, радостно кричит: «Земля! Земля!»

Посреди снежного поля — мачтовая сосна, а под сосной — проталина. Издали похоже на корабль с зеленым парусом: вот засвистит ветер и погонит весенний корабль в лето!

СВОЯ ПЕСНЯ

Все птицы хороши, но скворцы еще и с особенкой, один на другого не похожи.

Пером и росточком одинаковы — скворцы и скворцы! — но у каждого свой талант. Один вдруг чечевицей крикнет, а сосед — куличком. Кому воробей по душе пришелся, кому — жаворонок. А иному — петух, а то и кошка! И от этого скворец не просто «скворец», а «скворец с чечевичкой», «скворец с иволгой», «скворец с куликом». А есть и такие, что на многие голоса молодцы.

Собрались как-то у меня зимой в клетках разные птицы: зарянка, щегол, синица, чиж, клёст да снегирь. Птиц много, но все разные, на разных языках говорят, друг друга не понимают. А самим с собой разговаривать не очень-то весело. Нахохлились птицы.

Но был среди них скворец. Пикнет, бывало, заряночка грустно — скворец ей в ответ заряночьим голоском: «Ти-ик!» Заряночка насторожится, просвистит что-то. И

скворец в ответ просвистит. Заряночка веселую нотку свистнет — скворец ответит. Потом скворец просвистит — заряночка откликнется.

И так с каждой птицей: со щеглом, чижом, синицей, снегирем.

Птицы довольны: кому не приятно на родном языке пересвистнуться! Так всю зиму и жили припеваючи.

А все скворец! С каждым язык нашел, каждого расшевелил. И себя не забыл: песню свою новыми звуками наполнил. Хороша песня стала: и своя и для всех!

Давно ли все молчало, скованное зимней стужей. И вот похрустывает ледок, журчит вода, позванивают ледяные бомбошки на прутиках, окунутых в воду, шуршат на проталинах подсохшие листья. Вдали бормочет косач, на придорожных ракетах овсянки звенят бубенчиками, на елке надывается пухлячок. Даже молчаливые сойки вскрикивают по-сарычиному! Хлынуло половодье весенних звуков — как прорвало!

СЛЕДЫ

Лыжи по насту, как по льду, скользят: не иду, а лечу. Да еще ветер в спину, прямо хоть с зайцами наперегонки! А вот лесных жителей, кто без лыж, наст не держит. Лоси без лыж, кабаны без лыж — проваливаются. Зайцы-беляки, правда, держатся: лапы у них что твои снегоступы. Эти и без наста по снегу пройдут.

Хуже всего лосям, по колено вязнут, но зато какие следы! Пересекаю лосиный след и глазам не верю: следы-то желтые! Черда ям в снегу, и у каждой донышко почему-то желтое. Сую руку по локоть — полная горсть еловых семян! Еловые шишки сейчас семена высыпает,

ветер их по насту метет, как золотую поземку, и наметает во все ямы и углубления. И конечно, в глубокие следы лосей.

Следы лосей, как чаши, наполненные семенами. Прилетайте на угощение птицы — не надо гоняться за каждым семечком. Прибегайте, семеноеды-зверьки, — лес встречает вас хлебом-солью.

А растает снег — семена осядут на влажную землю и прорастут. И поднимется странная поросль — цепочка еловых пучков! Как память о лосе, который с трудом прокладывал по снегу путь.

Ничто не исчезает в лесу бесследно. Даже следы...

Каждый зверь метит свой путь по земле — всю жизнь.

Все старые лыжни вдруг ошетинились! Ветер намел в них опавшую хвою, она на солнце нагрелась и встала дыбом.

Заледеневшие старые следы рыси вытаяли на солнце из снега и стали похожи на фарфоровые блюдечки, рядком расставленные на поляне.

СНОГСШИБАТЕЛЬНЫЙ ДУШ

Простак эти голуби!

Воробьи похитрее.

Голуби честно ищут корм, а воробьи-хитрюги за ними подглядывают. Как увидят, что голуби на подоконник слетелись, толкаться начали, так и мчат сразу, но не на подоконник, а на панель под окно.

Наверху толкотня, драка: зерна и крошки сыплются вниз. Воробьи внизу не зевают: клюют себе с выбором. Вот пройдохи!

Но раз попали и воробьи впросак.

Видят как-то: собрались голуби, затеяли возню. Приседают, хвосты веером, хлопают крыльями. Встряхиваются, толкаются, воркуют. Но собрались они на этот раз не на подоконнике, как всегда, а внизу, на земле. Ничего не понять!

«Нас провести хотят!» — смекнули самые стреляные воробьи. И со всех сторон скорее в голубиную толчею: шмыг, порх, скок!

Но тут самому первому воробью по затылку — стук!

Да так, что он носом в снег!

Второму по спине — плюх!

Трах третьему по носу. Так брызги и полетели!

«Наших бьют!» — загалдели воробьи.

А кто бьет?

Неизвестно. Голуби не бьют.

А первому снова — стук в голову!

Тут уж до воробья дошло: капли бьют!

Тяжеленные капли с сосулек под крышей.

Висят высоко голубые сосульки. И с них, как из крапников, капли сыплются — целый душ!

Голубям что — они большие. Толкутся себе, вертятся, купаются — рады живой воде.

А воробьишкам душ не под силу: того и гляди с ног сшибет и покалечит.

Взлетели воробьи на ветки. Стали клювами перышки перебирать да пересчитывать: все ли целы?

Который по носу получил, нахохлился.

Но не надолго. Чего хохлиться — весна идет!

Сильный ледяной ветер. Сороки и вороны на коньках крыш словно флюгеры — все носом к ветру!

ЧИЖ

Я купил чижа, посадил в клетку и стал разглядывать. Зеленоватенький, шустрый, с хитрым черным глазком. Словом, чижик-пыжик!

Кормил я чижа березовыми семенами да изредка совал в клетку свежие прутики вербы. Была зима, но дома, в тепле, на прутиках, стоящих в банке с водой, раскрылись барашки. Чиж любил трепать эти пушистые «заячьи хвостики», зеленые почки. А наклюется — и запоет.

За окном зимняя тишина, холодина, а дома птица поет!

Уж не прячется ли весна в этих «заячьих хвостиках» и зеленых почках? Вместе с птичьими песнями? Раскроются почки в лесу — и лес переполнится песнями: птицы прилетели и наклевались певучих почек. А чижик-пыжик мой еще зимой наклевался — и запел среди холодов и снегов.

А что, вполне может быть! Мы ведь тоже поем, когда у нас весна внутри.

Столпотворение на опушке! Не успели еще улететь зимующие снегири и свиристели, как явились уже перелетные — дрозды, зяблики, зеленушки. То вдруг все срываются в страхе, то бесстрашно рассаживаются над головой. Шум и гам, весенний переполох!

ДУПЛЯНКИ

Дуплянки — птичьи домики, птичьи квартиры. Для кого их только не сколачивают, и кто только в них не живет! Скворечники, галочки, синичники. А в скворечнике вдруг сич поселится, в галочнике — утка-гоголь, в синичнике — воробьи! Да это еще куда ни шло, а то птичьи домики зверьки занимают: белки, сони, летучие мыши. А то пчелы, шмели или шершни!

Повесишь скворечник, поселится в нем синица, а птенцов выведет... вертишейка! Устроит свое гнездо поверх синичьего и отложит в него яички.

А все потому, что не хватает на всех жилья! Мало в лесу пригодных дупел — потому-то и нужны дуплянки. Чем больше, тем лучше: кому-нибудь да пригодится. Повесишь и ждешь: кто-то в твоей дуплянке поселится?

Делать их, правда, хлопотно: пили, строгай, сколачивай. Вот бы дуплянки на грядках выращивать, как огурцы! Были бы такие семена — дупляночные: посадил — и никаких забот, выросли готовенькие дуплянки. Срезай и развешивай по деревьям.

А ведь есть такие семена!

Знающие юннаты давно отводят под дуплянки особые грядки. Вспахивают, выравнивают, сеют семена. Поливают грядки, пропалывают — всё как положено. Вот ростки проклюнулись, вот закустились, зацвели, и завязались будущие дуплянки. Маленькие пока, всего со спичечный коробок.

Но солнце печет, дожди поливают — дуплянки растут, наливаются, созревают. И вот уже рядами лежат

на грядках — одна к одной. Хорошо уродились скворечники и синичники! Срезай — не ленись, высушивай и развешивай.

Всё так и есть! Растет у нас на юге особая тыква — лагенария. Если в спелой тыкве вырезать дырочку, вытрясти семена, получится готовый скворечник. Вешай хоть в огороде, хоть в саду — птицы непременно поселятся. И станут стеречь огород и сад. Потому что выращенный скворечник не хуже, чем сколоченный. А то и лучше!

Ничего не происходит вокруг. Голое дерево, голый куст. Волглый снег, сырые прутья. Все неподвижно, все спит. А говорят, что уже пришла весна и что даже взялась за дело. А где она, та весна? Ни весны, ни дел.

Ну, сорвется с дерева снега ком. Ухнет, осев, на болоте снег. Вздрогнет и распрямится согнутый снегом прут. Шлепнет на шею холодная капля. Вот уже и вечернее колючее солнце щурится сквозь лесной частокол — кончается еще один день весны, а ее так никто и не видел!

Впрочем, столкнул же кто-то с дерева снег. Расколол кто-то лед на болоте. Прут распрямил, каплю стряхнул. Подкрасил лиловым ольшаники, подзеленил осинник. Не само же все по себе?

Это весна, это ее работа, это ее шаги по земле!

ЗИМНИЕ ДОЛГИ

Расчирикался Воробей на навозной куче — так и подсакивает! А Ворона как каркнет противным голосом:

— Чему, Воробей, возрадовался, чего расчирикался?

— Крылья зудят, Ворона, нос чешется, — отвечает Воробей. — Страсть драться охота! А ты тут не каркай, не порть мне весеннего настроения!

— А вот испорчу! — не отстает Ворона. — Как задам вопрос!

— Во напугала!

— И напугаю. Ты крошки зимой на помойке клевал?

— Клевал.

— А зерна у скотного двора подбирал?

— Подбирал.

— А в птичьей столовой у школы обедал?

— Спасибо ребятам, подкармливали.

— То-то! — надывается Ворона. — А чем ты за все это расплачиваться думаешь? Своим чик-чириканьем?

— А я один, что ли, пользовался? — растерялся Воробей. — И Синица там была, и Дятел, и Сорока, и Галка. И ты, Ворона, была...

— Ты других не путай! — хрипит Ворона. — Ты за себя отвечай. Брал в долг — отдавай! Как все порядочные птицы делают.

— Порядочные, может, и делают, — рассердился Воробей. — А вот делаешь ли ты, Ворона?

— Я раньше всех расплачусь! Слышишь, в поле трактор пашет? А я за ним из борозды всяких корне-едов и корнегрызов выбираю. И Сорока с Галкой мне помогают. А на нас глядя, и другие птицы стараются.

— Ты тоже за других не ручайся! — упирается Воробей. — Другие, может, и думать забыли.

Но Ворона не унимается:

— А ты слетай да проверь!

Полетел Воробей проверять. Прилетел в сад — там Синица в новой дуплянке живет.

— Поздравляю с новосельем! — Воробей говорит. — На радостях-то, небось, и про долги забыла!

— Не забыла, Воробей, что ты! — отвечает Синица. — Меня ребята зимой вкусным сальцем подкармливали, я их осенью сладкими яблочками угощу. Сад стерегу от плодожорок и листогрызов.

Делать нечего, полетел Воробей дальше. Прилетел в лес — там Дятел стучит. Увидал Воробья — удивился:

— По какой нужде, Воробей, ко мне пожаловал?

— Да вот расчет с меня требуют, — чирикает Воробей. — А ты, Дятел, с долгами расплачиваешься, а?

— Уж так-то, Воробей, стараюсь, — отвечает Дятел. — Лес от древоточцев и короедов оберегаю. Бьюсь с ними не щадя живота своего — растолстел даже...

— Ишь ты, — задумался Воробей. — А я-то думал...

Вернулся Воробей на свою навозную кучу и говорит Вороне:

— Твоя, карга, правда! Все за зимние долги отрабатывают. А я что — других хуже? Вот как начну летом птенцов своих кормить комарами да мухами, чтобы кровососы эти ребят не кусали. Мигом все долги отработаю!

Сказал так и давай снова на куче подскакивать и чирикать. Пока еще свободное время есть, пока воробьята есть не просят.

Дятел за зиму столько шишек натаскал в свою «кузницу» в саду, что нам их теперь на все лето хватит самовар разжигать.

Всю ночь накатывались на лес тяжелые волны сырого ветра. Вот эта волна, что обрушилась сейчас на сосну, да так, что шелуха с нее полетела и заскрипели сучья, не так уж давно перехлестнула через гребни далеких гор, прокатилась по голым степям, завывая в проводах и оврагах, барабаня в окна и двери. Ворочала грозовые тучи, подгоняла птичьи стаи, разносила запахи цветущих садов. Стоишь под сосной и несешься сквозь пространство и время.

СОРОКА И ВОЛК

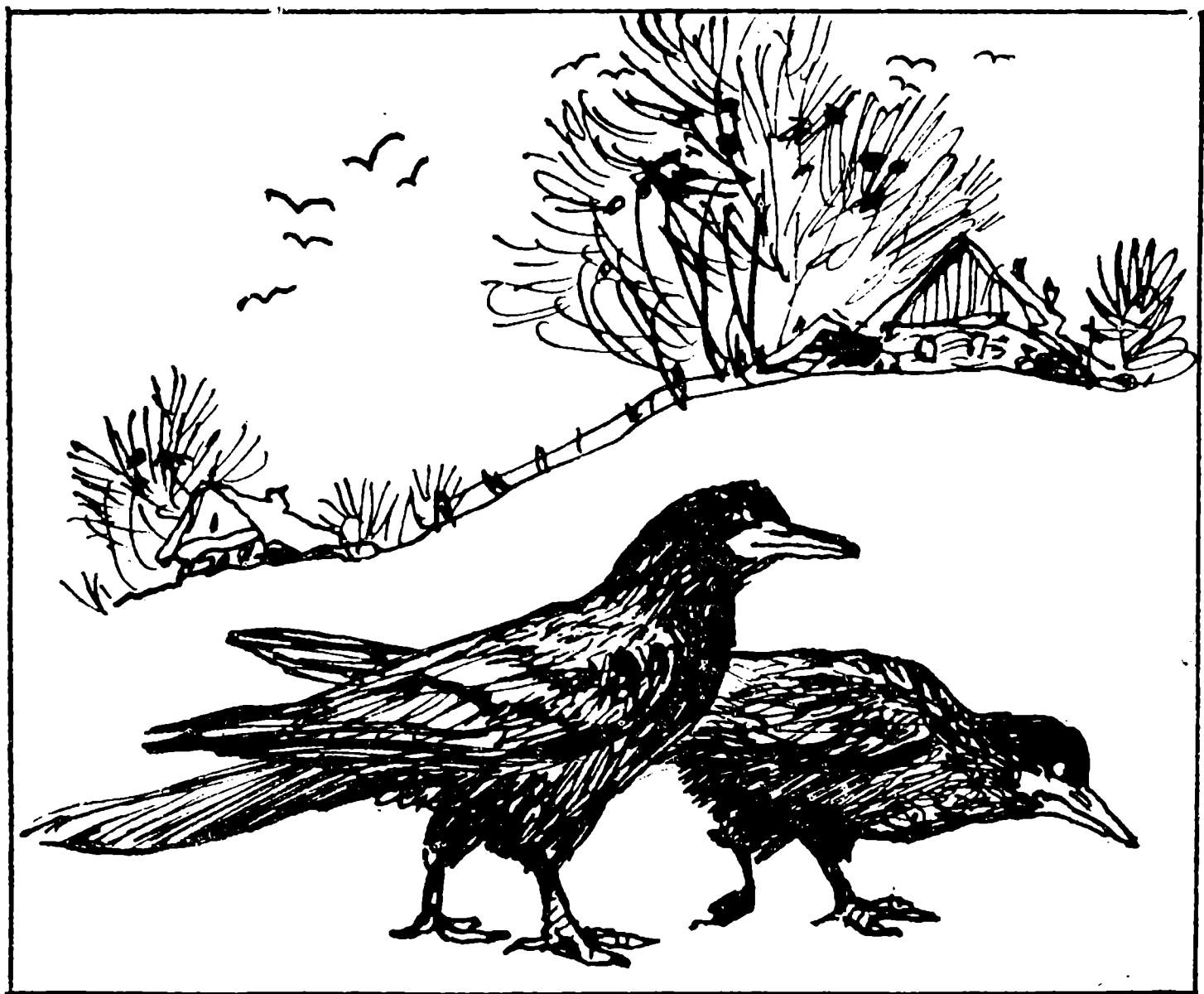
- Эй, Волк, чего ты хмурый такой?
- От голода.
- И ребра торчат, выпирают?
- От голода.
- А воешь отчего?
- От голода.
- Вот и говори с тобой! Заладил, как сорока: от голода, от голода, от голода! Чего это ты нынче такой не́разговорчивый?
- От голода...

ЗАЯЦ И ПОЛЕВКА

— Мороз и вьюга, снег и холод. Травку зеленую понюхать захочешь, листочков сочных погрызть — терпи до весны. А где ещё та весна — за горами да за морями...

— Не за морями, Заяц, весна, не за горами, а у тебя под ногами! Прокопай снег до земли — там и брусничка зеленая, и манжетка, и земляничка, и одуванчик. И нанюхаешься, и наешься.

НОВОСТИ ВОСКЛИЦАТЕЛЬНЫЕ!

Мартовский наст — иди куда хочешь!
Первая песня овсянки!
Косач забормотал!

[Середина марта]

Грачи прилетели!
Свистел первый рябчик!
Дятел на «барабане» пробарабанил!

ПРОИСШЕСТВИЯ И СОБЫТИЯ

СИНИЧКИ-АРИФМЕТИЧКИ

Весной звонче всех белощекие синички поют: колокольчиками звенят. На разный лад и манер. У одних так и слышится: «Дважды два, дважды два, дважды два!» А другие бойко высвистывают: «Четыре-четыре-четыре!»

С утра до вечера зубрят синички таблицу умножения.

«Дважды два, дважды два, дважды два!» — выкрикивают одни.

«Четыре-четыре-четыре!» — весело отвечают другие. Всю весну одно и то же зубрят. А дальше никак вызубрить не могут.

Синица весной поет — словно по ухабам на зайце скачет: «Чи-ку, чи-ку, чи-ку!»

На голой осине снегири: присели перед дальней дорогой на север — и притихли...

ТЕТЕРЕВИНЫЕ НОТЫ

Еще не поют в лесах тетерева. Еще только ноты пишут.

Пишут они ноты так. Слетает один с березы на снежную поляну, надувает шею, как петух. Наклоняет голову и семенит ножками, семенит. А крылья приспущен-

ные волочит по сторонам, снег бороздит. Словно нотные строчки вычерчивает.

Второй тетерев слетит да за первым по снегу как припустит! Так точки ногами на нотных строчках и расставит: «До-ре-ми-фа-соль-ля-си!»

Первый сразу в драку: не мешай, мол, сочинять! Чуфыркнет на второго да по его строчкам за ним: «Си-ля-соль-фа-ми-ре-до!»

Прогонит, поднимет вверх голову, задумается. Побормочет, побормочет, повернется туда-сюда и лапками на своих строчках свое бормотание запишет. Для памяти.

Потеха! Ходят, бегают — расчерчивают снег крыльями на нотные строчки. Бормочут, чуфыркают — сочиняют. Песни свои весенние сочиняют и ножками да крыльями их на снегу записывают.

Но скоро кончат тетерева песни сочинять — начнут разучивать. Взлетят тогда на высокие березки — сверху-то хорошо ноты видно! — и запоют. Все одинаково запоют, ноты у всех одни и те же: бороздки да крестики, крестики да бороздки.

Всё разучивают да разучивают, пока снег не сойдет. А и сойдет — не беда: по памяти поют. Днем поют, вечером поют, но особенно по утрам.

Здорово поют, как по нотам!

Наследили птицы — словно записку тебе оставили!

Зимой тетерева вспугнешь — спешишь следы увидеть: что он там, на снегу, делал? А сегодня третьего косача поднимаю — и никаких следов: все взлетели с проталин. Надоело им за зиму снег толочь, на живой земле посидеть хочется, в весенней ветоши покопаться!

ЗАЯЧИЙ ХОРОВОД

Мороз еще на дворе. Но особый мороз, весенний. Ухо, которое в тени, мерзнет, а которое на солнце — горит. С зеленых осин капель, но капельки не долетают до земли, замерзают на лету в ледышки. На солнечной стороне деревьев вода блестит, а теневая затянута матовым панцирем льда.

Порыжели ивняки, ольховые заросли полиловели. Днем плавятся и горят снега, ночью пощелкивает мороз. Пришла пора заячьих песен. Самое время ночных заячьих хороводов.

Как зайцы поют, по ночам слышно. А как хоровод водят, в темноте не видать.

Но по следам все понять можно: шла прямая заячья тропа — от пенька до пенька, через кочки, через валежины, под белыми снежными воротцами — и вдруг закружила немыслимыми петлями! Восьмерками среди березок, кругами-хороводами вокруг елочек, каруселью между кустами.

Будто закружились у зайцев головы, и пошли они петлять да путать.

Поют и пляшут: «Гу-гу-гу-гу-у! Гу-гу-гу-гу-у!»

Как в берестяные дудки дуют. Даже губы раздвоенные трясутся!

Нипочем им сейчас лисицы и филины. Всю зиму жили в страхе, всю зиму прятались и молчали. Довольно!

Март на дворе, солнце одолевает зиму.

Самая пора заячьих песен.

Время заячьих хороводов.

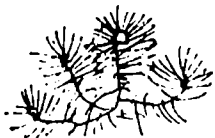

Снег осел и лес по низу загустел: вытаяли и высунулись из снега пеньки, кусты и елочки. Высунулись и осматриваются: что вокруг нового, пока они зиму под снегом спали?

Всю зиму простояли лесные пни в снегу, увязнув по самые уши. Шапки снежные пуховые на лоб надвинули, на самые моховые брови, — смотрели сердито и недовольно. И вот загуляли: высунулись, шапки белые набекрень, раззадорились — пар идет!

Как куст колючий, так и гребешок лесной! Неряху линючего не пропустит — вычесет. Лиса ли, медведь ли, заяц — все равно: расчесывает, причесывает, вычесывает. С зайца белый клочок, с лисы рыжий пук, с медведя — бурый. Иной куст — шиповника или боярышника — сам за весну станет, как зверь мохнатый. Шерсть на нем звериная дыбом — подойти страшно!

ДЕД МОРОЗ

На рассвете на моховое болото пришел Дед Мороз. Видеть не видел, но хорошо слышал, как бродил он не спеша по обочине, постукивая клюкой и вздыхая. А потом утих: присел, наверное, перед дальней дорогой на север. На восходящее солнышко напоследок решил по-

смотреть; на дальнем севере-то оно у него будет незаходящим.

Солнце сейчас на восходе само на себя не похоже. Огромное и багровое, чудом-юдом горбатым поднимается из-за синего леса. И можно на него смотреть и не жмуриться — как зимой. Это-то, наверное, и манило Деда Мороза — любимую зиму напоминало.

Вышел он еще в темноте. Лес вокруг мохового болота стоял по пояс в тумане, а между всклокоченных кочек матово сиял зеленый лед. И слышу: идет!

Ломится по звонкому льду напрямик, без опаски, как лось длинноногий. Словно по стеклянному парнику сапожищами топает, стекла крушит.

Ближе, ближе — вот сейчас выйдет из-за крайних сосенок. И увижу его заиндевелую бороду и зеленые льдинки глаз. Нет, не вышел: остановился за сосенками и ждет. И тянет холодом от его дыхания. И лед хрустит: это он с ноги на ногу переминается. А может, на кочку сел.

На восходе вдруг опять захрустело, защелкало, заухало: встал, наверное, с кочки, разминается. На заиндевелой кочке и Морозу долго не усидеть! А может, спина замлела или нога затекла. Покряхтывает, суставчиками похрустывает, притоптывает, ворочается.

Глухо ухаает лежалый снег, и лед пощелкивает.

Паутиной липнет на щеки, на ветки утренний иней. Трава и деревья обрастают белым ворсом. Белые кочки упругие, как резиновые. Вдыхаешь, а в тебя не воздух, а ледяная вода вливается. Скорее бы солнце взошло!

Взошло, а теплее не стало. Белое все, все искрит. Снова все как зимой, и незачем Деду Морозу подаваться на север.

Нет, пошел! Не верит марту, знает: зиме конец. Пошел, хрустя и звеня, шумно и не таясь, но все так же невидимо. И кряхтит, и охает, и вздыхает. Все дальше, все тише — и смолк.

На темнотропке в марте и в самом деле на болота выходит мороз. И оседает, кряхтя и ухая, снег, и лед трещит, как под сапогами. И это не сказка, все так и есть. Или все-таки сказка?..

Всю ночь с озера доносились глухие удары, кто-то из глубины лед головой прошибал.

Начало хвоепада! Листья каждую осень опадают, а хвоя? Или ей сносу нет, зимой и летом одним цветом?

Но вот замечаешь, что в марте весь снег под елками хвоей усыпан. Елки начали осыпаться, начался хвоепад!

ВЕШНИЕ ВОДЫ

Весенние ручьи говорят, говорят...

И у каждого ручья свой голос. Один чуть шепчет, а другой на весь лес звенит. И каждый о своем.

Особенно старается лесной ручей: «Я лесной ручей, из лесного снега рожден. Топтали снег зимой лоси и волки, зайцы-беляки по снегу прыгали, тетерева и рябчики под снегом спали. Теперь все эти следы растаяли, в говорливые капельки превратились. Столько за зиму всяких событий было — за всю весну не расскажешь. Не расскажешь, не перескажешь».

И полевой ручей от лесного не отстает: «Конец зиме, конец зиме... Я из полевых снегов рожден. Топтали снег зайцы-русаки и серые куропатки. Рыжая лиса мышковала, белые горностаи и ласки на снегу и под снегом

шнырили. Все истории на снегу отпечатались, а теперь в певучие капельки обратились. Рассказать — не рассказать, рассказать — не рассказать...»

Бегут, торопятся в речку ручьи самые разные: лесные, полевые, болотные. И у каждого свои разговоры: что было зимой, что произошло, что случилось. Говорят, говорят, говорят...

Хочешь узнать зимние происшествия — сядь у речки на бережок. Может, чего и услышишь.

Всю весну текут с полей в леса теплые струи ветра, а из лесов в поля — струи нагретых ручьев.

Сперва потекли сосульки, потом потекли ручьи, а за ними — реки. И вот уже поплыли по воде льдины, коряги, мусор. Текущие дела весны...

О ЧЕМ ПЕЛА СОРОКА!

Пригрелась сорока на мартовском солнце, глаза прижмурила, разомлела — даже крылышки приспустила.

Сидела сорока и думала. Только вот о чем она думала? Поди угадай, если она птица, а ты человек!

Будь я на ее птичьем месте, я бы сейчас вот о чем думал. Дремал бы я на припеке и вспоминал бы прошедшую зиму. Метели вспоминал, морозы. Вспомнил бы, как ветер меня, сороку, над лесом бросал, как под перо задувал и крылья заламывал. Как в студеные ночи мороз стрелял, как стыли ноги и как пар от дыхания седеной покрывал черное перо.

Как прыгал я, сорока, по заборам, со страхом и надеждой заглядывал в окно: не выбросят ли в форточку селедочную голову или корку хлеба?

Вспоминал бы и радовался: зима позади, и я, сорока, жив! Жив и вот на елке сижу, на солнце нежусь! Зиму отзимовал, весну встречаю. Длинные сытые дни и короткие теплые ночи. Все темное и тяжелое позади, все радостное и светлое — впереди. Нет времени лучше, чем весна! Время ли сейчас дремать да носом клевать? Будь я сорокой, я бы запел!

— Но тсс! Сорока-то на елке поет!

Бормочет, стрекочет, вскрикивает, пищит. Ну чудеса! Первый раз в жизни слышу песню сороки. Выходит, что птица-сорока думала про то же, про что и я, человек! Ей тоже петь захотелось.

А может, и не думала: чтобы петь, не обязательно нужно думать. Весна пришла — ну как не запеть! Солнце-то всем светит, солнце всех греет. И не умеешь, а запоешь!

После долгой зимы каждая весенняя малость привлекает внимание: мышинная травяная юрточка, вытаявшая из снега, невзрачный цветок гусиного лука, свежие кротовины-иероглифы, шишка, огрызенная мышами, суелливые муравьи — приметы пробуждения жизни.

Первая проталина — и уже зелень: мох, листики брусники, земляники, папоротника. Зеленое лето вытаяло из-под снега! Даже порхает над проталиной бабочка,

ЗАГАДОЧНЫЙ ГОЛОСОК

Осоед ест ос, мухоловка ловит мух. Скажи мне, что ты ешь, и я скажу, кто ты!

И слышу вдруг голосок:

— Угадай: кто я? А ем я муравьев и жуков!

Я подумал и сказал:

— Скорее всего ты — жукоед-дятел!

— Вот и не угадал! — откликнулся голосок. — А еще я ем гусениц и личинок.

— Гусениц и личинок едят дрозды. Наверное, ты — дрозд.

— А я не дрозд. Еще я, бывает, грызу сброшенные лосями рога.

— Тогда ты грызун: мышь или полёвка!

— Какая же я мышь, если, случается, я сама ем мышей!

— Тогда ты, конечно, кошка!

— То мышка, то кошка! Ты снова не угадал.

— Покажись! — крикнул я. — Довольно в елках-то прятаться.

— Покажусь! Только признай себя побежденным.

— Рано! — ответил я. — Попробую угадать.

— Иногда я ем ящериц. А изредка даже рыбу.

— Может, ты цапля или журавль?

— Не цапля и не журавль. Бывает, ловлю птенцов и таскаю яйца из птичьих гнезд.

— Похоже, что ты куница!

— Не говори мне про куницу, куница — мой старый враг! А ем я еще рябину и шишки, ягоды и грибы, орехи и семена, почки и листья.

Я рассердился и крикнул:

— Скорее всего ты — свинья! Ты лопаешь всё подряд. Ты — одичавшая свинья, которая сглупу забралась на ёлку!

— Сдаешься? — спросил голосок. Ветки качнулись, раздвинулись, и показалась... белка!

— Запомни! — сказала она. — Осоеды едят не только ос, мухоловки ловят не только мух. А белки грызут не одни орешки!

Две сосны — совсем на вид одинаковые. Но под одной весь снег в чешуйках от шишек — словно белки всю зиму тут семечки лузгали. А под соседней — хоть бы одна чешуйка! Наверное, и шишки, как яблоки, бывают вкусные и невкусные. И белки это хорошо знают!

ЧЬЯ ПРОТАЛИНА!

Увидела Сорока первую проталину в поле.

— Моя проталина! — крикнула. — Я первая ее увидела!

На проталине семена, жучки-паучки, бабочка отогревается. У Сороки глаза разбежались, уж и клюв разинула, а тут откуда ни возьмись — Грач.

— Здр-расте, уже явилась! Зимой по вороньим помойкам шастала, а теперь на мою проталину! Неприветливо!

— Это почему же она твоя? — застрекотала Сорока. — Я первая увидела!

— Ты увидела, — гаркнул Грач, — а я о ней всю зиму мечтал. За тыщу верст к ней торопился! Ради нее теплые края покинул. Где проталины, там и мы, грачи. Моя проталина!

— Что он тут каркает! — затарахтела Сорока. — Всю зиму на юге грелся-нежился, ел-пил что хотел, а вернулся — проталину ему без очереди подавай! А я всю зиму мерзла, с помойки на свалку металась, вместо во-

ды снег глотала,— и вот, чуть живая, слабая, высмотрела наконец проталину, так и ту отнимают. Ты, Грач, как вижу, только на вид темный, а сам себе на уме. Кыш с проталины, пока в темя не клюнула!

Прилетел на шум Жаворонок, огляделся, прислушался и защебетал:

— Весна, солнце, небо ясное, а вы ссоритесь. И где — на моей проталине! Не омрачайте мне радость встречи с ней. Я жажду песен!

Сорока и Грач только крыльями всплеснули.

— Почему же она твоя? Наша это проталина, мы нашли. Сорока всю зиму ее ждала, все глаза проглядела. А я, может, так торопился к ней с юга, что чуть крылья в пути не вывихнул.

— А я родился на ней! — пискнул Жаворонок. — Если поискать, так тут еще и скорлупки от яичка, из которого я вылупился, можно найти! Вспомню, бывало, зимой на чужбине гнездо родное — и петь неохота. А сейчас песня так и рвется из клюва — даже язык дрожит.

Вспрыгнул Жаворонок на кочку, глаза прижмурил, горлышко у него задрожало — и полилась песня, как весенний ручеек: зазвенела, забулькала, зажурчала.

Сорока и Грач клювы разинули — заслушались.

Им-то никогда так не спеть, горло у них не то, только и могут, что стрекотать да каркать.

Долго бы, наверное, слушали, разомлев на вешнем солнышке, да дрогнула вдруг под ногами земля, вспучилась бугорком и рассыпалась.

И выглянул Крот — зашмыгал носом.

— Никак я прямо в проталину угодил! Так и есть: земля мягкая, теплая, снега нет. И пахнет... Уф! Весной, что ли ча, пахнет? Весна, что ли ча, у вас наверху?

— Весна, весна, землерой! — сварливо закричала Сорока.

— Знал, куда угодить! — подозрительно буркнул Грач. — Хоть и слепой...

— Тебе-то зачем наша проталина? — проскрипел Жаворонок.

Крот приняхался к Грачу, к Сороке, к Жаворонку — глазами-то он худо видит! — чихнул и говорит:

— Ничего мне от вас не надо. И проталина ваша мне не нужна. Вот землю вытолкну из норы и — назад. Потому что, чую, погано у вас. Ссоритесь, чуть не деретесь. Да еще и светло, сухо, воздух свежий. Не то что у меня в подземелье: темно, сыро, затхло. Благодать! Еще и весна у вас тут какая-то...

— Как ты можешь так говорить? — ужаснулся Жаворонок. — Да знаешь ли ты, землерой, что такое весна!

— Не знаю и знать не хочу! — фыркнул Крот. — Не нужна мне никакая весна, у меня под землей круглый год одинаково.

— Весной проталины появляются, — мечтательно сказали Сорока, Жаворонок и Грач.

— А на проталинах скандалы начинаются, — снова фыркнул Крот. — А ради чего? Проталина как проталина.

— Не скажи! — подскочила Сорока. — А семена? А жуки? А ростки зеленые? Всю зиму без витаминов.

— Посидеть, походить, поразмяться! — гаркнул Грач. — Носом в теплой земле порыться!

— А петь-то как над проталинами хорошо! — взвился Жаворонок. — Сколько в поле проталин — столько в небе и жаворонков. И все поют! Нет весной ничего лучше проталины.

— А чего тогда спорите? — не понял Крот. — Жаворонок хочет петь — пусть поет. Грач хочет маршировать — пусть марширует.

— Правильно! — сказала Сорока. — А я пока семенами и жуками займусь...

Тут снова начались крики и перебранка!

А пока кричали и ссорились, в поле новые проталины появились.

Разлетелись птицы по ним весну встречать. Песни петь, в теплой земле порыться, червячка заморить.

— Пора и мне! — Крот сказал. И провалился туда, где ни весны, ни проталин, ни солнца и ни луны, ни ветра и ни дождя. И где даже спорить не с кем. Где всегда темно и тихо.

Утром на елках — на самых маковках — расселись сороки. Словно лес поднял маленькие антенны, и сороки, сидя на них, принимали утренние лесные новости. А погода на хвосте по всему лесу их разнесут.

Ну и силища у этого солнца! Чтобы растопить зимний снег, нужно бы было все леса сжечь — до последнего дерева. А солнце, играючи и сияя, все само сделало — и снега растопило и леса сберегло!

ЛАСКА, БЕЛОЧКА И МЕДВЕДЬ

- Я, Ласочка, зимой беленькая — как березка!
- А я, Белочка, серенькая — как осинка!
- Ну а я, Медведище, словно елочка: зимой и летом — одним цветом!

ПТИЧЬИ ЧАСЫ

Нашел я часы.

Не золотые и не серебряные, не наручные, не настенные и не карманные — птичьи! Оказывается, и такие

есть. И в лесу они — чуть ли не на каждом дереве. Вроде наших часов с кукушкой. Только в лесу они еще и «с заряной», «с дроздом», «с зябликом».

Птицы в лесу начинают петь не когда кому вздумается, а когда им положено. Одни через столько-то минут после восхода солнца, а другие за столько-то минут до восхода. Какая птица как.

Ну-ка, сколько там сейчас не на моих серебряных, а на птичьих? И не посмотрим на этот раз, а послушаем, ведь лесные часы с боем!

20 марта.

Ворона прокаркала — 6 ч. 30 м.

Дятел пробарабанил — 6 ч. 40 м.

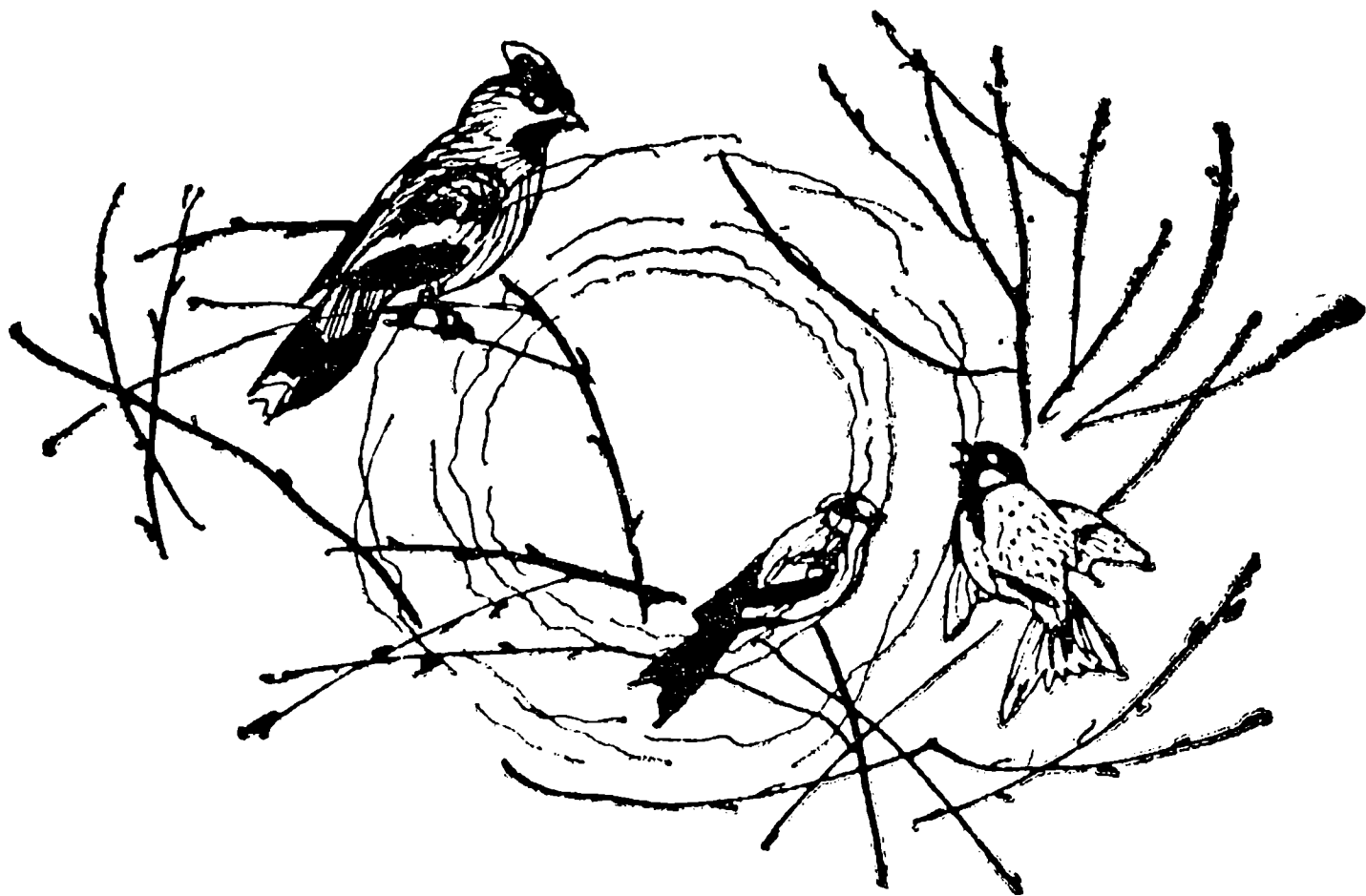
Засвистел снегирь — 6 ч. 52 м.

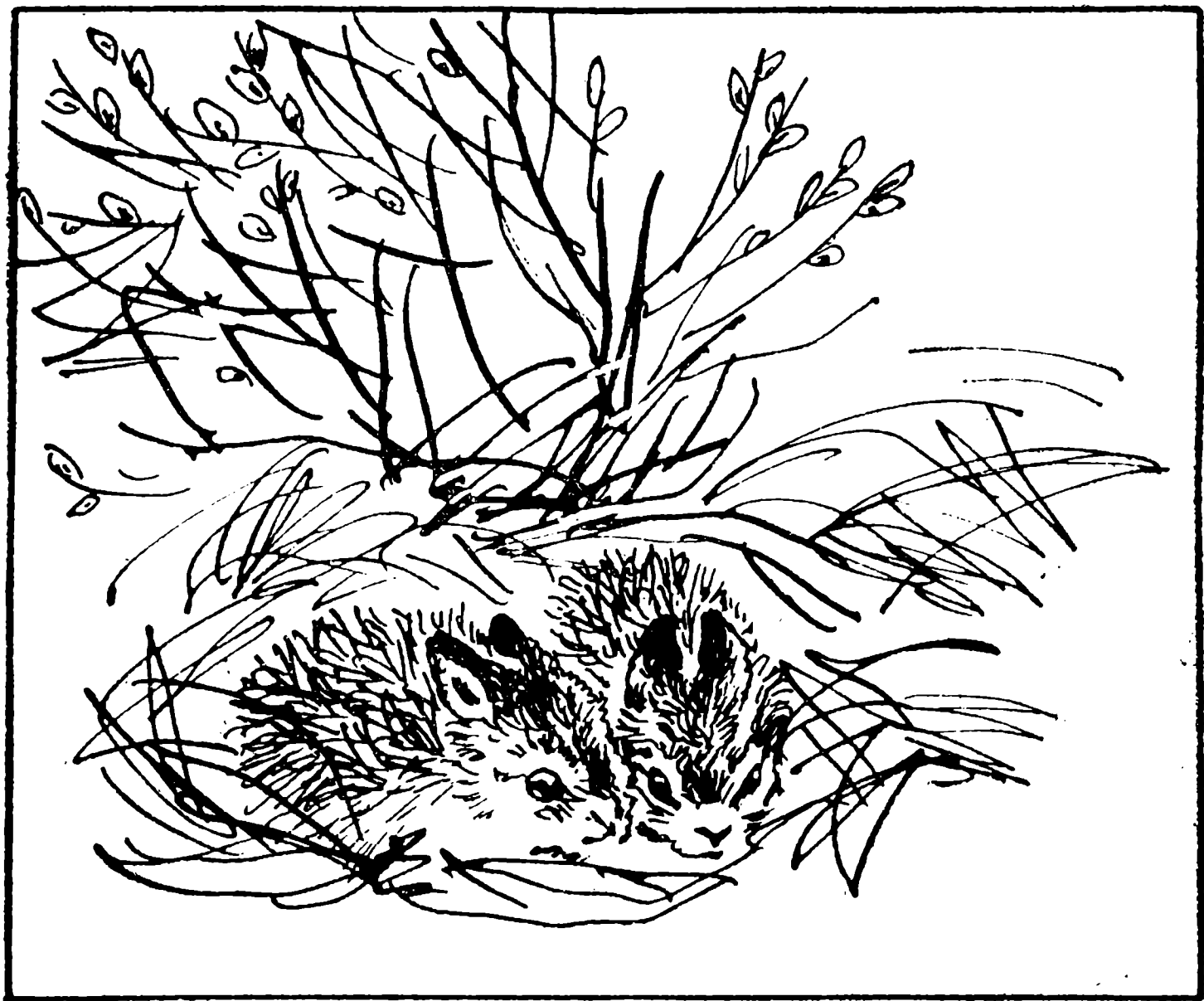
Взошло солнце! — 7 ч. 00 м.

Запела синица — 7 ч. 11 м.

Заворковал косач — 7 ч. 13 м.

Запела овсянка — 7 ч. 46 м.

НОВОСТИ ВОСКЛИЦАТЕЛЬНЫЕ!

Скворцы прилетели!
Запели жаворонки!
Видели зеленушек!

[Конец марта]

Пухляки запели!
Первые зайчата-«настовички»!
Первые утки на полыньях!

ПРОИСШЕСТВИЯ И СОБЫТИЯ

ТЕПЛАЯ СТРУЙКА

Зима — тяжелое время. Даже могучие звери прячутся в берлоги и норы. А о мелюзге и говорить нечего. Трудно представить, что где-то сейчас, в тайничках под снегом, лежат окоченевшие бабочки. Бывало, чуть ветер, чуть дождь, а они уже сникли. И пыльца на крылышках сбилась и потускнела. А тут всю зиму под снегом!

Но они есть, они ждут; ждут весну и тепло.

Бабочка-крапивница зимовала в стогу. Солнце нагрело стог, и заструилось от него тепло. К теплу, на припек, и выползла неловкая и сонная бабочка. Подкрылышко одно отпало, другие оббились, стерлась пыльца. Нелегко зимовать и в стогу.

Крапивница отогрелась и затрепетала от нетерпения. Качнулся ветерок, она вспорхнула и понеслась.

И вдруг ее обдало жгучим морозом: вокруг стога еще лежали снега. Лес и луга в снегу, один стог оттаял и высох. Крапивница сникла и опустилась на снег.

Хорош мартовский снег: в гранях и блестках, с весенней голубизной. И крапивница на нем как первый цветок.

Но кому красиво, а крапивнице — смерть. Уже окоченела совсем, когда теплая струйка ветра от нагретого стога потянулась и к ней: она встрепенулась, вспорхнула и понеслась по теплой струе, как по знакомой дорожке. Струйка-тропинка привела ее к стогу.

Каждый солнечный день теперь вылетает крапивница полетать. Смело носится над заснеженным полем. Но далеко не улетает. Текут от стога нагретые струйки, колышутся за ним как невидимые ленты. Крапивница чувствует их тепло, они для нее — как дорожки к жизни.

Все выше солнце, все жарче стог, все длиннее теп-

лые струи-дорожки. Все дальше и дальше отлетает по ним от стога крапивница. Пока однажды не долетит до первой большой проталины. Там и останется лето встречать.

Идешь по снеговому полю от одной рыжей проталины до другой — как от острова к острову. И каждый уже обитаем, на каждом копошатся островитяне — отогреваются на вешнем солнышке.

Обомлевшую от холода траурницу — мертвую, жестяную! — положил на солнечный зайчик, и вот она уже шевельнулась, крылышки ее задрожали, все быстрее и быстрее, и вдруг распахнулась — как цветок раскрылся! Зашевелились усики, засучили лапки, хоботок развернулся — спящая красавица пробудилась!

Бабочка-крапивница потеряла на зимовке одно из четырех своих крылышек. И теперь на лету хромает и ковыляет, как инвалид на деревянной ноге.

КРЫЛАТЫЕ ПЕСНИ

Небо сияет — глаз не поднять. И в этом сиянии, невидимо, летят с юга на север птичьи песни. Летят в одиночку и стайками; никому их не видно, но всем слышно.

Медленно тонут в набухшем снегу нагретые солнцем

соринки, чешуйки и щепки. Синицы собирают на снегу оттаявших комаров и мух. Услышав летучие песни, синицы скачут вверх по стволу, с сучка на сучок, все выше и выше, как по ступенькам винтовой лестницы. Вот и конец, вот еловый шпиль; дальше синее небо, белое сияние — ничего не видать. Разве песни увидишь? А песни летят; песня за песней, одна за другой, журчащие, как ручейки.

Осенью птицы улетают молча: были и нет. Или кричат унылыми, прощальными голосами. А весной каждая пичужка звенит, песни летят наперегонки. Видно, торопятся песни домой. Не видя их узнаешь. Вон та — трясогузка, а эта — юла. А эта, что летит и журчит, — жаворонок. Близкая сердцу птица: песня и полет!

Вот чибисы: кому не знакомо их «у-вы!» и «кувырк!». Но и чибисов не видно, слышны только их голоса! Неужели, как в сказке, голоса обогнали хозяев и первыми прилетели домой? И так и не так.

Бегают по липкой пашне скворцы и кричат чибисинными голосами. Видно, устали чибисы в пути, и скворцы обогнали их. На лету подхватили чибисинные унылые крики и унесли их с собой. А может, налетела на чибисов беда, может, снежные вихри заломили им крылья и понесли по земле. Не долетела бы песня домой, если бы не скворцы.

Весна — вот и торопятся песни домой. Песни спешат наперегонки. Песни летят как на крыльях!

Птицы в небе любят кричать: так они переговариваются с землей.

Прилетела в рощу первая стайка зябликов — верещат, как волнистые попугайчики: вспорхи, перелеты и вскрики! И голая мертвая роща затрепетала живыми птичьими крыльями и зазвенела живыми птичьими голосами.

Желтоглазый перепелятник оголтело набрасывается на пичуг, турманом переворачивается, цапая воздух когтями,— плывут по ветру легкие перышки.

ПЕРВЫЕ

Закапало с сосулькиных носов. Солнечная теплая дымка заволочила холодное небо. И появились первые перелетные птицы. Каждую весну с изумлением слежу за великим переселением птиц с юга. Мчат над головой быстрые кулики. Совсем недавно бегали они по отмелям тропических рек, кося глазком на зубастых крокодилов. Летят журавли,— может, на перьях их еще сохранилась пыль берегов Нила.

Все спешат туда, где сами выклюнулись из яйца и впервые увидели синее небо и зеленую землю.

Удивительное это дело — перелет птиц!

Но еще больше изумляют п е р в ы е.

Капают сосулькины простуженные носы. По ночам еще позванивает мороз. Только крошечные проталинки наклюнулись на белых холмах, а п е р в ы е уже тут.

...Лиловые тучи приподнялись над горизонтом и открыли оранжевую полосу зари. В оранжевую щель со свистом ворвался вихрь; зазвенела на ветру упругая желтая стерня. На черной маслянистой пашне вспыхнули от зари лужи, будто в подземных окнах включили свет.

На север, борясь с вихрем, мелькая белым брюшком, пролетела первая ласточка.

...Захлебываюсь ветром. Ветер заливает рот, нос, глаза и уши. Тону в ветре, как тонут в бурной горной реке. Цепляюсь за жесткие стебли травы, прячу голову за камень. Под камнем лисья нора: пахнет сырой землей и зверем. Неглубоко в норе птичка — горный конек. Конек спасается от бури. Это первый конек. Так и лежим рядом — человек и птичка. Слушаем, как обрушиваются на скалы тяжелые валы ветра.

А в степи?

...На белую степь смотреть нельзя. Снег занастился и полыхает на солнце литым стеклом. Редко-редко черные точки — первые проталинки. В полдень над проталинками струится парок. И, как рожденная из пара, поднимается вверх на трепещущих крыльях птица. Льется над снежной степью ее ветряная песенка. Это первый жаворонок.

На много дней полета впереди своих стай, терпя голод и холод, страстно рвутся вперед первые вестники весны — первые птицы.

И захотелось мне узнать: какие же они, эти первые? Чем они отличаются от остальных? Что это за птицы, которые наперекор всем невздам обогнали свои стаи и летят впереди? Может, эти птицы больше ростом, сильней? Может, у них теплее перо и гуще пух? Может, крепче у них клювы и ноги? Или окраской они отличаются от всех других?

Я стал наблюдать.

Поднимал замерзших, ловил обессиленных. Очень уж хотелось узнать тайну первых.

Я подробно разглядывал этих птиц, ощупывал крылья, дул под перо. А потом сравнивал.

Нет, ничем эти первые внешне не отличались от всех других. Желудок только чаще бывал пустой, да тельце под перьями синеватое, обезжиренное.

Так и не разгадал я тайну первых. Так и не узнал, чем отличаются передовые от летящих позади. По виду они были совсем такие же.

И значит, различие у них не снаружи, а внутри! Что же, это очень похоже на истину. Пожалуй, это так и должно быть. У всех первых что-то особое внутри, а не снаружи. Только вот — что?

Дрозды в роще свой прилет празднуют! Шумной стайей сидят на голой еще ольхе: возня, лопот, песни и гам! А отпразднуют и начнут потихонечку разлетаться на облюбленные места. Отпраздновали — и за дело!

Из лужицы рядом с сугробом высунулось нечто буренькое и непонятное. Через день это «нечто» превратилось в цветок! Расцвела первая мать-и-мачеха! И на ней уже копошится муха, возится мохнатая пчелка, а над нею порхает нарядная крапивница. И кто бы мимо ни шел — останавливается и смотрит. Один всего цветок — а скольких радует!

Первые птицы, первые цветы — первоцветы. Еще и снег не везде сошел, а они уже цветут! Волчье лыко, гусиный лук, мать-и-мачеха, голубые пролески, медуница, сон-трава, ветреницы. Разноцветное первоцветье. Глаз радостно и удивленно задерживается на ярких пятнышках, окропивших лежалую тусклую ветошь.

ОВСЯНКИНЫ СОВЕТЫ

Песенку овсянки мы сначала и слушать не хотели: уж больно проста. Да и певица невидная: сидит неподвижно на ветке, прижмурив глаза, и поет одним голосом:

— Синь-синь-синь-си-и-нь!

Но нам сказали, что хоть и одним голосом она поет, да о разном.

— Вы только вслушайтесь,— сказали.— Слышите?

— Синь-синь-синь-си-инь!

И верно, синь вокруг! Как мы раньше не заметили! Небо синее, дымка над лесом синяя, тени на снегу — как синие молнии. А если еще и глаза прижмурить — все станет синим. Синий месяц март!

— Это еще не все,— сказали.— Послушайте-ка ее в апреле.

В апреле овсянка песенкой своей давала советы. Увидит возчика в розвальнях на раскисшей дороге и запоет:

— Смени сани, возьми во-о-з-з!

В мае у овсянки песня та же, но совет другой. Увидит, что скотник сено коровам несет, и сразу:

— Неси, неси, неси, не тру-си-и!

— Ишь ты,— усмехается скотник.— И откуда она знает, что сено у нас к концу?

Любит овсянка возле человеческого жилья петь. Одна у нее песенка, но советы разные. И каждый их по-своему понимает.

Два пухляка на елке пели наперегонки: один за струну дергал, а второй на дуде дудел.

Зяблики поют так ядрёно, что горлышко встопорщивается и даже хвост трясется!

Крошечный чирик вызывающе пел на самом высоком торчке самой высокой елки. Но летел мимо дрозд, взмахнул, озорничая, крылом — и заносистого чирика как ветром сдуло!

ПЕСЕНКА ЗА ОКНОМ

Я знаю много птичьих песен. Услышу — и сразу же угадаю, кто поет. А вот нынче не угадал.

Проснулся я рано-рано. И слышу вдруг: птичка какая-то возится за окном. Потом и голосок услышал: странный какой-то, но приятный. Будто две хрусталинки ударяются друг о друга, а между ударами просто по-воробьиному: чив, чив! Хрусталинкой — воробьем, воробьем — хрусталинкой. Да все бойчее, все звонче!

Перебрал в памяти все птичьи песни — не слыхал такой! А птичка за занавеской не унимается: хрусталинкой — воробьем, воробьем — хрусталинкой!

Вскочил я, занавеску отдернул: сидит на кусте воробей! И не один сидит, а с воробьишкой. Да и не сидит он, а перескакивает с ветки на ветку как заводной и чирикает. А тонкие веточки от этого стучаются друг о друга и хрустально звенят. Потому звенят, что дождевая вода на них утром замерзла сосульками.

«Чив, чив!» — воробей, «дзень, дзень!» — сосульки.

И так получается здорово и хорошо, ей-ей, не хуже, чем у заслуженных птичьих певцов — соловьев или жа-

воронков. Даже воробья не улетает, а сидит и чистит перышки. И слушает.

Мы друг на друга похожи. Когда просыпаемся, то зеваем: зевают, просыпаясь, медведи и волки, даже змеи, рыбы и черепахи! Прощегонув, торопимся к солнышку, а перегревшись — ищем тень. Точно так поступают и животные. Даже воробьи.

Мы поражаемся самостоятельности и независимости диких, смотрим на них с тайной завистью и восхищением. Они никогда не лгут: ни видом, ни делом. И не прячут чувств: поют от радости, кричат от возмущения. Они всегда могут быть самими собой.

МЕДВЕДЬ И СОЛНЦЕ

Просочилась в берлогу Вода — Медведю штаны промочила.

— Чтоб ты, слякоть, пересохла совсем! — заругался Медведь. — Вот я тебя сейчас!

Испугалась Вода, зажурчала тихим голосом:

— Не я, Медведушко, виновата. Снег во всем виноват. Начал таять, воду пустил. А мое дело водяное — теку под уклон.

— Ах, так это Снег виноват? Вот я его сейчас! — взревел Медведь.

Побелел Снег, испугался. Заскрипел с перепугу:

— Не я виноват, Медведь, Солнце виновато. Так припекло, так прижгло — растаешь тут!

— Ах, так это Солнце мне штаны промочило? — рявкнул Медведь. — Вот я его сейчас!

А что «сейчас»? Солнце ни зубами не схватить, ни лапой не достать. Сияет себе. Снег топит, воду в берлогу гонит. Медведю штаны мочит.

Делать нечего — убрался Медведь из берлоги. Поворчал, поворчал да и покосолапил. Штаны сушить. Весну встречать.

Пригрело солнце, и земля в лесном овраге отволгла. И из зимней норы вылез на солнышко барсук. Пожмурился подслеповато, почесал бок лапой, поводит мокрым носом и от нечего делать направился раскапывать муравейник. Соскучился за зиму по работе, с головой в муравейник зарылся, один зад наружу. Я подошел тихонько и пощекотал барсука палкой. Он замер, насторожился, перестал рыть. Но не высунулся.

Я сильнее пощекотал. Барсук вздрогнул, выпятился задом из муравейника, уставился на мои ноги, зашмыгал носом и, с невероятной скоростью прошмыгнув между ног, помчался к своей норе. Неудачным получился его первый выход.

На восходе, после морозной ночи, птицы взлетают на солнечные макушки деревьев — погреться. На голый осине дрозд сидит, а на елке — ворона. Повернулись к солнцу спиной, чуть раздвинули крылья. Над вороной даже теплый парок курчавится! Хорошо им на солнышке в вышине, а у меня внизу еще морозная тень, мерзнут уши, и пар курчавится изо рта.

ПТИЧЬЯ БАНЬКА

Бежал из школы Ванятка и видит: сидят на бережку снеговой лужи три совершенно незнакомые птички! Ростом с воробья, но одна птичка черная, другая — коричневая, а третья — рыжая. Всех птиц в парке Ванятка знал, а таких видел в первый раз.

Птички одна за другой прыг-прыг в лужу — по колено, по гузку, по самый хвостик! — и ну купаться. То нос окунают, то на хвост откидываются, трепыхаются и так бьют по воде крылышками, что брызги летят! Фейерверк над ними: в каждой капельке сияет вешнее солнце.

Вот выскочили из лужи и, мокрые и взъерошенные, перелетели на ребячью песчаную горку. И давай барахтаться и копошиться в песке! Песок к перьям липнет, так измазались, что не поймешь, какого и цвета были. И не взлететь им уже, назад к луже скоком скачут.

Снова в лужу по грудку, снова затрепыхались, снова брызги, а в брызгах даже радуга!

Выкупались, вымылись и выскочили на бережок. Ванятка так и ахнул: воробьи! Вся троица — воробьи!

Теперь все трое одинаково серенькие, свеженькие такие, чистенькие. А вот вода в луже стала грязной...

Понял Ванятка, что воробьи за зиму так измазались — мыться-то было негде! — что стали сами на себя не похожи. И вот сейчас в бане мылись, зимнюю грязь смывали. С песочком терли!

Черный воробей сажу смывал: всю зиму в трубе ночевал. Коричневый в дупле трухлявом спал. А рыжий в кирпичной стене устроился, в дырочке. Вот вода в луже и стала черно-кирпично-коричневой.

— С легким паром! — крикнул Ванятка воробьям. И помчался домой, разбрызгивая ногами весенние лужи.

По вечерам птицы любят понежиться на заходящем солнышке — точь-в-точь как мы на вечерней завалинке! Кабаны и олени от гнуса вымазываются в грязи — и мы мажемся мазью от комаров. Мы во многом похожи, и нечего нам делить.

ПИЩУХА

Как только снег окреп и заискрился, отправился я в лес. Не люблю снимать на задворках! Вблизи домов птицы какие-то не настоящие, не дикие, домашние какие-то. Не то что в лесу. Да и кого на задворках встретишь? Воробьев да ворон.

И вдруг вижу: ползет что-то по стволу сосны. Не то мышь, не то птичка. Нет, не мышь — птичка: клювик впереди торчит. Станный клювик: острый и изогнутый, как шильце. Да и птичка странная: не бежит, не скачет, а ползет. Ползет и носик-шильце во все трещинки сует. Сверху буренькая, снизу светленькая, как мышь. И шуршит на стволе, как мышь.

Я вскинул аппарат. Вот она, птичка-мышка, на матовом стекле — прямо перед глазами! И только на спуск нажать, пичужка раз — и за дерево! Стал я вокруг ствола переступать. Я переступаю — птичка переползает. Попискивает насмешливо. Я по одну сторону — птичка по другую. И все пищит — пищуха какая-то!

Сделали круг. Вокруг сосны колечко моих следов.

Начали второй. Аппарат у глаза: как поймаю, так и щелкну. Только бы догнать. Да попробуй догони!

Вокруг сосны уже тропинка. А мы все кружим: я — с одной стороны, птичка — с другой. Кружим и кружим.

Пичужке первой надоело кружить. А может, все щели в коре проверила. Спокойно сидит. Только что это: вижу две сосны и две пичуги? Какую снимать, по какой фокус наводить?

Вот закружила: в глазах двоится!

Навел я аппарат между деревьев и между двух пичуг и нажал на спуск — была не была! Получилось — «была». Вот она какая на карточке: носик шильцем, хвостик подпорочкой. А зовут ее и в самом деле пичухой. Занятная птичка — лесная. Такую на задворках не часто увидишь.

На голой осине сидел снегирь: то ли снегирь осиной скрипел, то ли осина скрипела по-снегириному.

Сороки по вечерам долго возятся в сырых и темных кустах и сердито там чертыхаются: «Чёрррт поберри, чёрррт-те-что!» Что-то их там никак не устраивает.

СКВОРЦЫ ПРИЛЕТЕЛИ

Слова эти не произносят, а выкрикивают: «Скворцы прилетели!» Потому что это такое же радостное известие, как «Грачи прилетели!», «Жаворонки запели!». Значит, пришла весна — лучшая пора года. А за весной лето — радостей-то сразу сколько!

Скворцы прилетели!

Но однажды я услышал эти слова, произнесенные грустно-грустно. «Скворцы прилетели,— сказал человек печально и тихо.— Прилетели и осень с собой принесли. А за нею — зима...»

Да, не лето впереди, а зима.

Потому что скворцы, те самые скворцы, что приносят нам с юга весну, от нас на юг несут зиму. В рощах и скверах Черноморского побережья появляются они боль-

шими стаями; все сразу обращают на них внимание. Скворцы прилетели!

Но не радостное это тут событие. Ведь за стаями наших скворцов надвигается на юг и наша северная зима с холодами, ветрами и снегом.

Так по-разному могут звучать одни и те же слова.

Прилетел к скворешне скворец и упорно высвистывает весничкой. А та еще за горами и за морями, через месяц еще только у нас появится!

Так припекает солнце, что все почки на ветках вздулись — вот-вот лопнут от перегрева!

ПЫЛЕСОС

Старая история: воробей, пока не прилетели скворцы, решил скворечник занять. Напыжился, почирикал для храбрости и нырнул в леток.

Старую подстилку выносил пучками. Выскочит, а в клюве целый сноп. Разинет клюв и смотрит, как сухие травинки падают вниз.

Большие перья вытаскивал по одному. Вытащит и пустит на ветер. И тоже следит: поплывет перо или штопором вниз закрутится?

Все старое нужно выкинуть дочиста: ни соринки чтоб, ни пылинки!

Легко сказать: ни пылинки. А пылинку ни в коготках не зажать, ни клювом ухватить.

Вот вынес в клюве последнюю соломинку, вот выбросил последнее перо. Остался на дне один сор. Пылинки, соринки, шерстинки. Кожица от личинок, перхоть от пера — самая дрянь!

Посидел воробей на крыше, затылок лапой почесал. И в леток!

Я стою, жду.

Началась в скворечнике возня, слышалось жужжание и фырчание. А из скворечника — из всех щелей! — завихрилась пыль. Воробей выскочил, отдышался и опять нырнул. И опять я услышал фырчание, и опять полетела пыль. Скворечник дымил!

Что там у него — вентилятор или пылесос? Не то и не то. Сам затрепыхался на дне, крылышками забил, погнался ветер, завихрил пыль — сам себе пылесос, сам себе вентилятор!

Чист скворечник как стеклышко.

Самая пора свежую подстилку носить. Да поторавливаться, пока скворцы не прилетели.

В феврале ворон в поднебесье журавлем прокричал, в марте сойка сарычом просвистела, а сорока — скворцом. Так зимние голоса весенние торопили: пора, мол, уже весна!

Конец белому безмолвию! Лед в низинах, на болотах и речках покряхтывает, потрескивает, пощелкивает. На припеке бойко стучит капель, в роще насвистывает синица, а откуда-то доносится дорожный колокольчик овсянки.

Лужи на дорогах затянуло ледком, похожим на прозрачное крыло стрекозы. Утренний стрекозиный ледок!

«ДЕНЬ ПТИЦ»

Праздник «День птиц»! У ребят весенние каникулы, ребята идут колоннами и несут на плечах скворечники, синичники и разные другие дуплянки. И вырезанных из фанеры птиц: скворцов, кукушек, иволг, пеночек, славок, соловьев, грачей и сов. Столько над колоннами разных птиц, сколько их сейчас и в лесу-то нет! Весна еще ранняя, не все птицы домой вернулись. Ну, скворцы, жаворонки, грачи. Первые дрозды, зяблики. Правда, синицы никуда и не улетали. Они-то больше всех и радуются дуплянкам!

И радуются, конечно, прощелыги-воробьи! Надеются, пока перелетные птицы не все вернулись, занять для себя их домики.

Шум, гам, веселье! Радуются ребята празднику и весне. Радуются и птицы. Даже те, которые еще не прилетели, которые еще в пути. Знают: прилетят, а на деревьях уже новые домики! Не впервой: каждую весну празднуют ребята «День птиц», каждую весну готовят подарки к празднику. Веселому празднику «День птиц».

Минет зима, и весной снова все лесные уголья займут те же птицы. Снова у дуплышка будет всплескивать крыльями мухоловка-пеструшка, снова над лесным ручьем будет носиться с криками кулик-черныш, над той же

вырубкой с песней кружить юла, а над болотцем кувыр-
каться чибис. Словно и на зимовку не улетали.

СОРОКА И ВОРОБЕЙ

— Чего это ты, Воробей, раззадавался? Чего это ты расчирикался? Все хорошие певцы помалкивают еще, а тебя прорвало — орешь и подскакиваешь!

— Эх, Сорока, мне-то с моим голосом только и петь, пока другие молчат! На безрыбье и рак рыба, на бес-птичье и воробей соловей! Чик-чирик!

СОРОКА И ЗАЯЦ

— Вот бы тебе, Заяц, да лисьи зубы!

— Э-э, Сорока, все равно плохо...

— Вот бы тебе, серый, да волчьи ноги!

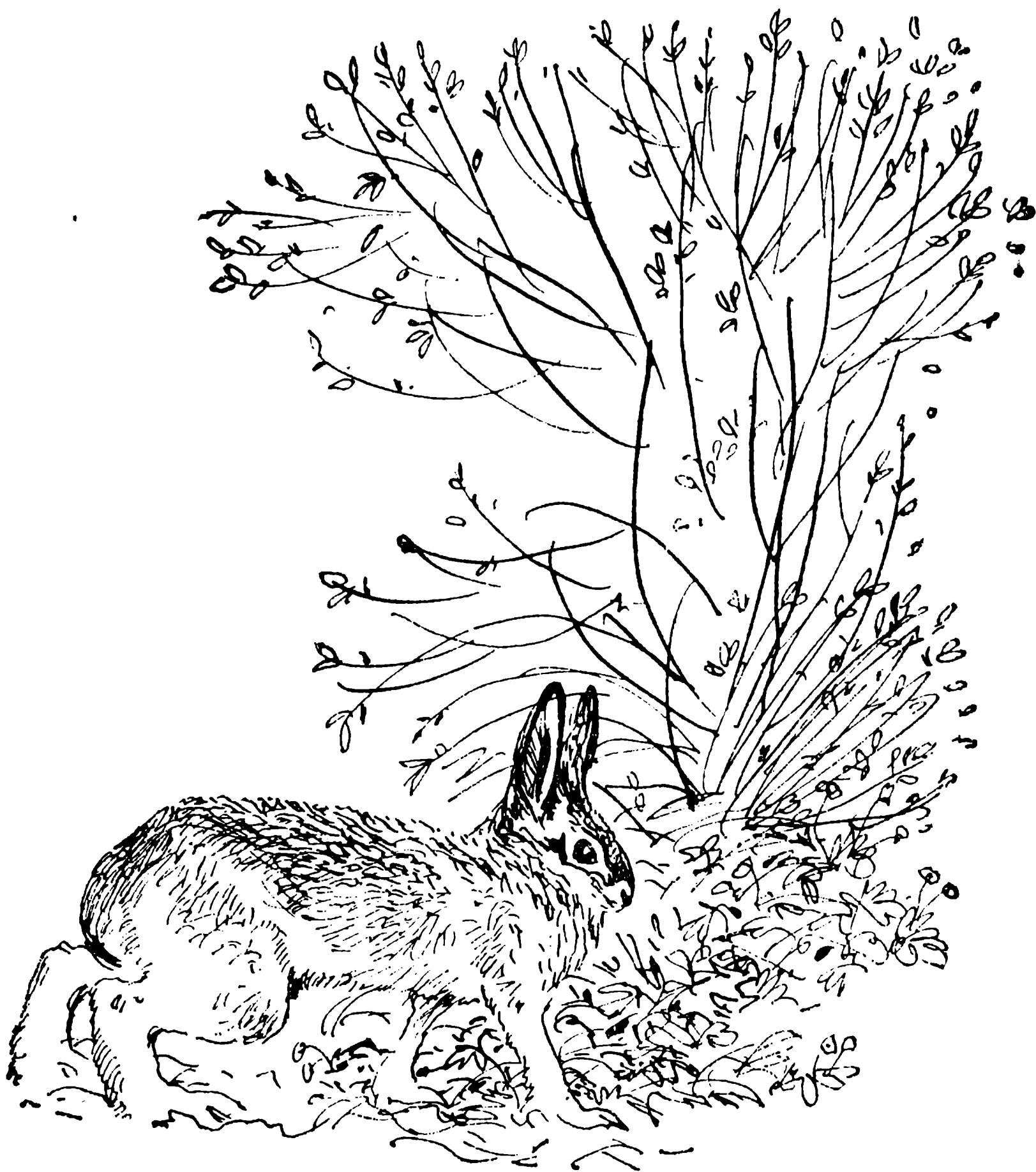
— Э-э, Сорока, невелико счастье...

— Вот бы тебе, косой, да рысьи когти!

— Э-э, Сорока, что мне клыки да когти? Душа-то у меня все равно заячья...

апрель

На всех снежных полях рыжие пятна — проталины. День ото дня их все больше и больше. Не успеешь и глазом моргнуть, как все эти маленькие веснушки сольются в одну большую весну.

Всю долгую зиму в лесах и полях пахло снегом. Сейчас оттаяли новые запахи. Где ползком, а где на легких струйках ветра понеслись они над землей.

Черные пласты оттаявшей пашни, как черные гряды волн, пахнут землей и ветром. В лесу пахнет прелыми листьями и нагретой корой.

Запахи сочатся отовсюду: из оттаявшей земли, сквозь первую зеленую щетинку травы, сквозь первые цветы, похожие на брызги солнца. Струйками стекают с первых клейких листочков берез, капают вместе с березовым соком.

По их невидимым пахучим тропинкам торопятся к цветам первые пчелы и мчатся первые бабочки. Зайчишки так и шмыгают носами — чуют зеленую травку!

И сам не удержишься, сунешь нос в ивовые «барашки». И станет твой нос желтым от липкой пыльцы.

Быстрые лесные ручьи впитали в себя запахи мхов, старой травы, лежалых листьев, тяжелых березовых капель — и понесли по земле.

Запахов все больше и больше; они все гуще и слаще.

И станет скоро весь воздух в лесу — сплошной запах. И даже первая зеленая дымка над березами покажется не цветом, а запахом. И все веснушки-проталинки сольются в одну большую пахучую весну.

НОВОСТИ ВОСКЛИЦАТЕЛЬНЫЕ!

Ольха запылила!

(Начало апреля)

Вылетела первая бабочка-крапивница!

На проталинах первые чибисы!

Первая песня зяблика!

Закапал сок у березы!

Трясогузки прилетели!

ПРОИСШЕСТВИЯ И СОБЫТИЯ

АПРЕЛЬСКИЕ ШУТКИ

Любит пошутить этот Апрель. Взял нынче и прикинулся на первое апреля зимой. Снегу высыпал, морозом ударил.

Скворцы и грачи, что с юга уже прилетели, испугались. Плохо дело: надо назад заворачивать.

Услыхал про то Апрель и перетрусил. «Что ж я,—думает,— за Апрель, что за весенний месяц, коли всех птиц разогнал?»

Давай кричать:

— Эй, птицы перелетные! Не бойтесь, не улетайте! Я пошутил. Я вас просто с первым апреля надул! Я весенний, не зимний! Сейчас снегопад останавливаю, морозы прогоню. Потом за снега возьмусь, потерпите!

Легко сказать: потерпите. А есть что?

Ой, не твердое апрельское слово!

Не серьезный это месяц, весенний. Все бы ему шутить да обманывать. Не только на первое апреля может обмануть, но даже и на пятнадцатое, а то и на двадцатое. Ему — шутки, а лесным птицам и зверям — горе.

Но спасибо, юннаты помогают. Скворечники и дуплянки развесили. Голодных подкормят, замерзших отогреют, слабых поддержат. Тех, кто к человеческому жилью в непогоду жметяся.

Апрель тоже не одни шутки шутит, но и дело делает. Снега растопляет, льды взламывает, землю прогревает. Большое дело делает. Нешуточное.

Весной с одного места можно сразу увидеть прошлое, настоящее и будущее: не растаявший еще прошлогодний

снег, весенние ручьи и проталины и почти уже летние цветы и травы на крутых южных склонах.

НАСТ

Все вдруг стало доступно! С ночи подморозило, и непроходимые из-за рыхлого снега леса и болота стали доступны: иди! Хочешь — иди или даже беги: наст, как асфальт,— не провалишься, не споткнешься.

Ветки с утра в белом ворсистом инее, посверкивают лиловыми и красными искорками. Пар изо рта, стынут зубы, ноздри слипаются. Синие тени исполосовали снег. И соблазны со всех сторон!

Далеко на маковке ели черный косач сидит. На ветле у речки желтоголовая овсянка звенит бубенчиком. На сухой осине дятел стучит, да так, что только голова мелькает. В ольшанике квохчут и повизгивают дрозды.

Но берегись, не поддавайся сладкому зову лесных сирен! Они заманят тебя в глубину леса и бросят. Забредешь сгоряча далеко от дороги, разбегутся твои глаза — и не заметишь, что солнце уже пригрело. Затрещат на болотах льды, а в лесу начнет ухать и оседать снег. Спихватишься тут, да поздно!

Наст размяк и не держит: шагнул — и провалился по самый пах. Полбеда еще, если б снег совсем не держал: продирался бы по раскисшей снеговой каше, как вброд по воде. Так нет: он то держит, а то не держит. Одна нога по колено увязнет, а другая, как на ступеньке, сверху торчит. А начнешь на нее опираться и выжиматься — ступенька хрясь под ногой! И снова в снегу по пояс. И зубы лязгнули, и голова мотнулась. Не ходьба, а сотрясение мозгов!

Снова ногу на снег закидываешь, и снова — хрясь! Все внутри сотрясается и подскакивает. И снова клацают зубы — как у собаки, хватающей мух. За спиной пар клубится, под курткой горячо, за голенища сверху

сыплется снег, а снизу из твоих же следов заплескивается вода. Теперь тебе ничего уже не увидеть и не услышать, а сам ты у всех на глазах. Гром, треск и плеск от тебя на всю округу: ломишься, словно лось, и пыхтишь, как медведь. Копошишься, как муха на липкой бумаге, и едкий пот заливает глаза. Сколько раз зарекался не уходить по заманчивому насту в лес! И сколько раз уходил...

Березки зашелушились — заискрили на солнце ленточками бересты. И каждая о чем-то попискивает на ветру...

ОТТАЯВШИЕ ПРОИСШЕСТВИЯ

Все, что случилось зимой в лесу, — все скрыл снег. Злодейство ли, доброе ли дело — все погребено в сугробах: снегом укрыто, метелью заглажено. Ни памяти, ни следа.

Но пришла весна, и пошло время вспять: первыми оттепель растопила снега последние, апрельские. И пошло: мартовские, февральские, январские, декабрьские. И тут все вышло наружу. Все, что копилось, все, что скрывалось, выступило напоказ. Оттаяли хвоинки, прутики, листики, кусочки коры. Везде под «кузницами» дятлов грудками лежат шишки.

Вот перья вороны, которую в конце зимы разорвал ястреб. Вот подснежные спаленки-лунки рябчиков и теремов. В них они спали в самую глухую зимнюю пору. Тут снеговые тоннели крота: ишь ты, он и в снегу искал червяков!

Шишки, сброшенные клестами и оглоданные белками. Подстриженные зайцами ивы.

А вот землеройка, задушенная и брошенная лаской. Вот хвостик белки-летяги — остатки обеда куницы.

Будто листаешь прочитанную книгу с конца к началу и рассматриваешь картинки.

Ветер и солнце долистают белую книгу. Скоро покажется и обложка — земля. Тут все зимние происшествия встретятся, соединятся и растворятся в тысячах и тысячах других, скопившихся на земле за долгие-долгие годы.

Вся земля под ногами — это бывшие происшествия.

Рысь накрыла лапой рябчика в снежной лунке, сдавила его зубами, довольно урча и плюясь перьями. А потом ушла, оставив на снегу капельки крови и пестрые перышки. Никто теперь не помнит о рябчике, хотя он тут и всю жизнь прожил. Даже рысь, которую он спас от голода. Даже птицы, которые гнезда свои утеплили его перьями! Один я помню — и вот вам рассказываю.

ЛАЗУН

Весна — и новости на каждом шагу! Папоротники высунули из земли зеленые кукиши. Волчье лыко отцветает — пахнет цветочным мылом. Крот у тропы напек песочные куличи. Сухая можжуха ободранная: белка на гнездо лыко драла. Осина упавшая, добела обглоданная лосями и зайцами. А эту березу кто остриг?

Стоит у тропы молодая береза... без маковки! Все прутья на макушке сострижены. Кто достал?

Птицы «березовую кашу» не едят. Зайцы по деревьям не лазают. Белки лазают, но прутья не гложут. Лоси хоть и длинноногие, но и им до маковки не дотянуться! А выше их и нет никого. Нет, а маковка у берёзы огрызена...

Ходит, правда, слухок, что живет-де в лесу особый

заяц-лазун. Все зайцы скакуны — скачут, а этот лазун — лазает. Лазает по березам не хуже белки и маковки у них зимой оглаживает. Травы-то нет, еды не хватает. Осинка горькая да кора ивовая надоедят ему, вот и полез по березам за «березовой кашей»! Прутики наверху нежные, сочные, витаминные, аппетитные.

Не верится в лазуна, конечно, но, с другой стороны, вот береза передо мной: без маковки, оглоданная, остриженная — и явно заячьими зубами! На высоте двухэтажного дома. Такое только лазуну и под силу.

Насмотрелся я на такие оглоданные березы, каждую весну вижу их. И впрямь уж чуть не поверил было в диковинного зайца-лазуна, да спасибо... наступил на разгадку! Шел по снегу, уставился на следы и уперся с ходу в густую заросль. Надавил на ветки плечом, привычно полез напролом, а заросль вдруг как-то странно дернулась и... взметнулась в небо!

Это согнутая в дугу березка, примороженная густой макушкой, выдернула из снега ветки и распрямилась. Словно шлагбаум поднялся — путь открыт. А я ни с места: вот она где, разгадка!

У таких вот согнутых снегом берез зайцы — не лазуны, а самые обыкновенные скакуны! — и оглаживают макушки. Ни птичьих крыльев не надо, ни беличьих цепких лапок — подходи и грызи в свое удовольствие.

Весной снег растает, березки выпрямятся, огрызенные маковки поднимутся в небо. Поди догадайся, что зайчишки их оглодали!

Ну что ж, пойдя и догадайся! В лесу только так. Да и везде так...

Березу можно в дугу согнуть — и хоть бы что! А сосна сломается. Одно дерево как однажды согнется — так

всю жизнь согнутым и простоит. Другое — каждую зиму снег в дугу сгибает, а оно каждую весну распрямляется! Одно норовит на соседнее опереться, другое противостоит всем ветрам и снегам. Что ни дерево — то своя судьба.

Внимание привлекает особенное, непривычное: ранней весной спешишь к первой проталине, а поздней — к последнему сугробу. Как-то проталине среди снега, как-то сугробу на теплой земле?

ГЛУХАРЬ

Глухарь пел прямо над головой. Снизу, в просвете еловой хвои, он был похож на черного гусака с вытянутой к звездам шеей. Он глухо бормотал свои предутренние заклинания, и встопорщенная его бородачка подрагивала от усердия. Начиная он громко, решительно, даже сердито, словно палкой по сучьям стучал — дак, дак! — но тут же спохватывался и переходил на торопливую и умоляющую скороговорку.

Всю долгую зиму, дремля ночами под снегом или ошипывая днем хвою, он ждал этого месяца песен. И дождался, и торопится высказать все, что накопилось.

О чем бормочет глухарь? Колдует, заговаривает, камланит. И весь дрожит от избытка сил. То как дровосек постукивает топором и шаркает пилой, то как косарь отбивает косу и тут же начинает ее точить: шур-шур, шур-шур. В нем бьется жизнь!

А под ним затаилась смерть... Ведь именно так встречаются на току глухарь и охотник. Глухарь 'поет, а охотник подкрадывается под песню. И стреляет тогда, когда глухарь начинает «пилить» или «точить косу», когда он

уже ничего не слышит. Глухарь умирает, даже не слыша выстрела!

...Запрокинувшись в темное небо, глухарь все поет и поет. И если сейчас прислониться к сосенке, на которой глухарь сидит, почувствуешь легкую дрожь — так велико напряжение песни. То вызывающее пощелкивание, то шепот отчаяния; песня грозит, умоляет, зовет. Песня заговаривает и очаровывает.

Глухарь поет и поет. Ну и пусть поет...

Сколько новых приятных знакомств! Встречи не проходят бесследно: на долю секунды, бывает, мелькнут зверь или птица, а потом долго еще будоражат память. И снова в лес идешь, надеясь на новые встречи.

РАННЯЯ ПТИЧКА

Незаметно зажглась и тихо начала разгораться в небе алая полоска зари. Утренний ветерок прошумел в вершинах берез. Тонким перезвоном оледенелых хвоинок отозвались ему высокие сосны.

Внизу, в глубокой темноте леса, явственной зажурчал невидимый ручеек. И лес стал полниться чуть слышимым шуршанием, шорохом, хрупким, тихим звоном. И каждый звук был сам по себе: то хруст ветвей, то звон капель, а то посвисты жестких хвоинок.

Но вдруг все эти отдельные неживые хрусты, звоны и свисты соединились и зазвучали слаженно и живо.

И возникла — просто, как живая струйка воды из-под глыбы снега — и родилась в предрассветной мгле лесная песенка. Возникла и полилась тихо, полная робкой радости, светлой весенней грусти. Это запела зорянка.

И чудом соединила в песне своей все неодушевленные шорохи, шелесты, звоны и хрусты дремучей лесной ночи. Соединила и оживила, и стали они понятны и близки всем.

Рано, одной из первых среди наших перелетных птиц, возвращается она к себе на родину — в наши неодетые леса, где и в дневных сутемках долго еще будет хорониться от солнца хрупкий, хрусткий под ногой снег. Рано — чуть свет — пробуждается она утром и поет тихонько, как будто спросонья, свою тонкую, звонкую, замирающую в конце песенку. Живую песенку, сложенную из мертвых, чуть слышных звуков просыпающегося весеннего леса.

Манил весеннего рябчика, и он старательно отвечал из елок: вот увижу сейчас, вот покажется!

Дрогнула вблизи еловая лапка — нет, не рябчик: просто ком снега подтаял и сорвался. Шорох вдруг близкий — опять не он: прутик из снега вытял и подскочил пружинкой. Ворохнулся пучок пожухлой травы — ветерокдохнул.

Так и не увидел я рябчика, а все равно хорошо!

Удивительно пел белобровик! Между обычными для него торопливыми выкриками и косноязычным трещанием он вдруг громко вскрикивал: «тюй!» И ухо невольно поворачивалось на это необычное «тюй!», и глаза выискивали странного певца. И не потому, что он пел лучше других белобровиков, а потому, что не так, как все!

БАРАБАНЩИЦА

«Барабанщик» — мужественное, крепкое слово!

И барабанить — дело мужское. Дятел-барабанщик — звучит вполне подходяще.

Бьет дятел в барабан весной. Дятлов барабан — это сухой звонкий сучок. Но хоть и сучок, а дробь на нем получается настоящая барабанная. Палочек тоже нет: барабанит собственным носом.

Здорово получается: дrrrrrrrr! — и эхо за рекой.

Я сам думал и в книжках про то читал, что барабанит на барабане только дятел-самец.

Всем заявляет: «Тут мое дупло, я тут хозяин — поберррегись!» Так я и задумал его снять.

Услышал дробь, увидел барабанщика и стал подходить, прикрываясь деревьями. Я подходил, а барабан гремел. Это был особенный барабан: всем барабанам барабан! Сучок был сухой и звонкий, а барабанщик лихой. Он откидывался назад, опираясь на хвост, гордо осматривал лес с высоты и, дрогнув, вдруг начинал стучать носом по сучку с такой быстротой, что головка его виделась как расплывчатое, неясное пятнышко. Приложи ухо к дереву — оглушит. Что за молодец! Да, барабан — мужской инструмент.

Я навел фоторужье и вдруг близко увидел не барабанщика, а... барабанщицу! Не дятла, а дятлиху! На затылке у нее не было красной полоски — украшения дятла-самца.

Видом не видал, слыхом не слыхал. И никому бы никогда не поверил, но своими глазами вижу: музыкантша, а не музыкант!

Я отступаю спиной, след в след, от дерева к дереву, унося свое маленькое открытие.

А барабан гремит. Лихой барабан! Даже эхо откликается за рекой.

На проталине под сосной неуклюже скакал пестрый дятел и лихо, сияя красной шапкой, раскидывал носом сухие листья. Даже древолаз-дятел не утерпел и соскочил с дерева покопаться на первой проталине!

В солнечной вышине на самом пределе слуха вдруг дрогнул воздух и разнеслось журавлиное радостное «кrrру!».

Журавль из Африки прилетел на моховое болото. А на нем еще белым-бело, только рыжие кочки проклюнулись. Холодно еще, голодно и неприютно — а журавль все равно рад.

ЛЕСНЫЕ ОБОРОТНИ

Чудесное в лесу происходит незаметно, без чужого глаза.

Вот сегодня: ждал я на зорьке вальдшнепа. Зорька была холодная, тихая и чистая. Высокие ели поднялись на опушке, как черные крепостные башни. А в низине, над ручьями и речкой, навис туман. Ивы утонули в нем, будто темные подводные камни.

Я долго следил за утонувшими ивами. Все казалось, что непременно там должно что-то произойти!

Но ничего не происходило; туман с ручьев медленно стекал к реке.

«Странно,— думал я,— туман не поднимается, как всегда, а стекает...»

Но тут послышался вальдшнеп. Черная птица, взмахивая крыльями как летучая мышь, протянула по

зеленому небу. Я вскинул фоторужье и забыл про туман.

А когда опомнился, туман уже обернулся в иней! Застелил белым поляну. А как это случилось — я проглядел. Вальдшнеп глаза отвел!

Кончили тянуть вальдшнепы. Показалось солнце. И все лесные обитатели так ему обрадовались, будто давно-давно не видели. И я засмотрелся на солнце: интересно смотреть, как зарождается новый день.

Но тут я вспомнил про иней; глядь, а его на поляне уже и нет! Белый иней обернулся в синюю дымку; дрожит и струится она над пушистыми золотыми ивами. Опять проглядел!

И проглядел, как народился в лесу день.

Вот всегда так в лесу: что-нибудь да отведет тебе глаза! И самое чудесное и удивительное произойдет незаметно, без чужого глаза.

Круглое озерко еще под белым снегом, но по окраине уже проступила вода — и озерко теперь как блюдечко с голубой каемочкой!

Весна придет и уйдет, но останется радость, и она поддержит тебя и хмурой осенью, и долгой зимой.

ВОРОБЕЙ

Всю зиму домовый воробей прожил в старой печной трубе. Долго тянулись страшные зимние ночи; стрелял мороз, ветер тряс трубу и сыпал сверху ледяную крупку. Зябли ножки, иней вырастал на перышках.

Но наконец зима повернула на лето!

Что ни день теперь, то выше солнце. А каждая ночь хоть и на воробьиный скок, а короче. И вот пришел великий день: солнце поднялось так высоко, что заглянуло к воробью в трубу!

На карнизах повисли сосульки. Днем с сосуллек капала вода. Это была особенная вода — сосулькина. Воробей истосковался за зиму по живой воде. Он перегибался с карниза и ловко подхватывал клювом сосулькины капельки, похожие на капельки солнца.

Наглотавшись вешней воды, воробей начинал так отчаянно подскакивать и чирикать, что прохожие останавливались, улыбались и говорили: «Поглядите-ка, ожил курилка!»

Новости каждый день! В воздухе залетали насекомые. Воробей столбиком взлетал прямо вверх, хватал на лету нерасторопную муху или жучишку, делал в воздухе перекувырк и опускался на крышу.

От жуков и мух, от солнца и сосулькиной воды стали твориться с воробьем странные вещи. Он вдруг схватил за загривок своего старого друга, с которым всю зиму мирно жил, и начал трепать его, как треплет собака кошку! Друг отчаянно заорал, забил крылышками, задрыгал ножками, но воробей трепал его до тех пор, пока не выдрал у него клоч перьев. А ведь и жили рядом, и воду пили с одной сосульки, и отмывались после зимы в одной луже. А теперь все пошло кувырком!

По вечерам все воробьи — битые и небитые — слетались на особое дерево — дерево песен. Дружным хором, чирикавая наперебой, провожали они день. И так каждый день весны — день за днем. Прохожие снова останавливались у галдящего воробьиными голосами дерева, удивленно качали головами и слушали. Слушали воробьиное пение. И говорили: «Воробьи поют — кто бы подумать мог!»

Как прорвало! Журчит вода, позванивают бомбошки, намерзшие на ветки, тяжело вздыхает, оседая, снег. Забормотали, захлебываясь, косачи, засвистели пухляки, зазвонили овсянки. Даже молчаливые совы охают по ночам! Разливанное половодье звуков!

ШМЕЛЬ

Весной в щель пола лесной избушки протиснулся шмель: мохнатый, толстый и недовольный. Серdito подывая, покружился он по скользкой доске, разогрелся, тяжело, с натугой — словно гирю тянул! — взлетел и стал бодать лбом стекло.

А за окном еще пятна снега, голые прутья кустов, под ними волглый лежалый лист. Одно лишь волчье лыко зарозовело, да в затишке, на припеке, зажелтели цветы мать-и-мачехи.

Я накрыл шмеля стаканом, подсунул снизу конверт и вынес мохнатого гостя на солнцепек. Полетел шмель, загудел, сияя слюдяными крылышками. Вот выше забора, выше крыши, вот уже у вершины березы — еле слышу его басовитый гуд. И вдруг повернул назад!

Все так же деловито гудя, стал приближаться, закружил над кустами и напрямик направился к цветущему лыку. С лёта вцепился в розовые венчики и закопошился, шевеля цепкими лапками. Окунул клювик в венчик-рюмочку и затих. Насосался нектара да тут же среди цветов и уснул.

Три вечера прилетал он ночевать на это волчье лыко. Днем пропадал где-то, а как вечер — висит уже на своих цветах. А потом исчез, наверное, повкуснее цветы раскрылись.

А шмели из-под пола лезли и лезли!

Такие же толстые, мохнатые и сердитые. Так же зундели, кружась по полу, тяжело взлетали и тыкались плюшевыми лбами в стекло. Я накрывал их стаканом и выносил на солнце: натужно гудя, они разлетались.

Теперь я встречал шмелей на разных цветах-первоцветах. А когда подсохли пригорки, стали они встречаться у мышиных нор: то в одну заползут, то в другую. Что-то там ищут. А один заполз даже в дятлово дупло: погудел внутри озабоченно, выполз, блеснул крылышками и улетел.

Шмели искали убежище для гнезда. И не шмели это были, а шмелихи. Проснулись после зимней спячки, отогрелись на солнце, подкрепились нектаром и ищут теперь подходящую норку, чтобы вылепить соты и вывести шмелят. Все лето у них на это уйдет, а осенью снова начнут искать укрытие на зиму. Чем-то понравилась им моя лесная избушка, каждую осень в нее лезут, чтобы проспать в подполе до весны. Я весной приезжаю, печь топлю, они тепло чувствуют, просыпаются и ползут в щель на свет. Снова беру стакан, накрываю, выношу на солнце.

Новая на дворе весна, другие совсем шмели, а будто все те же! Словно и не было долгой зимы, а все весна и весна. И так год за годом...

...Шмель на полу зундит, кружит вальсом, спросонок взлететь не может. В печке дрова пощелкивают. Новая на дворе весна.

Чем дольше живешь — тем больше поражает самое обычное.

Пласты снега шумно сползают с крыш и с грохотом обрушиваются на талую землю: люди вскрикивают и шарахаются, куры с кудахтаньем разлетаются! И с крыш так течет, что за окном то и дело вспыхивают рои солнечных капель — словно жар-птица хвостом размахивает!

На весенней тропе непременно остановишься шмеля послушать, добродушно басящего над розовым волчьим лыком, приложишь ладонь к кипящему муравейнику, а потом поднесешь ладонь к носу — шибанет, как наша-тырем! С надломленной ветки березы слизнешь набухшую капельку сока, разотрешь в пальцах раздутую почку черемухи. Всё как всегда! И от этого станет легко и спокойно.

ЗАЯЦ

Кто сказал, что заяц — серый? «Трусишка зайка серенький», «Заяц серый, куда бегал?» А он, заяц-то, совсем не серый! И никогда серым не был: зимой белый, летом — буроватый. А вот почему-то прозвали серым.

Но как-то пробираюсь я весной сквозь ольховые мелоча и вижу... серого зайца! Замелькал в прутняке, наставя уши и вскидывая задок. Серый ольшаник, серая опадь понизу и... серый заяц! Которого не бывает, которого не может быть...

Вот ведь как иногда получается! Всего на одну недельку в году становится заяц серым — а сразу все заметили и запомнили. А что остальное время, целых сорок семь недель, он совсем не серый — словно бы и не видели. Сереньким он почему-то всем приглянулся!

А что хорошего? Линяющий, всклокоченный, еще не бурый, но уже и не белый, ни то ни сё. А вот заметили

и прославили. И прослыл заяц серым, словно другим и не бывает. Так серым в песни и в сказки вставили. И ничего теперь уже не поделаешь. Потому что из песни, как известно, слова не выкинешь...

Вдруг между кочек запрыгал заяц, потом сел на задок, наставил уши, шмыгая носом и шевеля блестящими от солнца усами. До чего хорош, подлец: а я-то все грозился уши ему надрать за то, что кусты в саду зимой погрыз!

Вздрагивает заяц, когда вдруг истерично заверещит крапивник, обмирает, когда вдруг неожиданно перестанет стучать деловитый дятел. Не любит заяц ни неожиданного шума, ни неожиданной тишины.

Белячишка, ковыляя и переваливаясь, мотая ушами, выбрался, наконец, из снеговой лесной каши на чистое подсохшее поле — и припустил! Истосковался, бедняга, по твердой земле — никак остановиться не может.

ПОЛОВОДЬЕ

Вышла речка из берегов, разлилась вода морем. Застряли на островке Лисица и Заяц. Мечется Заяц по островку, приговаривает:

— Впереди вода, позади Лиса — вот положение!

А Лиса Зайцу кричит:

— Сигай, Заяц, ко мне на бревно — не тонуть же тебе!

Островок под воду уходит. Прыгнул Заяц к Лисе на бревно — поплыли вдвоем по реке.

Увидела их Сорока и стрекотнула:

— Интересненько, интересненько... Лиса и Заяц на одном бревне — что-то из этого выйдет!

Плывут Лиса и Заяц. Сорока с дерева на дерево по берегу перелетает.

Вот Заяц и говорит:

— Помню, до наводнения, когда я в лесу жил, страсть я любил ивовые ветки оглаживать! До того вкусные, до того сочные...

— А по мне, — вздыхает Лиса, — нет ничего слаще мышек-полевков. Не согласишься, Заяц, целиком их глотала, даже косточки не выплевывала!

— Ага! — насторожилась Сорока. — Начинается!..

Подлетела к бревну, на сучок села и говорит:

— Нет на бревне вкусных мышек. Придется тебе, Лиса, Зайца съесть!

Кинулась голодная Лиса на Зайца, но бревно окунулось краем — Лиса скорее на свое место. Закричала на Сороку сердито:

— Ох и вредная же ты птица! Ни в лесу, ни на воде от тебя нет покоя. Так и цепляешься, как репей на хвост!

А Сорока как ни в чем не бывало:

— Теперь, Заяц, твоя очередь нападать. Где это видно, чтобы Лиса с Зайцем ужились? Толкай ее в воду, я помогу!

Зажмурил Заяц глаза, бросился на Лису, но качнулось бревно — Заяц назад скорее. И кричит на Сороку:

— Что за вредная птица! Погубить нас хочет. Нарочно друг на друга науськивает!

Плывет бревно по реке, Заяц с Лисой на бревне думают. Думают, как с бревна друг друга спихнуть. Другого спихнуть, а самому уцелеть. И вдруг сразу оба додумались!

— С бревна нам не уйти?

— Не уйти.

— Когда ссоримся и деремся?..

— Бревно переворачивается.

— А когда тихо и мирно сидим?..

— Плыдем, как на лодочке!

— Значит?..

— Значит, надо мирно сидеть. Ждать, пока бревно прибьет к берегу. Ты, Заяц, согласен?

— Я-то давно согласен...

Поплыли Лиса и Заяц на бревне рядышком. А Сорока-склочница ни с чем улетела.

Пробудились ручьи вешние, про родное озеро вспомнили, взбурлили и понесли в него неисчислимые угощения для сонных рыб — как из рогов изобилия! Просыпайтесь и угощайтесь!

Снег обернулся водой — и разбушевался! Вломал на реках лед, низины залил, ручьи превратил в реки: вода кружит воронками, бурлит и клокочет, роет берега, валит деревья, волочит сучки и коряги, громоздит по бере-

гам груды мусора. Вот он, снег-то, оказывается, какой — а всю зиму тихоней прикидывался!

БАРСУК И МЕДВЕДЬ

- Что, Медведь, спишь еще?
- Сплю, Барсук, сплю. Так-то, брат, разогнался — пятый месяц без просыпу. Все бока отлежал!
- А может, Медведь, нам вставать пора?
- Не пора. Спи еще.
- А не проспим мы с тобой весну-то с разгону?
- Не бойся! Она, брат, разбудит.
- А что она — постучит нам, песенку споет или, может, пятки нам пощекочет? Я, Миша, страх как на подъем-то тяжел!
- Ого-го! Небось вскочишь! Она тебе, Боря, ведро воды как даст под бока — небось не залежишься! Спи уж, пока сухой.

ЛИСА И ЗАЯЦ

- Почему это, Заинька, у тебя такие длинные ушки? Почему это, серенький, у тебя такие быстрые ножки?
- А потому, Лисонька, что уж очень у тебя шажки тихие да очень острые зубки!

ПТИЧЬИ ЧАСЫ

10 апреля.

Запел певчий дрозд — 4 ч. 45 м.
Заворковал вяхирь — 4 ч. 46 м.
Запел белобровик — 4 ч. 55 м.
Прокричала ворона — 5 ч. 18 м.

Дятел пробарабанил — 5 ч. 40 м.
Запела синица — 5 ч. 45 м.
Взошло солнце! — 6 ч. 00 м.
Жаворонок запел — 6 ч. 18 м.

НОВОСТИ ВОСКЛИЦАТЕЛЬНЫЕ!

Запели дрозды-белобровики!
Крик первого журавля в небе!
Появились первые чайки!

[Середина апреля]

Зацвели цветы мать-и-мачехи!
Первая бабочка-траурница!
Зацвели голубые перелески!

ПРОИСШЕСТВИЯ И СОБЫТИЯ

ГОЛУБАЯ ТРОПИНКА

Иду по голубой тропе! Снег в лесу стоял почти, и на лесных тропинках заголубел лед. За зиму снег на них утоптали, а теперь он оледенел, остекленел — хрустит и позванивает под ногой. Лазоревые ледяные тропинки уводят теперь в лес.

По сторонам тропы бурая ветошь, всклокоченные кочки багульника, пласты подсохшей и скользкой хвои, упругий седой ягель. А ты идешь по узкой тропинке, как по канату. Идешь, а ноги соскальзывают, круша с хрустом ледяные фестоны. И лучше бы без тропы идти — но привычка! Зима приучила к набитым тропкам.

Привычка — и что-то еще! Сколько раз я ходил зимою этой тропинкой — ну, ходил и ходил. Зимой удобней тропой идти, не по снегу же топтать, проваливаясь по колено? И тропка была для меня просто удобным местом передвижения. По ней я спешил в лес по неотложным делам.

А вот теперь — совсем другое дело! Теперь тропа сама повела меня, заманивая в лесную глушь, обещая встречи неожиданные и непредвиденные знакомства. И ноги спешат шагать по такой тропе, хоть и скользко! Идешь и ждешь: а что за изгибом, что там за поворотом? Все дальше и дальше, все глубже в лес — куда-то выведет эта диковинная тропа?

Тихо попискивают синицы, дятел шуршит, сбивая с сосны чешуйки, мокрый ветер в хвое шумит. Все ново после зимы, незнакомо. А голубая тропинка ведет и ведет — неизвестно куда.

Глупо все четыре времени года проводить в четырех стенах!

Устал — присядь на валежину, захотел пить — наклонись к ручью, промок, продрог — разожги костер. Ну а домой захотелось — выходи на знакомую тропку, и она сама тебя приведет к порогу. Только никто не спешит домой — до того в лесу хорошо!

ПО РОГА

Ходили летом по грибы и по ягоды? Весной можете отправиться по... рога! Лоси сбрасывают зимой рога, они отваливаются у них, как сухие сучки от дерева. Ни к чему они им теперь: кончились осенние поединки. К чему всю зиму напрасно лишнюю тяжесть таскать. А к осени новые вырастут, еще ветвистее старых.

Слабеют к зиме рога. Заденет лось рожищем за дерево — рог и отвалится, в снег упадет. Или на густых сучках повиснет. И вот весной, когда стает снег, но еще не поднялась и не загустела трава, а на кустах не раскрылись листья, когда лес весь еще сквозит, можно такой потерянный рог увидеть. Идешь, а он лежит. Если свежий, то темный, как дуб мореный. А если старый, давнишний, то выбеленный на солнце, а то и погрызенный мышами и белками.

Как обрадуешься большому, свежему, целому рогу! Широкий, многоконцовый — как огромная растопыренная ладонь. И тяжеленный!

Вот это рог так рог! Как его только лось на голове носил? Как он ему шею не свернул? И не жалко было такой бросать? Я его ни за что не брошу, уж как-нибудь донесу. И дома на стенку повешу: пусть все любуются.

Идешь и поглаживаешь деревья по нагретым бокам, похлопываешь по упругим спинам. Сжимаешь и встряхиваешь ветки, как руки.

На восходе темная лесная опушка вдруг затуманилась понизу голубым. И только вблизи стало видно, что это иней. В поле солнце уже его растопило, а в тени по опушке еще не успело. Голубая дымка шуршит и похрустывает под ногами, осыпаясь чешуйками перламутра.

ШЕПЧУЩИЕ СЛЕДЫ

В светлых осинниках и ольшаниках снег сошел, палый лист сохнет на солнце, скручиваясь в рулончики, свертываясь в кулечки, сжимаясь в кулачки. Лист сухой, а земля под ним мокрая. Идешь и вдавливаешь сапогом сухие листья в сырую землю.

Лось ли пройдет, человек ли — все одно оставит следы, вдавит лист в землю. Пройдут, вдалеке стихнут, а следы их вдруг и зашепчутся. То лист примятый распрямится и соседний заденет. То стебелек высохнет и распрямится. Развяжется тесемочка желтой травы. Или встряхнется сжатый в гармошку пучочек брусники.

Давно ушагали из лесу лось и человек, где-то они уже далеко-далеко, а следы их все шепчутся, шепчутся. Долго-долго...

Грязная лесная дорога разворачивается перед тобой, как длинный свиток с иероглифами следов.

Звери и птицы рассказывают о себе следами.

Среди старых пожухлых листьев — желтый и свеженький! Это лимонница. На вид недотрога и неженка, а всю зиму прямо под снегом спит! Весной летает, когда по ночам еще морозы звенят. Утром лежит на проталине рядом с зернистым снегом — словно мертвая. Но солнце ее огреет, и она оживет. Зашевелится, расправит ножки и усики — вспорхнет и замелькает солнечным зайчиком!

А продрогнет — опять на припек. И снова как листик: лежит на боку и греется. Пропитается солнцем насквозь и запорхает, веселя и радуя всех.

«ДЯТЛОВО КОЛЕЧКО»

Весной у дятла много забот: и дупло долбить, и на барабане играть, и шишки разбивать. Понятно, надолбится, набарабанится — пить захочет. Но летит не к роднику, не к ручью или луже, а на... молодую березу! Пробьет в коре дырочку и напьется соку. Сладкого и полезного.

Жарко! Пить то и дело хочется. А что одна только капелька — язык смочить. И бьет дятел рядом с первой дырочкой еще две, а то и три, и четыре. Слизнет четыре капельки, улетит и снова летит: снова в горлышке пересохло. А пробоинки-то старые уже заплыли, сок из них чуть сочится! Приходится рядом новые пробоинки де-

лать. Дырочки к дырочкам, пробоинки к пробоинкам — колечком вокруг ствола. Так и получается «дятлово колечко» — дятловая поилка. И ничего другого получить не может: такой уж у дятла способ работы.

Всю весну кольцуют дятлы березы, березовый сок пьют. Сил набираются: все лето им лес от вредителей охранять.

Дятловые «кольца» — это их берестяные грамотки, которыми они обмениваются друг с другом, приглашая на березовый весенний коктейль.

Дятел без долота, а долбит — только щепки летят! И без циркуля — а дуплышко ровненькое и круглое, как глаз совы. И никто не знает, как это у него получается: секрет мастера, дятлова тайна.

Не станет вредных короедов и лубоедов — не станет и полезных дятлов.

ТАНЕЦ «КОСАЧОК»

Танец «косачок» отплясывают косачи на току. В танце шесть главных фигур: «огляды», «вертуши», «подскоки с хлопущами», «подскоки с повертухами», «наскоки» и «побегуши».

Все происходит так. Еще в темноте слетаются на ток косачи. В темноте и петь начинают. Но общее оживле-

ние у них на восходе. Покажется красное солнце, и каждый осмотрится: кто тут еще на току? Ага, на каждой кочке по косачу! А слева? А справа? А позади? Других посмотрим, себя покажем. Это и есть первая фигура танца — «огляды».

Теперь несколько быстрых шажков вперед, и можно начинать «вертуши». Для этого надо склониться, вытянуть шею вперед, а хвост задрать, развернуть в лиру. Потом топтаться на месте и медленно поворачиваться вокруг. Пусть противник оценит тебя со всех сторон и по всем статьям: в профиль — лихость крыла, в фас — крепость клюва, а с тыла — закрученность лиры. Чем лира закрученней и пышней, тем сильнее и старше косач. И надо, конечно, петь: песню за песней, песню за песней!

Но кто их там разберет — видят меня или не видят? Может, собрались одни недотепы, сглупа еще и не заметят! Чтоб все обратили внимание, исполню-ка я «подскок и хлопущи». Надо лихо подпрыгнуть вверх и громко похлопать в крылья. Еще раз, еще! Ага, теперь все меня разглядели, все знают, что я тут и готов начать перепляс. Эй, сосед, уж не вздумал ли ты меня передразнивать? Я «вертуши», и ты «вертуши», я «подскок», и ты «подскок»! Что это все значит? Чувшиии?!

Исполню-ка я «побегуши», — может, это тебя охладит? Клюв вперед, крылья чуть вниз, а хвост круто вверх. И быстрой перебежкой к нему. Ого, и у него «побегуши»! Тогда испытаем «подскок с повертушей». Подскок, переворот через плечо клювом к хвосту — и громкое злое «чувшиии!».

А сосед не боится! Собестьянничал и «подскок с повертушей», да еще и нагло крикнул: «Чувшиии!» Ну, нахал, заслужил ты «наскока»! Теперь, краснобровый, держись! И вот «побегуша» и с ходу «наскок». Выпад и отскок — как у бойца с рапирой: вперед и назад, назад и

вперед! Сшиблись, как петухи, как в чехарде, один через другого. Наскок и отскок, наскок и отскок. Ага, испугался и побежал!

Трус бежит спотыкаясь, подскакивая смешно и нелепо. Храбрец гонится сзади, только лапки мелькают, будто катит на велосипеде. Трус удрал, а храбрец на кочке исполняет танец победы. Тут и «огляды» и «побегуши», тут «вертуши» и разного фасона «подскоки». Танцует, пока солнце не припечет. А припечет — пора и червячка заморить. Набраться сил для завтрашних танцев.

Мы с вами как — поели и запели! А птицы натошак поют, еще до восхода солнца. По несколько песен в минуту. А сколько птиц в лесу! Тысячи песен за одно утро. А еще и день впереди. Полные уши песен!

ИВОВЫЙ ПИР

Зацвела ива — гости со всех сторон. Кусты и деревья еще голые, серые; ива среди них как букет, да не простой, а золотой. Каждый новый «барашек» — пуховый желтый цыпленок: сидит и светится. Пальцем тронешь — пожелтеет палец. Щелкнешь — золотой дымок запарит. Понюхаешь — мед.

Спешат гости на пир.

Шмель прилетел — неуклюжий, мохнатый, как медведь. Забасил, заворочался, весь в пыли измазался.

Прибежали муравьи: поджарые, быстрые, голодные. Набросились на пыльцу, и раздулись у них животы, как бочки. Того и гляди ободки на животах лопнут.

Комарики прилетели: ножки горсточкой, крылышки мельтешат — крошечные вертолетики.

Жуки какие-то копошатся.

Мухи жужжат.

Бабочки крылья распластали.

Шершень на слюдяных крыльях — полосатый, злой и голодный, как тигр.

Все гудят и торопятся: зазеленеет ива — пиру конец.

Зазеленеет, потеряется среди зеленых кустов. Пойди-ка тогда ее отыщи!

А сейчас она, как букет золотой. И всех созывает на ивовый пир.

На белых ивовых барашках обомлели от холода пчелы — как капельки меда висят...

Бабочки только тогда живут, когда им хорошо живется. Чуть станет плохо — холодно, ветрено, сыро, — сразу и обомрут. Впадут в особый сон: ничего не видят, не слышат, не чувствуют. И тогда все плохое и неприятное минует их — словно его и не было.

Нет в жизни бабочек дней скучных и пасмурных — одни веселые, ясные, солнечные. Всю жизнь среди цветов и солнечных зайчиков порхают они над лугом.

НЕЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ШАГИ

Ранняя весна, вечер, глухое лесное болото. В светлом сыром сосняке снег еще кое-где, а в теплом ельнике на бугре уже сухо.

Я вхожу в густой ельник, как в темный сарай. Стою, молчу, слушаю.

Вокруг черные стволы елей, за ними холодный желтый закат. И удивительная тишина, когда слышишь удары сердца и собственное дыхание. Дрозд на еловой макушке высвистывает лениво и звонко. Свистнет, прислушается, а в ответ ему тишина...

И вдруг в этой прозрачной и затаившей дыхание тишине — тяжелые, грузные, нечеловеческие шаги! Всплески воды и позванивание льда. То-пы, то-пы, то-пы! Будто тяжело груженная лошадь с трудом тянет по болоту воз. И сразу же, как удар, ошеломляющий грохочущий рык! Дрогнул лес, качнулась земля.

Тяжелые шаги затихли: слышались легкие, суматошные, торопливые.

Шажки легкие догоняли тяжелые. Тот-топ-шлеп — и остановка, топ-топ-шлеп — и тишина. Торопливым шажкам нелегко было догнать неторопливые и тяжелые.

Я прислонился спиной к стволу.

Под елками стало совсем темно, и только мутно белело между черных стволов болото.

Зверь рыкнул опять — как из пушки грохнул. И опять охнул лес и качнулась земля.

Я не выдумываю: лес вправду дрогнул, земля вправду качнулась! Лютый рык — как удар молота, как раскат грома, как взрыв! Но не страх породил он, а уважение к его необузданной силе, к этой чугунной глотке, извергающейся, как вулкан.

Легкие шажки заторопились, заторопились: зачмокал мох, захрустел ледок, заплескала вода.

Я давно уже понял, что это медведи: дитё и мама. Дитё не поспевает, отстает, а мама чует меня, сердится и волнуется.

Мама предупреждает, что медвежонок тут не один, что она близко, что лучше его не тронь.

Я хорошо ее понял: предупреждает она убедительно.

Тяжелых шагов не слышно: медведица ждет. А легонькие спешат, спешат. Вот взвизг тихий: медвежонка

шлепнули — не отставай! Вот шаги грузные и легкие зашагали рядом: то-пы, то-пы! Шлеп-шлеп-шлеп! Все дальше, все тише. И смолкли.

И опять тишина.

Дрозд кончил свистеть. Лунные пятна легли на стволы.

В черных лужах вспыхнули звезды.

Каждая лужа — как распахнутое в ночное небо окно.

Жутковато шагать в эти окна прямо на звезды.

Не спеша я бреду к своему костру. Сладко сжимается сердце.

А в ушах гудит и гудит могучий зов леса.

В зоопарке ты смотришь на медведя, а в лесу медведь на тебя. Разница!

Как бы ни было тихо в лесу, а все равно листик или хвоинка, висящие на паутинке, всегда раскачиваются. И значит, плывут струйки воздуха и разносят весть о тебе по всему лесу.

Две земли: земля дневная и земля ночная. И можно по ним путешествовать, как по разным материкам. На ночном материке другие обитатели, другие события, другие раскрываются цветы и другие над ними порхают бабочки. Звучат незнакомые голоса, плывут незнакомые запахи. Небо не голубое, облака не белые, листья и тра-

вы — не зеленые. И даже прозрачная вода давно знакомой речушки черная и таинственная. И отражается в ней не солнце, а луна. Два мира: мир солнечный и мир лунный. Мир шума и мир тишины.

ФЛАЖКИ НА БОЛОТЕ

Неохота вылезать из-под теплого одеяла!

За окном сырая весенняя ночь. И без того знобит, а тут натягивай скользкие сапоги, задубелую куртку.

«Ну куда тебя несет? — возмущается во мне нытик. — В черное лесное болото? Под сапогами будет хлюпать вода, засопит и зачмокает хлябь, в глаза будут тыкаться сучья...»

А бодрячок хорохорится: «Подумаешь — хлябь, первый раз, что ли? А вдруг что-нибудь и увидишь!»

«Ну что ты увидишь? — канючит нытик. — Всю весну месишь грязь; все уже видано-перевидано! Все расписано по минутам. В два пятьдесят заблеет бекас, в три часа прилетят косачи. В пять десять пролетит над током ворона, в пять тридцать прилетят на болото чайки. Хоть часы сверяй!»

«А вдруг?» — сопротивляется бодрячок.

«Что «вдруг», что «вдруг»? — сердится нытик. — «Вдруг» только в книжках бывает. А вот ноги будут в засидке мерзнуть — чай, воды по колено. Спина замлеет, пальцы перестанут сгибаться. И уж это не вдруг, а наверняка!»

«Всё так! — вздыхает бодрячок. — И руки, и ноги, и пальцы. И замлеет спина. И чайки прилетят в половине шестого. Пошли!»

Я выхожу за дверь и долго стою, приглядываюсь к темноте. Но вот сдвигается туча и показывается луна. И сразу земля отделилась от неба. Можно идти.

Я шагаю мимо деревни. Морозит, грязь под ногами мнется, как упругий пластилин. Луна поочередно вспы-

хивает в окна домов, будто в них кто-то зажигает и сразу же гасит свет.

Я иду по болоту, и лунный свет теперь уже вспыхивает и гаснет в лужах. Все, как говорил нытик: и темь, и холод, и хлябь.

Бодрячок хрипло дышит. Потом толкает меня в шалаш и прячет нос в воротник.

Два часа пятьдесят минут. Над головой заблеял бекас.

Три часа. Короткое «па-па-па!» — и рядом уселся косач.

Три часа пять минут. Слышится странное бульканье, будто воду льют из бутылки. Это косач заворковал.

Нытик зевает: «Я что говорил? Всё как всегда...»

И вдруг...

Бодрячок кричит прямо в ухо: «Ты только послушай, ты такого еще не слыхал!»

«Тише, тише, — успокаиваю я его. — Может, тебе показалось?»

Но я уже знаю: не показалось! Слышатся звуки, которых я еще не слыхал. Я слушаю и пишу: «3 часа 30 минут. На черном болоте незнакомые звуки — будто быстро лопаются пузыри». Как и положено, ровно в пятьдесят над током пролетела ворона. Ровно в пять тридцать появились и чайки.

Но нытик уже не ехидничает.

Вода на болоте золотая от солнца. Кочки в ней, как черные камни. И чуть не на каждой кочке — белый флажок! Непонятные белые треугольники, непонятные тихие звуки. Белые точки то появляются, то исчезают. Так умеют подмигивать солнечные зайчики. Но это не «зайчики» — это чибисы. Первый раз в жизни я вижу чибисные танцы!

Бодрячок хватается нытика за воротник: «Будешь, будешь скулить? Говорил я тебе: «а вдруг»? То-то, Фома неверный!»

На каждой кочке — пара. До чего ж они хороши! Зеленые крылья и спинки, снежно-белые грудки и красные ножки, блестящие от росы и солнца.

Он поклонится ей, клювом сорвет травинку и отбросит ее вправо. Она сейчас же — ответный поклон, тоже сорвет травинку, но отбросит влево. Поклон и травинка, поклон и травинка. Наверное, на счастье бросают: по всему видно, что будет у них тут гнездо.

«У-у, ку-ку-ку-ку! У-у, ку-ку-ку-ку!» — начинает петь кавалер, а сам клонится грудкой в мох, сложенные крылья ставит торчком, хвостик задирает вверх и трясет им, как белым платочком. Над занятой кочкой поднят белый флаг.

Чибисы ждали этого дня. Хорош бы я был, если б его пропустил! Никогда б не узнал, что этот пернатый народец так занятно танцует на кочках болота.

Я тычу нытика носом в мох. Потому что новое не узнать — это хуже, чем старое позабыть. Подумаешь — старое! Оно уже всем известно. А новое — вот оно! Перед твоими глазами — в первый раз!

Когда по лесу идешь открыто — лесная жизнь останавливается. И видишь ты только то, что порождено страхом. Все не в себе и сами на себя не похожи. А какая она — жизнь без страха? Которая «сама по себе» и которая «как всегда»?

Зимой и осенью птицы прячутся, а весной сами выставляются напоказ!

ПТИЦЫ

Улетят осенью птицы — пустынные станут леса. А вернутся весной — и снова жизнь переливается через вершины. И как удивительна эта жизнь, перелетающая на крыльях!

Шумное, пестрое облако жизни кочует по нашей Земле. То оно тут, у нас, — и леса наши переполнены щебетом, свистом и писком. То оно где-то там, за морями и за горами, — и леса наши пусты и глухи. И мы тоскуем и ждем, мы ругаем себя, что не наслушались летом про запас птичьих песен и голосов. Но приходит пора, и волна жизни снова выплескивается в наши леса.

Волны птиц — как в прилив и отлив: то накатятся, то отхлынут. И у живого этого моря тоже есть свои берега. Эти тучи живые, как настоящие тучи, то рассеиваются и редуют, подобно туману, то сгущаются и темнеют, как грозовые облака. А вдруг оно, это облако, однажды высохнет и испарится? Ведь рассеиваются же настоящие облака!

И мне становится жутко. Мы привыкли, что каждую весну сама собой накатывается волна. А вдруг однажды прилива не станет? Все ли мы делаем, чтобы облако не редело? А вдруг мы что-то не поняли и не успели?

Кочуют над Землей облака жизни. Чистое ли над ними небо? Приветлива ли под ними Земля?

Небо будет живым, пока в нем будут птицы.

Минет зима, и весной снова все птицы на тех же местах, где были раньше. А ведь полгода пробыли в краях далеких, за морями и за горами. Снова у того же дуплышка всплескивает крылышками мухоловка-пеструшка, над тем же ручьем носится с криками кулик-черныш, над той же вырубкой звенит колокольчик юлы, а над луговиной кувыркаются чибисы. Словно и не улетали!

ТИХИЕ КРЫСЫ

В сумерках со светлого еще мохового болота в темный еловый остров, где я сижу, потянуло ознобистым холодом. Умолкли последние птицы, и поплыла между стволов тишина — вязкая, как туман. Светлеют на обочине болота лужи, гладкие, словно стекло. Ни движения, ни звука.

И вдруг одно «стекло» зарябило! Бесшумно — ни всплеска, ни шороха — на краю лужи возникла и зачернела водяная крыса. Уселась сгорбленной сутулой старушкой, близоруко уставясь на свои голые тонкие пальчики, и сучит ими, словно чулок вяжет. Вот подперла сухоньким кулачком мохнатую щеку и призадумалась. Да бойко, по-молодому покатила вдруг между кочек — как заводная игрушка на колесиках! Вкатилась в воду, поплыла, волоча за собой водяной усик, нырнула — чуть слышно булькнула. Снова вынырнула и выкатилась на берег. Живой и шустрый зверек шнырил рядом, глаза видели все его быстрые и порывистые движения, а ухо не могло уловить даже шороха! И только когда крыса повстречала вторую и началась у них гоньба по кочкам и по воде, почудился чуть слышный шум. И это в почти космической тишине предночного леса!

И посреди ночи, в полной уже темноте, нет-нет и шелестело меж кочек и тихо булькало. Не знай я, что это крысы, никогда бы и внимания не обратил на такие ничтожные звуки. Ну просто высыхающий листик пошеве-

лился или лопнул пузырь болотный. А на самом деле целое лесное событие — влюбленные крысы справляют свадьбу! На весь лес шумят.

Обманчива тишина ночи, не безмолвен ночной лес. И если даже кажется, что вокруг космическая тишина — то это только так кажется, это только для твоего слабого уха так. Взгляни на собаку: то и дело поворачивает она голову и шевелит ушами. А есть уши еще чувствительней, для них вообще не бывает ночной тишины, для них самая тихая ночь вопит и орет! А мы, тугие на ухо, как глухие тетери среди этих воплей и криков. Мы словно уши заткнули, мы осматриваемся и улыбаемся: какая вокруг тишина...

Ударил утренник, полыньи закурчавились солнечным желтым туманом. Это солнце поздравило реку с легким паром!

ПЯТЬ ТЕТЕРЕВЕЙ

Прилетел на обочину тетеревиного тока рябчик и завел свою песенку:

— Пя-ять, пя-ять, пять тетеревей!

Я пересчитал: шесть косачей на току! Пять в стороне на снегу, а шестой рядом с шалашкой, на седьмой кочке сидит.

А рябчик свое:

— Пя-ять, пя-ять, пять тетеревей!

— Шесть! — говорю я.

— Пя-ять, пя-ять, пять тетеревей!

— Шесть! — стукнул я по колену. — Считать не умеешь!

Ближний — шестой — услышал, испугался и улетел. — Пя-ять, пя-ять, пять тетеревей! — свистит рябчик. Я молчу. Сам вижу, что пять. Улетел шестой.

А рябчик не унимается:

— Пя-ять, пя-ять, пять тетеревей!

— Я же не спорю! — говорю я. — Пять так пять!

— Пя-ять, пя-ять, пять тетеревей! — рябчик свистит.

— Без тебя вижу! — рывкнул я. — Небось не слепой!

Как залопочут, как замельтешат белые крылья — и ни одного тетерева не осталось!

И рябчик улетел с ними.

В лесу особый счет, своя особая арифметика. Особые правила сложения и вычитания. У нас всегда один плюс один будет два. А в лесу? Сложился тетерев с тетеревятником, но вышло не два, а единица: съел тетерева тетеревятник! Отнял сорокопут хвост у ящерицы — а у нее на месте одного хвоста сразу два выросло! Прибавила кукушка к пятку чужих яичек свое шестое, а птенчиков не полдюжины выросло, а всего один! В лесу все так одно к одному подогнано — что ни добавить и ни убавить. Лучше и не касаться: а то разделишь не так — и ни пуха тебе ни пера!

ПЕСЕНКА КРЫЛЬЕВ

Помню одну весну. Лесное болото, сумерки.

Лес растворился в сумраке и поплыл. Исчез и цвет: все стало серым и тусклым. Кусты и деревья сгустками тьмы шевелились в вязкой тягучей мути. Съеживались,

то вдруг растягивались, возникали и исчезали. Вечер сменяла ночь.

Пора густых сумерек и теней, пора ночных лесных происшествий.

Кончились задумчивые вечерние песни; отсвистели на еловых маковках певчие дрозды, глазастенские зарянки давно рассыпали по сучкам звонкие стеклышки песен.

Стою по колено в болотной жиже. Спinoй привалился к елке; она чуть шевелится, дышит... Глаза закрыл, они сейчас ни к чему, сейчас нужны только уши.

Загугукал ночной сыч. Самого не видно. Перелетает в темноте с дерева на дерево сычиный крик: «У-гу-гу-гу!» Я поворачиваю за летающим сычом ухо. Вот рядом совсем загугукал: разглядел, наверное, меня желтыми глазами и удивился.

Долго куковала в темноте ночная кукушка; далекое эхо за болотом ей отвечало.

Люблю слушать ночь. Тишина, а все что-нибудь да услышишь. Мышь пошуршит в сухих листьях. Утиные крылья просвистят в вышине. Суматошно вдруг закричат журавли на далеком болоте, словно их кто напугал. Солидно, не торопясь пролетит вальдшнеп: хорр, хорр — басом, цвирк-цвирк — тоненьким голоском.

Даже в самую глухую полночь, когда живых голосов не слышно, лес не безмолвствует. То завожжется ветер в вершине. То скрипнет дерево. Стучаясь о сучки, упадет шишка. Хоть тысячу раз слушай ночь — каждый раз будет по-новому. Как не бывает двух одинаковых дней, так и ночь на ночь не похожа.

Но есть в каждой ночи пора, когда наступает полная тишина. Перед ней снова зашевелиятся и поплывут в вязкой мгле сгустки тьмы: на смену ночи близится темнотозорь. Лес словно вздохнет: тихий ветерок пролетит над вершинами и каждому дереву что-то шепнет на ухо. И будь на деревьях листья, они ответили бы ветру по-

своему; осины бы торопливо залопотали, березы бы ласково прошелестели. Но в лесу апрель — и деревья голые. Одни ели да сосны прошипят ветру в ответ, и поплывет над лесом тягучий гул хвойных вершин, как отзвук далеких колоколов.

И вот в этот миг, когда лес еще по-настоящему не проснулся, вдруг наступает время полной ночной тишины.

В такой тишине я услышал то, что никогда еще в жизни не слышал: песенку крыльев! Схлынул предутренний шорох вершин, и в застойной млеющей тишине послышался странный звук, словно кто-то губами себе подыгрывал, отбивая плясовой такт: «Бррын-бррын-бррын, бррын, бррынн! Бррын-бррын, бррын, бррын, бррын!»

Раз подыгрывал — значит, кто-то под этот такт и плясал?

Темень и тишина. Впереди совсем еще темное моховое болото, позади черный еловый остров. Я стою на его обочине, и странные звуки приближаются. Ближе, ближе, вот слышны над головой, вот удаляются, дальше, дальше. А погода возникает снова, снова приближаются и снова проносятся мимо. Кто-то летает вокруг елового острова, отбивая в тишине такт упругими крылышками. Четкий ритм, плясовой такт; не просто бьет крыльями на лету, а поет ими! Поет на мотив: «Так-так, так, так, так! Так-так, так, так, так!»

Птичка маленькая, да крыльями и большой птице громко не спеть. Вот и выбрал певец для странных песен своих время, когда в лесу все молчит. Все проснулись, но голоса еще не подали: прислушиваются и молчат. Только в это короткое время смены ночи и утра и можно услышать такую тихую песенку. А запоют дрозды и заглушат все звонкими свистами. Кто-то маленький, безголосый, кто умеет петь только крылышками, выбрал это время ночной тишины и торопится заявить о себе. И отведено ему природой для этого каких-нибудь полчаса!

Кто он? Кому предназначена его скромная песня?

Много весенних ночей провел я в лесу, но больше ни разу такой песни не слышал. И в книгах о ней ничего не нашел. Загадка так и осталась загадкой — крошечной волнующей тайной.

Но я все надеюсь: вдруг снова услышу? И на черные еловые острова на глухих моховых болотах смотрю теперь совсем по-особому: там живет тот, кто умеет петь крыльями... В короткие мгновения предрассветной тишины он торопливо носится вокруг черного острова и отбивает крыльями такт: «Так-так, так, так, так!» И кто-то, конечно, внимает его странной песне. Но кто?

Разговариваю с лягушкой. Лягушка отвечает мне «всем своим видом». Она сидит в солнечном пятнышке на краю лужи и блаженствует. Я навел на лягушку тень, и она всем своим видом сказала «плохо!». Есть такой всепланетный молчаливый язык: «друг», «враг», «хорошо», «плохо». Я стал тыкать лягушку прутиком. «Враг!» — сказала лягушка.

Все зависело от меня: не наводи я тень, не тычь прутиком, и лягушка сказала бы «друг».

Деревья молчат, цветы и травы молчат, молчат жуки и бабочки, но обратись к ним — и они отзовутся. Молча заговорят. Всем своим видом. И ты поймешь их без слов, как понимаешь очень близкого человека.

Такая под елками тишина, что пролетит сверху ворона, а снизу кажется: летучий голландец прошумел сверху черными парусами...

ЖЕЛНА И СОРОКА

— Ой, Желна, что-то с Филином нашим неладно! Каждую ночь стонет и ухает! Уж не заболел ли, не простудился? То хрипит, то бурчит, то ворчит — словно ежом подавился!

— Что ты, Сорока, что ты! Да это он самые свои нежные песни поет! Самые развеселые! Молчи уж, а то услышит еще, обидится. Тс-с!

ЛИСИЦА И ЗАЯЦ

— Слышал, Заяц, как охотники мой лисий хвост называют? Трубой! Хи-хи-хи...

— А мой заячий хвост охотники прозвали цветком. Цветком, цветиком, цветочком.

— Да ну-у! А ну дай-ка мне цветочек понюхать...

— Но-но-но! Я твою лисью породу знаю! Цветок понюхаешь, а ногу откусишь. Проходи, проходи со своей трубой!

ПТИЧЬИ ЧАСЫ

20 апреля

Запел певчий дрозд — 3 ч. 40 м.

Протянул вальдшнеп — 3 ч. 52 м.

Заворковал косач — 3 ч. 58 м.

Проблеял бекас — 4 ч. 00 м.

Закричали чибисы — 4 ч. 02 м.

Запел белобровик — 4 ч. 20 м.

Заквохтали рябинники — 4 ч. 24 м.

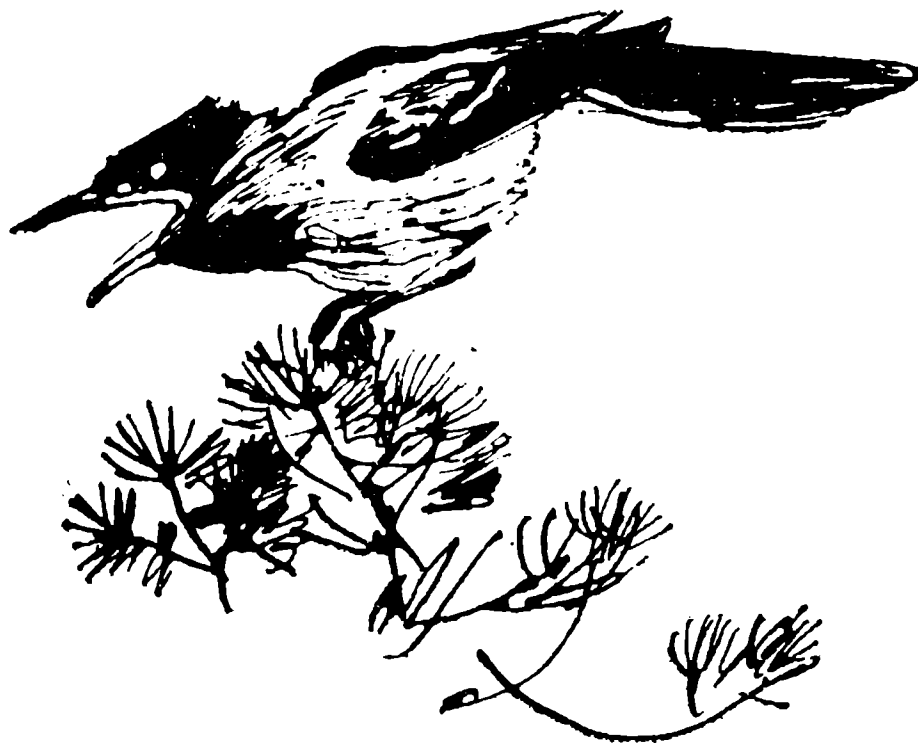
Запел пухляк — 4 ч. 45 м.

Заворковал вяхирь — 4 ч. 52 м.

Прокаркала ворона — 5 ч. 07 м.

Запел зяблик — 5 ч. 09 м.

Дятел пробарабанил — 5 ч. 20 м.
Взошло солнце! — 5 ч. 35 м.
Закричала чайка — 5 ч. 37 м.
Жаворонок запел — 6 ч. 35 м.

НОВОСТИ ВОСКЛИЦАТЕЛЬНЫЕ!

Заблеял бекас — небесный барашек!
Первая песня юлы — лесного жаворонка!
Шуршала первая ящерка!
Гудел первый шмель!

[Конец апреля]

Зацвело волчье лыко!
Заурчали в лужах лягушки!
Запела пеночка-теньковка!
Зазолотились ракиты!
Первая гроза и первая радуга!

ПРОИСШЕСТВИЯ И СОБЫТИЯ

ПЕВИЦА

Тем хорош лес, что сколько в него ни ходи, сколько ни смотри и ни слушай, а все увидишь невиданное и услышишь неслыханное. А увидишь и услышишь — опять пойдешь.

Стоял я на тяге. Уж солнце утонуло в лесу, а вальдшнеп все медлил. И такая была прозрачная тишина, что упадет хвоинка — и слышно, капля сока с березы капнет — слышно. Слышно даже, как муравьи бегут, — так и топочут.

В луже лопались пузыри, таинственно и тихо: «у-ук! у-ук!» Это запевала жаба. И вдруг шумная возня, шорох листьев и писк. Я прислушался. И услышал новую песню!

Будто птичка пела в кустах. Стрекотала и щебетала. Повторяла свое «ци-ци-ци» на разные лады и манеры.

Я слушал и вспоминал. Зарянка не так поет, дрозды не так свистят. Всех птиц знаю, а такой никогда не слышал.

Я нагнулся, чтобы разглядеть, но под ольхами загустела тьма, даже видно стало свечение гнилушек. Тогда я включил фонарь. Гнилушки потухли, а там, где они голубели, выдвинулся пенек. А на том пеньке сидела лесная мышь: усы топорщились, глаза блестели. Погасил фонарь — засветились гнилушки, послышалась песнь!

Поющая мышь — дело неслыханное.

Что ж, буду знать.

И если кто меня спросит, скажу: «Слышишь? Это поет мышь!»

Интересно разгадывать лесные загадки, но еще интереснее их находить.

НЕЗВАННЫЕ ГОСТИ

Пробил дятел в кленовой коре дырочку — напился сладкого сока.

За дятлом долгохвостая синица прилетела — тоже носик помочила. За долгохвостой — лазоревка: три капельки выпила.

Улетели птицы — насекомыши собрались. Мухи прилетели. Две бабочки-крапивницы. Траурница-красавица.

Все сладкий сок сосут — улетать не собираются.

Муравьишка приполз — усами шевелит.

Комарик прилетел — долгими ногами в патоке увяз.

Может, и еще кто-нибудь притащился бы, да тут опять дятел — порх! Гости незваные — кто куда.

Муравей замешкался — дятлу на язык прилип.

Запил дятел кислого гостя сладким соком.

А улетел дятел — гости опять тут как тут.

За долгохвостой синицей — лазоревка. За лазоревкой — мухи и бабочки. За бабочками — комарик. За комаром — муравей.

Гости негордые.

Хоть и незваные, а хочется им сладенького.

Кому сладенького-то не хочется?

До чего хороши имена у этих насекомышей? Все эти наездники, бражники, шелкоуны. Медляки, бархатки, божьи коровки. Богомолы, веснянки, верблюдки. Голубянки, майки, мешочницы. Долгоножки и водомерки. Жалко даже на булавку накалывать!

ЦЕЛАЯ ЖИЗНЬ

Прилетел на скворечник скворец. На ноге колечко — знакомый! Шестой год он живет у меня в скворечнике.

Каждую весну он прилетает на скворечник, осматривает его со всех сторон, забирается внутрь, долго там шуршит и ворочается. Потом садится на крышу и негромко поет. Не громко, но с наслаждением: трещит, пощелкивает и высвистывает от удовольствия. Клюв золотой в небо, глаза закатывает, крылышками разводит. А сам то петухом, то ягненком, то кошкой мяукнет, то собачонкой протявкает. Соскучился на чужбине по дому...

Потом со скворчихой чистят скворечник, птенцов выводят. Вместе растят, вместе на выгоны улетят с ними.

Осенью, перед отлетом, скворец прилетел на скворечник один. Есть у скворцов такое правило: прилетать перед отлетом к гнезду. Посидеть в тишине, перышки на солнце почистить, помурлыкать под нос. А потом — на юг. В страны дальние, земли чужие, за синий горизонт.

Но чуть весна — мой скворец тут как тут! На скворечнике сидит, песни поет, крылышками разводит. И колечко на лапке блестит.

И так вот уже шесть лет...

Шесть раз я говорил ему весной «здравствуй» и пять раз осенью сказал «до свидания».

И стал замечать, что скворец мой постарел.

В первую весну, помню, он весь от песен дрожал! Перья на горлышке дыбом. Весь блестит, будто маслом намазанный.

В шестую весну смотрю — и глазам не верю. Сидит в летке, чуть только нос высунул. Поет нехотя: свистнет и помолчит, свистнет и помолчит. Будто сам себя слушает. Других птиц не передразнивает, голоса их позабыл, что ли.

Свистел, свистел, пригрелся на солнышке — и задре-

мал. Голову свесил, носом «клюет» и глаза закрыл. Никогда такого с ним не бывало.

В шестую осень только раз к пустому скворечнику прилетел. Посидел, помолчал, колечко на лапке потрогал.

— До свиданья! — сказал я ему. В шестой раз сказал «до свиданья».

Пришла весна. Опять прилетел скворец на скворечник, но не тот, не мой, без кольца. Может, сосед его, может, сын. Молодой, горластый и непоседливый. И блестит, будто маслом намазанный!

А старик не вернулся. Где-то ветер перья его разнес? Прощай, старый скворец! Здравствуй, молодой!

Каждый теплый и тихий вечер скворцы и воробьи всей деревни слетаются на большую березу: посидеть, посудачить, посплетничать.

Что за прелесть — старые деревья! Гиганты леса, спорящие когда-то с грозой и бурей, пережившие сотни лет и зим. Окостеневшие, с воздетыми в небо голыми сучьями, в живописных лохмотьях коры. Глаз невольно задерживается на них. Но не чувство суетности и тщеты всего живущего порождают они, а чувство величия и бесконечности жизни. Да, не устоял перед временем даже могучий дуб — но он жил!

ПЛАСУНЫ

Комары-толкуны — плясуны известные. Пляшут они где придется. Было бы только тепло. Тепло их бодрит, веселит, прямо на воздух поднимает.

Где тихо, солнечно, где нагрето — там и площадка для танцев. В теплых струях легче плясать.

Пока на земле еще снег лежит, пляшут они меж теплых сосновых ветвей. Потом толкутся над первой проталиной. Над оттаявшим муравейником, над прогретой поленницей дров, над копной соломы. Над отогревшимся склоном, над подсохшей тропинкой, над вскопанной грядкой. Вверх-вниз, вверх-вниз — живой столбик золотистых пылинок. Каждую победу весны они отмечают танцем.

Весна идет — и ширятся танцы. Любят комарики поплясать!

Бывает, над головой зароятся. Гонишь-гонишь, а им нипочем. Пляши, раз тепло и солнце. А что там внизу чья-то голова или поленница дров — какое им дело? До этого им дела нет.

Идешь по лесу вроде бы беззаботно, но столько вокруг всякой всячины, что все привораживает глаза и тербит за ухо!

Нет в природе ни полезных ни вредных — одни только необходимые!

У колодины маленький муравейник. Из снега вытаял, осох на припеке и ожил. На куполе словно горстка гречневой крупы насыпана — это выползли и греются вялые еще муравьишки. Если положить на этот «гречневый блин» ладонь, то почувствуешь, как закопошатся они под ладонью, завожатся. Поднеси потом ладонь к носу — и ударит в нос муравьиный спирт. Так голову и прояснит — получше нашатыря!

Непонятная какая-то суета у муравьишек. Кто лежа лежит, а кто со всех ног бежит. Э, да у них беда! Здоровые выносят из муравейника ослабевших. Выносят и складывают на припеке, выносят и складывают...

Зима для всех тяжела — и для птиц, и для зверей, и для муравьев. Не просто зиму перезимовать, не все весной выползут встречать вешнее солнце.

Несут и несут из ходов-тоннелей больных, слабых, погибших. Иные носильщики и сами еле ноги передвигают, но старательно, хоть и через силу, волочат совсем ослабевших. Вот один притащил больного, положил на солнце и сам рядом приткнулся и замер. Весь купол уложен больными и мертвыми, растет и растет груды погибших и отощавших.

Погибшим уже ничего не поможет, а вот отощавшим сейчас бы поесть хоть немножко. Да что поешь, если вокруг снег еще — ни мух, ни гусениц, ни жуков. Можно бы им хлебных крошек бросить, да они их не едят.

Можно, конечно, просто перешагнуть и уйти — подумаешь, муравьишки! Или сделать вид, что ничего не заметил, не увидел, что погибают. Видеть не видел и знать не знаю.

Но тогда эти вот ослабевшие, что сегодня выносят на солнце совсем больных, завтра сами погибнут: одним солнцем ведь сыт не будешь. И ветер сметет их к подножию муравейника.

Что-то бы надо придумать тут.

Растерянно я провел рукой по лбу, той самой рукой, что притронулся к муравейнику. Ударил в нос муравьиный спирт — и в голове просветлело. Как я сразу не догадался! Береза ведь рядом растет, кора у нее прямо набухла от сока, порозовела, только ткни — и закапает целебный сок! Поскорее проткнул я бересту с солнечной стороны — взбухли большие капли. Муравьишка, что полз по коре, сразу насторожился, усами зашевелил, свернул к ближней капельке и приник. Брюшко у него раздувается, раздувается, расходятся на брюшке блестящие хитиновые ободки, как обручи на бочонке.

Напился по самые жвалы и припустил со всех своих шести ног к муравейнику. А чтобы еще быстрее, вдруг ножки поджал и грохнулся прямо вниз. Тут к нему встречные подбежали, заговорили наперебой, мельтеша усами и лапками, словно глухонемые на пальцах. И вот уже толпой бегут на березу сок пить.

Сами напились и кинулись к муравейнику с больными скорей делиться.

Что ж, таким и помочь приятно. Да и совсем не трудно. Подумаешь, дырочки прокрутить — и муравейник спасен.

Да и неловко просто так уйти. Муравьи и те больным помогают, а ты? Ведь не хуже ты муравья. Человек же ты, не букашка.

На березе намерзли сосульки из сока, а в них, как в янтаре, просвечивают замороженные муравьи. Хрустальные гробы, сладкие саркофаги. Но пригреет солнце — и муравьи восстанут из мертвых! И заспешат снова пить целебные соки.

Вытаяла лишь самая маковка муравейника — но на ней уже кипят муравьи! Как потерпевшие кораблекрушение на спасательном плотике среди неоглядного снежного моря.

ВОЛНА ЦВЕТЕНИЯ

Свиристели и снегири ранней весной спешат из наших уже повеселевших лесов к себе на север. От этой благодати — тепло, проталины, солнце! — туда, где еще холода и снег!

Перед отлетом любят спокойно посидеть на вершинах деревьев, тихо перекликаясь, словно прощаясь с лесом, который приютил их на зиму. Посидеть перед дальней дорогой.

И тогда хотелось подойти к ним поближе и попрощаться. Посмотреть на пернатых чудаков, меняющих весну на зиму. Они всегда настораживались, склоняли головки и недоверчиво смотрели на меня сверху вниз. А я на них снизу вверх: задержались бы, чудаки, золотое времечко на носу! Неужто зима вам не надоела, по морозам уже соскучились?

Но однажды я навел на пернатых торопыжек бинокль и тихонечко охнул! На вершинах деревьев цвели сады, парящие над головой сады!

Хохлатые свиристели важно восседали среди серебристого марева пуховок осин, осиянных солнцем, красногрудые снегири алели среди багрово-красных сережек тополя. Вытягивались на цыпочках, вышелушивая цветочные почки на позеленевшей черемухе.

А я и не подозревал, что так роскошно цветут самые обыкновенные наши деревья! Осины, тополя, елки, сосны. Что в вышине, над головой, весной такое же буйное

многоцветье, как летом на лугах под ногами. Висячие лесные сады.

Цветущие луга древесных вершин! На них нужно смотреть снизу вверх, как на плывущие облака, переводя глаза с одной вершины на другую. И мне их открыли птицы.

Почти что новое чудо света! Червонные закорючки тополей, золотые пуховки раkit, серебристые одуванчики осин. А сережки из драгоценных камней и металлов: орешниковые, березовые, ольховые! Цветущее дерево, как цветущая поляна над головой: гудят там шмели и пчелы, жуки и мухи спешат с цветка на цветок, и душистый ветер разносит медовую пыльцу. Волна цветения катится по лесам.

Как морская волна, волна цветения движется все вперед и вперед — на север. Двигается и увлекает за собой всех зимовавших вершинных птиц — свиристелей и снегирей. Как влекут на север перелетных наземных и водяных первые на земле проталины и первые полыньи на озерах и реках. Вперед, вперед — на родные гнездовья!

Цветущие луга древесных вершин вместе с яркими весенними птицами двигаются на север. Нам снизу почти незаметные, незнакомые, эти благоухающие луга хорошо и давно известны птицам. Они их заманивают весной и увлекают с собой. Птицы живут среди них, птицы без них не могут. Когда волна цветения схлынет за горизонт — вместе с нею схлынут и птицы. Свиристели и снегири, такие же красочные и яркие, как мир цветущих вершин. Птицы висячих садов.

Свиристели и снегири пересвистываются перед дальней дорогой. Прощаются с нами до осени.

Снова и снова торопишься в лес, чтобы снова вздрогнуть от восхищения!

До того бывает хорошо в лесу, что сразу понятно, почему так легко поют птицы, почему так весело порхают бабочки.

Вместе с паводком вешних вод начинается и паводок весенних событий.

ЛЫКО

Возится кто-то в кустах, даже ветки мотаются! Эй, кто там в кустах? А там — дед Егор, лыко дерет.

— Здравствуй, Егор, никак лапти плести собрался?

— А что! — смеется. — Когда-то я знатные лапти плел. А это так, баловство одно, кузовки для внучат.

— А вересина ободранная тоже твоя работа?

— Еще чего! — обиделся он. — Вересовое лыко разве что на мочалки годно.

Кто же тогда вересину драл? Ствол светится, словно голая кость. Ветки в бахrome, как в лохмотьях. Медведь на мочало драл? Так медведь, говорят, век не моется. Заяц на лапти? Есть такая песенка: «Заяц серый, куда бегал?» — «Лыко драл». — «Куда клал?» Но это только в песенке заяц лыко на лапти дерет, а так-то заяц весь год босой. Может, лиса из мочала торбу сплести задумала, чтобы ворованных кур таскать? Как там петух-то жаловался: «Несет меня лиса за темные леса». Но помнится, она не в торбе его несла, а прямо за шиворот.

Смех смехом, а вересина-то ободрана! И неведомо кем, и неизвестно зачем.

Лесные загадки походя не разгадываются. Надо временем и терпением запастись.

Я до весны дотерпел, пришел и вижу: сидит на вересине ворона. Взгромоздилась, скользит, крыльями машет, клювищем сдирает сухие ленты. Надрала полный клюв — и в сосны. Дед Егор для внучат кузовок плетет, а ворона — гнездо для деток. Гнездо-кузовок у нее на сосне и выстлано мягким лыком.

Прибегала на вересину белка. Коготками и зубками лыко драла. Полный рот натолкала — и в елки. Кузовок-гайно там у нее, а в гайне бельчата. Спят на мягком рассученном лыке.

Кто-то еще вересину драл, кто-то еще кузовок из лыка плел, а вот кто — не узнал пока. Многие в лесу кузовки из лыка плетут. Деткам своим стараются угодить.

...Как дед Егор своим внукам.

Идешь по весенней дороге и примечаешь: а что в этом лесном мире за ночь случилось новенького? Медведь через дорогу прокосолапил, вальдшнеп на грязи крестиков настрочил. На обочине цветы новые зацвели, новые бабочки залетали, птицы запели новые. Новый явился день.

ВЕСНИЧКА

Весничку, как и весну, всю зиму ждешь с нетерпением: скорей бы весенняя зеленая дымка, золотые ивовые барашки, и пичужка росточком с березовый лист, с милой весенней песенкой.

Песенка веснички хоть и звучная, но чуточку грустная. Это не ядренные выкрики зяблика-драчуна, не хо-

лодные хлесткие посвисты соловья-зазнайки. В песне веснички весеннее журчанье ручьев и негромкие посвисты теплого ветра.

Встретишь весной весничку, обрадуешься и... скоро перестанешь ее замечать! Вернее, и видишь и слышишь ее, но она уже не так привлекает внимание; птицы более яркие и голосистые отвлекают тебя. Но потом, к осени, очень жалеешь, что отвлекался, не нагляделся на весничку досыта, не наслушался ее песен в запас. И тебе уже не хватает ее, и ты начинаешь скучать,— и снова ждешь и торопишь весну.

...И снова весна, и дымка берез, и весничка. И первая песня ее, свитая из журчанья ручьев и посвистов ветра. И снова скоро она теряется в торопливой череде весенних событий. И снова жалеешь потом, что не насмотрелся и не наслушался в запас на всю зиму.

И снова ждешь...

Всего-то весничка поет — а сколько сразу воспоминаний! Ведь сколько ты весен прожил — столько ее и слышал. И о каждой она напоминает тебе.

Белощечка-синица прыгала по сучкам и тихонечко, вполголоса, напевала: себе под нос, просто так, для себя — в честь ясного дня и бодрого настроения!

ЛЕСНОЙ КОЛОБОК

И хотел бы ежик пушистым быть, так ведь съедят!
Хорошо зайцу: ноги длинные, быстрые. Или белке:

чуть что — и на дерево. А у ежа ножки коротенькие, коготки тупые: ни по земле, ни по сучкам не ускачешь.

А жить и ежу охота. И вся надежда у него, у ежа, на свои колючки: выстави и надейся.

И ежик съезживается, скукоживается, ошетинивается. И надеется. Лисица лапкой его покатает и бросит. Волк носом толкнет, уколёт нос, фыркнет и убежит. Медведь губы свесит, обдаст жаром пасти, посопит недовольно и тоже укусолапит. И хочется съесть, да колется!

А еж полежит с запасом, потом маленечко развернется для пробы, нос и глаза выставит, оглядится, приняхается — нет ли кого? — и укатит в другую сторону.

Тем и жив. А был бы пушистый и мягонький?

Конечно, не велико счастье — всю жизнь в колючках с головы до ног. Но иначе ежу нельзя. Хоть и хочется, а нельзя. Съедят!

Бедный ежик — даже спинку не почесать...

Не огорчайся, что, придя в лес, не увидел там за каждым кустом птицу или зверька. Радуйся, если вообще кого-то увидел. Лес не зоопарк и не книжка с картинками. Тайны леса — не легкие тайны. Лес умеет хранить секреты.

ЗАРЯНКА

Перед рассветом с шорохом шелка оседает изморозь. И звезды начинают так сверкать, словно кто-то, любуясь, поворачивает их разными гранями. Поворачивает, любит и вдруг одну уронил! Перечеркнула она

небо белой чертой и упала в лес. И, похоже, ударилась о вершину елки и раскололась: слышался звон осколков.

И позади зазвенели осколки, и на небе еще одной звездой стало меньше.

Небо медленно зеленеет. Предрассветный озноб проникает в лес. Звезды в небе дрожат все сильнее и все чаще срываются с высоты, размашисто падая в лес. И все чаще звенят осколки, скатываясь по еловым лапам.

Это запевают предутренние зарянки — птички с глазами мыши и клювиком соловья. Об этот-то острый клювик и бьются, наверное, звезды. Удар — и горстка стекляшек переливчато осыпается вниз.

Чем больше запекает в лесу зарянок — тем меньше на небе звезд. Скоро они и совсем исчезнут, но зарянки не перестанут петь. Наоборот: на заре они поют бойчее всего! И так набили им звезды носы, что даже парок из клювика вылетает.

Птица не просто птица! Зарянка в лесу еще и вестник зари. И не просто «грачи прилетели», а еще и весну принесли. И не просто в поле жаворонок поет, — все поле ему подпевает. И даже ты сам...

ПЕРЕСМЕШНИКИ

Утки кричат, совы бубнят, грачи орут басом. А про мелких птиц и говорить нечего, они весной от зари до зари поют!

А есть такие, что не только свои песни поют, а еще и других певцов пересмешничают... Вот сойка сарычом просвистела и тихонько прокудахтала курочкой. Садо-

вая камышевка у всех дроздов утащила по нотке: у певчего, белобровика, у рябинника. А скворцу всегда своей песни мало, он чужие перенимает. Сидит на березе, блестящий и черный, словно дегтем смазанный или в смолу окунутый, поет и сам же себе крыльями дирижирует. Еще и клювом щелкает, как парикмахер ножницами. То дроздом просвистит, то иволгой. То уточкой кричит, то барашком блеет. На разные голоса — за себя и за других.

Живет в лесу еще одна птичка, которая не переставая пересмешничает и передразнивает других. Вся песенка ее из чужих голосов сплетена. Слушаешь ее, а кажется — целый хор поет! Слышишь дрозда и иволгу, зяблика и синицу, кулика и дятла, весничку и горихвостку, галку и воробья. Она даже скворца-пересмешника пересмешничает! За это и называют ее: пеночка-пересмешка.

Вешние ручьи выплескиваются и разливаются вширь: где прошлой осенью грибы собирал, там теперь стреляют в воде щурята и плещутся окуньки.

БЛОКНОТ ЗАБЫЛ

Иду я по лесу и расстраиваюсь: блокнот забыл! А в лесу сегодня, как нарочно, столько разных событий! Весна все медлила, медлила, и вот как прорвало. Выдался наконец теплый и волглый денек, и зима разом рухнула. Дороги раскисли, снег набряк, голые ольхи в каплях дождя, теплый пар шевелится над проталинами. Птицы словно из клеток вырвались: гомон, щебетание и свист. На болоте журавли трубят, над лужками повизгивают чибисы, на вытаявших кочках свистят кроншне-

пы. Одиночками, группками, стаями летят и летят над лесом дрозды, зяблики, юрки, зеленушки. Новости со всех сторон — успевай только голову поворачивать!

Первый дрозд-белобровик пропел, первый кулик-черныш прокричал, первый бекас — лесной барашек — проблеял. Куда девать этакое половодье весенних новостей?

Как было удобно: увидел и записал, услышал и записал. Идешь по лесу и складываешь новости в свой блокнот, как грибы в корзинку. Раз — и в блокнот, два — и в блокнот. Полный блокнот новостей, даже карман оттягивает...

А теперь? Всматривайся, вслушивайся и все запоминай. Бойся пропустить самую малость, бойся забыть, перепутать, ошибиться. Складывай новости не в блокнот, а в себя. Да что ты — рюкзак или корзинка?

С блокнотом удобно и просто: «Прobleял первый бекас». Или: «Зарянка на елке пропела». И всё. Как припечатал. Зарубка на память, сообщение к сведению.

А теперь изволь эту самую зарянку, которой вдруг вздумалось петь, да вместе с огромной елкой, в лапах которой, как в широких ладонях, перекатываются, позванивая, осколки ее стеклянной песенки, ухитриться поставить на полку своей памяти и сохранить.

Туда же журавлей и чибисов вместе с их лугом и кочками, зябликов и юрков со всем этим волглым весенним днем — все в себя, в себя и в себя! И торопись теперь не записывать, а смотреть и слушать.

Вот ведь морока.

А может, пусть? Может быть, так и лучше? Все новости у меня не в блокноте и не в кармане, а прямо во мне. И не какой-то нудный набор событий — кто, что, где, когда? — а вся весна. Целиком! День за днем: с солнцем, ветром, сиянием снега, журчанием воды.

И вот ты уже весь пропитан весной — что же в этом

плохого? Что может быть лучше, если весна внутри, а в душе заливаются птицы! Лучшего не может и быть.

Хорошо, что блокнот забыл. Носился бы с ним сейчас, как с писаной торбой. В другой раз нарочно его забуду. И выброшу карандаш.

Буду ходить, пропитываться весной и песнями птиц. По макушку!

Если слово «весна» и в самом деле от древнего корня «идти», то удивительно точно: весной всё в движении, всё идет! Идет в рост трава, цветы, листья, бегут ручьи, скачут лягушки и зайцы, летят с юга птицы. «Весна идет!» И ты идешь...

Встречали усатых сорок? Они появляются в начале мая: летят или скачут, а усы торчком в стороны! Это веточки или пучки сухой травы, которые они собирают для гнезда. Своим домком зажили — сами теперь с усами!

ДОВЕРИЕ

Иду по лесу, хлюпаю по болоту, пересекаю поле — везде свои птицы. И по-своему ко мне относятся: одни доверяют, другие — нет. И доверие их можно измерить... шагами!

Плиска на болоте подпустила на пять шагов, жаворонок в поле — на пятнадцать, дрозд в лесу — на двадцать. Чибис — на сорок, кукушка — на шестьдесят, сарыч — на сто, кроншнеп — на сто пятьдесят, а журавль — на триста. Вот и понятна — и даже видна! — мера их доверия.

Плиска в четыре раза доверяет больше, чем дрозд, дрозд — в пятнадцать раз больше, чем журавль. Может, потому, что человек для журавля в пятнадцать раз опаснее, чем для дрозда?

Есть тут над чем призадуматься.

Ворона в лесу доверяет охотнику только на сотню шагов. А вот трактористу в поле — уже на пятнадцать. А у горожан в парке, которые ее подкармливают, она чуть ли не из рук куски берет.

Соображает!

И значит, все зависит от нас. Одно дело, если мы в лес с ружьем, а другое — с куском. Даже и без куска, но хотя бы без палки.

Видели диких уток на городских прудах? Дроздов и белок, живущих в парках? Это сокращаются шаги доверия. Это мы с вами становимся лучше. И потому нам доверяют больше. В лесу и в поле. На болоте и в парке.

Везде.

В лесу как в музее — не нужно трогать руками!

Положи на ладонь обомлевшую от холода бабочку — и она оживет от тепла твоих рук.

НЕВИДИМКА

— Слыхом слыхали, а видом не видывали!

Так охотники про нее говорят.

Птичка эта — сторожиха глухариного тока. Она глухаря на току будит. Услышишь ее писк, знай: глухарь сейчас проснется и запоеет.

Издавна дознавались охотники, что это за пичуга, да все зря. Попробуй разгляди ее в темноте!

И вот мы на току.

Стоим, привалясь спиной к теплой сосне. Ноги утонули во мху. Сосна засыпает, чуть покачивается, будто дышит. И время тянется медленно, по-лесному. Отсчитывают его только толчки сердца. И кажется, что конца не будет этой тягучей млеющей тишине.

Но вот где-то возник шум: он нарастает, приближается и вот прокатился над головой, как широкая морская волна. И холодные капли-брызги падают на лицо. Это ветер...

И опять надолго млеющая тишина.

Когда мы потеряли счет толчкам сердца, когда даже сосна за спиной перестала дышать, вдруг раздался тихий писк. Она! Невидимка!

Значит, надломилась ночь и время повернуло на утро. Вот опять пропищала птичка-невидимка, и мы, нажимая на кнопки магнитофона замлевшими пальцами, успели поймать эти удивительные звуки, звуки перелома ночи. Для человека неощутим этот миг, но он есть. И когда он настанет, лес будто вздохнет. И нет уже в нем больше гнетущей ночной тишины.

Проснулась сосна и тихонько толкнула нас в спину. В стороне кто-то постучал по стволу деревянной палочкой. Вот удар кастаньет. И заточил, заточил, заточил...

Это проснулся и запел хозяин тока — глухарь.

Десятки лет, из поколения в поколение, почему-то только сюда слетаются весной со всего леса угрюмые черные петухи. Только здесь в темноту поют они свои песни.

И тоже десятки лет, тоже из поколения в поколение, птички-невидимки будят глухарей на току.

Поет разбуженный глухарь. За ним просыпаются и другие птицы. Вот вальдшнеп протянул. Его не видно,

слышен плывущий придушенный хрип. Прогавкал, как собачонка, на мшарине куропад. Далеко-далеко забормотали косачи; весь воздух содрогнулся. Станный звук его слышишь всем телом.

Птичья мелочь завозила в ветвях; где-то там и наша невидимка. Темные сосны выступили из серой мглы.

И когда стало совсем светло, мы включили наш ящичек с записью голоса невидимки. Впервые невидимкин голос прозвучал на свету. Прозвучал и выдал свою тайну.

К ящичку порхнула синичка-пухляк, скосила на него глазок и ответила тем же голосом! Сейчас же спохватилась и закричала знакомо, по-всегдашнему: дай-дай-дай-дай-дай!

Но было поздно. Так вот кто она — сторожиха тока, таинственная птичка-невидимка!

— Не отдадим! — ответили мы. — Лучше и не проси!

Ищешь по лесу и собираешь в себя, как в лукошко, песни весенних птиц.

Многие птичьи голоса родились из мертвых звуков: песня пеночки-теньковки — из стука дождевых капель, трели зарянки — из звона тающих льдинок, скрипение снегиря — из скрипа сучьев. Или чужьяканье и бормотание косача? Так вот снег весной под лыжами оседает — «чу-шшии!». И вешний ручей под снегом бормочет и воркует по-косачиному.

ЛИСИЦА И ЕЖ

- Всем ты, Еж, хорош и пригож, да вот колючки тебе не к лицу!
- А что, Лиса, я с колючками некрасивый, что ли?
- Да не то чтоб некрасивый...
- Может, я с колючками неуклюжий?
- Да не то чтоб неуклюжий!
- Ну так какой же я такой с колючками-то?!
- Да какой-то ты с ними, брат, несъедобный...

СОРОКА И МЕДВЕДЬ

- Эй, Медведь, ты днем что делаешь?
- Я-то? Да ем.
- А ночью?
- И ночью ем.
- А утром?
- И утром.
- А вечером?
- И вечером ем.
- Когда же ты тогда не ешь?
- Когда сыт бываю.
- А когда же ты сытым бываешь?
- Да никогда...

ПТИЧЬИ ЧАСЫ

30 апреля

- Запел белобровик — 3 ч. 14 м.
- Заворковал косач — 3 ч. 21 м.
- Заблеял бекас — 3 ч. 25 м.
- Запел певчий дрозд — 3 ч. 28 м.
- Запела зарянка — 3 ч. 30 м.
- Протянул вальдшнеп — 3 ч. 32 м.
- Заквохтали рябинники — 3 ч. 39 м.
- Проворковал вяхирь — 4 ч. 20 м.

Запел пухляк — 4 ч. 22 м.
Закаркала ворона — 4 ч. 43 м.
Закричала чайка — 4 ч. 50 м.
Запел зяблик — 4 ч. 55 м.
Пробарабанил дятел — 5 ч. 04 м.
Взошло солнце! — 5 ч. 10 м.
Пропел лесной конек — 5 ч. 11 м.
Запел жаворонок — 6 ч. 20 м.

МАЙ

Грянул веселый майский гром — всему живому языки развязал. Хлынули потоки звуков и затопили лес. Загремел в лесу май!

Зазвучало все, что может звучать.

Бормочут хмурые молчаливые совы. Трусливые зайцы покрикивают бесстрашно и громко.

Полон лес криков, свистов, стуков и песен. Одни песенки прилетели в лес вместе с перелетными птицами из дальних стран. Другие родились здесь же, в лесу. Встретились песенки после долгой разлуки и от радости звенят от зари до зари.

А в нагретой парной чащобе, где сердито бубнит ручей, где золотые ивы загляделись в воду, где черемуха перекинула с берега на берег белые трепетные мосты, пропищал первый комар. И белые бубенчики первых ландышей прозвучали чуть слышно...

Давно пронеслась гроза, но на березах с листка на листик, как со ступеньки на ступеньку, прыгают озорные дождевые капли. Повисают на коңчике, дрожа от страха, и, сверкнув отчаянно, прыгают в лужу.

А в лужах лягушки ворочаются и блаженно ур-р-р-чат.

Даже перезимовавшие на земле скрюченные листья сухие ожили: то шмыгают и шуршат по земле, как мыши, то вспархивают, как табунки быстрых птиц.

Звуки со всех сторон: с полей и лесов, с неба, с воды, из-под земли.

Гремит по земле май!

НОВОСТИ ВОСКЛИЦАТЕЛЬНЫЕ!

Закуковала кукушка!
Первая песня веснички!
Зацвел прострел — сон-трава!

[Начало мая]

Первые бабочки-голубянки!
Соловей запел!
Показались первые ласточки!

ПРОИСШЕСТВИЯ И СОБЫТИЯ

ПТИЦЫ ВЕСНУ ПРИНЕСЛИ

Грачи прилетели — проталины принесли. Трясогузки-ледоломки лед на реке раскололи. Зяблики появились — почки на деревьях набухли.

Дальше — больше. Пеночки прилетели — цветы-первоцветы зацвели. Кукушка вернулась — листья на берегах проклюнулись. Соловьи запели — черемуха зацвела.

Весна так и делается: каждый понемножку, каждый свое.

Выходишь из дома и встречаешься с соседями. Одни только что из дальних странствий вернулись — мухоловки, горихвостки, кукушки; другие — сойки, сороки, вороны — тут же и зимовали. Вот бы историй порассказали, если умели бы говорить!

Давно весна в лесу, а все чего-то да не хватает. Оказалось — кукушки! Прилетела, закуковала — все сразу по своим местам расставила.

ВАЛЕЖИНА

Лесная валежина — и дрова для костра, и лесная заваляшка для сидения. Раздуй костер, сядь поудобней и слушай последние лесные новости. Рябинники ворону с треском погнало: не подбирайся к гнездам! Иволга кошкой вякает — тоже кого-то пугает. Вдруг писк, возня,

суета: пичужки куцехвостого бельчонка гонят. Скачет он по длинному суку, как по висячей тропинке.

Станешь валежины к костру сносить — и тут новости. Под одной лягушка спряталась, вжалась в сырую землю, даже голову прикрыла лапками. Под другой — черный паук с белым коконом, суетливые многоножки, завитушка-улитка. Под третьей — хищная жужелица, юркая ящерица. Толстая полевка в нору шмыгнет или замечется черная землеройка, шмыгая длинным носиком.

Раз приподнял колоду, а под ней птичье гнездо с яичками. Скорей опустил назад.

Вроде и дел-то — дрова для костра собрать. А интересно! Пока собираешь, всего насмотришься. Сидишь потом у костра и не спеша обдумываешь: отчего да почему? А будь моя воля, я бы ребят учил не одной спичкой костер разжигать — тоже мне достижение! — а валежины для костра собирать не спеша и с толком. Чтоб беды никому — ни себе, ни другим. И чтобы было над чем поразмыслить.

Раз бросил пласт сухой коры в огонь, а на нем тритон пучеглазый: еле успел спасти. Приволок буреломину, а в щели мышь летучая. А раз... да разве обо всем расскажешь?

Сколько ночевок, сколько костров, сколько валежин — столько и происшествий.

Раз валежину приподнял, а в руку — тюк!словно пичужка клюнула. Хорошо, что на руке рукавица была, а то бы гадючьи зубы кожу проткнули.

Засохнет дерево и станет сухостойной. Упадет сухостойна — станет валежиной.

И со всеми ними что-нибудь да происходит.

На одной валежине рядом выросли молодые елочки, березки, рябинки. Другая была вся в козырьках трутовиков, как в кружевах. А под той, на которой сейчас сижу, как на завалинке, шнырит лесная мышь: навер-

ное, желуди в кладовую носит, к зиме готовится. Надежное выбрала место, под такой крышей без забот зиму перезимует. Если, конечно, я эту валежину в костер не брошу...

Каждую весну — который год! — я прихожу сюда и слушаю лес. И каждый раз знакомо журчит в ручье вода, вдали кукует кукушка, а на соседней елке заливаются зяблик — словно горлышко вешней водой полощет. Натужно воркует вяхирь, свистит где-то рябчик. И есть в этом постоянстве что-то крепкое и надежное, что-то умиротворяющее и успокаивающее: так было, так есть и так всегда будет...

Чаще других под валежинами прячутся ящерицы. Кто сказал, что ящерицы противные? Как только у него язык повернулся! Наверное, он ящерицу и в глаза не видел.

Особенно хороши ящерицы весной в праздничном весеннем наряде. Щитки и чешуйки горят малахитовой зеленью, вся она в кружевных пятнышках и завитушках. Сказочная красавица: уж если лягушки бывают царевнами, то ящерицы и подавно!

СЕРДИТЫЕ ЧАЙНИКИ

Как хорошо, что в это раннее утро я не нежился, подобно другим, в постели! В награду я увидел такое, что с тех пор всегда встаю на рассвете.

Поляна была похожа на круглый стол под травотканой золотистой скатертью. Посредине были расставлены

черные чайники. Они пыхтели и булькали от нетерпения.

Тут затевалось грандиозное чаепитие!

Чайники булькали и клокотали. Из черных носиков с шипением вырывался пар. Их так изнутри распирало, что они даже подскакивали! И дребезжали... крыльями!

До чего же и в самом деле косачи на току похожи на шипящие чайники! На шипящие, булькающие, закопченные до блеска охотничьи чайники. Шейки-носики задраны вверх, а косицы хвоста изогнуты ручкой. Горят раскаленные угли красных бровей, из носиков вырывается пар! И так друг на друга насакивают, что только брызги-перья летят! Шумное чаепитие этот тетеревиный ток!

В городе нас будильник будит. А кто будит в лесу его обитателей?

Будильник всего живого — солнце! Вот оно, как дирижер, взмахнуло над лесом лучами-палочками — и грянул хор! Вот оно опустило вечерний луч, как опускает дирижер свою дирижерскую палочку, и хор утих.

Скрылось солнце за горизонт, свет погас, и громкие дневные звуки сменили тихие звуки ночи. Исполнители ждут нового знака своего всеильного дирижера.

Взмах лучей вверх — и все пробудились, лучи вниз — и все снова спят. Солнце командует комаром и верзилой-медведем. Рыбой, лягушкой, ящерицей. Цветами, кустами, деревьями. Да и нами...

ГРИБНОЙ СНЕГ

Гроза заходит, гром ворочается — вот-вот дождь обрушится! А обрушился... снег!

Начало мая было сухим и жарким. На буграх, вырубках и опушках шуршала желтая сухая трава, высохшие опавшие листья взлетали от ветра, как бабочки. На земле можно было не только сидеть и лежать, но даже стоять на коленях,— и колени были сухими. И потому, наверное, не попадались весенние грибы — строчки и сморчки. Нужен, нужен был грибной дождь!

А сыпал снег. Густые пухлые хлопья укрыли землю, выбелили кусты. И стало белым-бело.

Утром пригрело солнце, снег размяк, пополз, потек. Белые бугры и опушки вновь потемнели, а скоро нагрелись и запарили. Но на землю теперь уже не сядешь, не ляжешь и на колени не станешь: мокро! Жухлая трава не шуршит, листья отволгли и не взлетают бабочками. И земля под сапогами продавливается и пузырится.

Зато появились строчки!

Вылезли из-под земли, как старые сморщенные гномы в скомканных бурых беретах. Самые ранние наши грибы. Выросшие не после грибного дождя, а после грибного... снега!

Все в лесу удивительно. И загадочно. Смена дня и ночи, зимы и лета. Позеленение и пожелтение деревьев. Музыка лесного или полевого дождя, разноцветье грибов — лесных гномов. А голая лягушка, всю зиму проспавшая подо льдом? А птицы, без карты и компаса кочующие по Земле? А тетерева и рябчики, ночующие в снегу? А ежик, спящий полгода без просыпу? А сова, которая и в темноте видит? Дятел, долбящий дерево носом,— и хоть бы сотрясенье мозгов!

По чему бы ни скользнул глаз, от чего бы ни насто-рожилось ухо, все удивительно и загадочно. И удивленно смотришь на этот удивительный мир.

Старый гриб-дождевик так и норовит всем пыль в глаза пустить!

РАСТЕРЯВШИЕСЯ ПЕРЕЛЕСКИ

Перелески любят на солнце смотреть. Всю весну глаз с солнца не сводят. Глаза желтые, ресницы белые — куда солнце, туда и глаза.

Как проснутся — так глаза на восток. И весь день, как замороженные, поворачивают головки от востока на юг, а от юга на запад. Солнце за лес — перелески ресницы смежат и спят до утра.

Весело и просто на солнце глядеть: знай только голову поворачивай.

Но однажды перелески растерялись. Солнце поднялось за тучей. В какую сторону голову поворачивать?

Растерянно смотрят золотые зрачки из-под белых ресниц. Головки повернуты в разные стороны. Смотрят, смотрят, а солнца и нет!

Согнулись слабые шейки. Поникли белые венчики. Глаза уставились в землю. Кто подскажет — куда смотреть?

Задул холодный и резкий ветер — и весна спряталась, как улитка в ракушку. Лес притих и нахмурился: словно воротник поднял и шапку на нос надвинул.

Никто не позволит, чтобы его пинали и били. Только растения сами на побои напрашиваются. «Наподдайте нас ногой посильней! — просят переспелые грибы-дожде-

вики.— Чтобы пыльца наша по всему лесу разлетелась!» «Щелкните по макушке, дайте нам подзатыльник! — упрашивают пушистые одуванчики.— Пусть наши семена-летучки разлетятся как можно дальше». «Заройте живыми в землю!» — просят желуди соек. «Глотайте нас целиком!» — умоляют дроздов ягоды рябины. «Прицепите нас хоть на хвост собачий! — канючат колючие катыши лопухов.— Разнесите, рассейте наши семена!»

И чем больше их бьют, ломают и топчут, глотают и зарывают, тем больше они процветают! У них за битого двух небитых дают.

ХВАЛЕБНОЕ БОЛОТЦЕ

Любит чибис над болотиной покричать, особенно если денек солнечный и погожий. Повизгивая от радости, мечется и кувыркается он над болотными кочками, сам себе звонко командуя: «Ку-вырк, ку-вырк!»

Взлетит, зависнет, мельтеша пестрыми крыльями, да вдруг штопором вниз, да еще и вихляя из стороны в сторону,— только ветер в крыльях посвистывает! Вот-вот врежется с лета в землю и разобьется. А он, чуть не шлепнув по кочке красными лапками, уже снова ввинтился ввысь — и снова сверху вниз, вихляя и повизгивая от восторга.

Добрался, добрался-таки кулик из далекого далека до своего болота хваленного! Всю зиму, поди, оно ему на чужбине мерещилось. И вот он дома и оно перед ним...

И такая неудержимая радость, такое немыслимое счастье в его неистовых бросках и кульбитах, в его отчаянных взвизгах и воплях, какое услышишь лишь у малых детей, когда они барахтаются в воде.

В самом грязном болоте птице лучше, чем в самой чистой клетке.

Природа объясняется с нами языком звуков, движений и красок.

Неизвестно, думает ли природа, но нас она заставляет думать.

ЧИЖИК-ПЫЖИК

Ласточка день начинает, соловей кончает. А между ласточкой и соловьем любит петь скворец. В песне скворчиной чего не услышишь: есть там и ласточка, есть соловей и много других птиц. И никого это не удивляет: все знают, что скворец — пересмешник.

Знали это и мы, но скворец нас удивил. Сидел он на лиловой ольшинке у дома, взмахивал крыльями и насвистывал «Чижика»! Здорово так высвистывал: «Чижик-пыжик, где ты был?» Потом разная скворчиная болтовня, тягучий печальный свист, и опять бодро и весело: «Чижик-пыжик, где ты был?»

Мы постучали в дверь ближнего дома. Вышел паренек, посмотрел на нас, потом на скворца и сказал:

— Мой скворчик. Я научил.

Случилось все так. Выпал прошлым летом из скворечни голопузый скворчонок. Мальчонка хотел его назад положить, да не смог: уж больно тонок был у скворечни шест. Стал он кормить сироту рубленым яйцом и творогом. Скворчонок быстро рос, и скоро стал есть сам: кор-

милец за стол — приемыш на стол, поилец за чай — скворчонок в чай. Тут обоих из-за стола долой!

Сидит кормилец в углу и «Чижики» под нос свистит. Сидит скворчонок у него на плече и прямо в рот смотрит. Сидел так, смотрел да и сам «Чижики» выучил! И называли за это скворчонка Чижиком.

Осенью дикие скворцы сбились в стаи и потянули на юг. Жалко мальчишке стало Чижики, вынес он его на луг и подпустил к дикой стайке. Прогумели птичьи крылья, и нет пикого.

Долго тянулась зима. Мальчишка скучал без скворца и один насвистывал «Чижики». А скворец его не забыл: примчался весной жив и здоров!

Слушали мы скворца до соловьиного часа. Не близка была его дорога домой: крошечная птица — и необъятный горизонт. Где, бродяжка, зиму зимовал, какие земли видел? Чижики-пыжики, где ты был?

На утреннее крыльцо выходишь с нетерпением: что нового на дворе? Какие птицы уже вернулись с юга? Чьи голоса доносятся с озера? Чьи это силуэты в небе? Каким обдаст тебя сегодня запахом: волглой земли или уже лопнувших почек? А что там желтеет на склоне: цветы мать-и-мачехи или одуванчиков?

Полная сводка утренних новостей.

Первая ласточка весны, говорят, не делает. Но объявляет: если уж появилась ласточка — весна утвердилось. Трава, цветы, живая вода. Танцы комариков и песни лягушек. Весна, весна! А тут и ласточка прилетела...

ТЕНЬКОВКА

Дождик давно уже кончился, а с елки все капают капли. Тень-тянь-тюнь! — бьют по луже. Запрокидываю голову, чуть шапка не падает, а на самом верхнем еловом торчке, что словно палец прямо в небо указывает, вижу птичку-кроху. И звонкие капли эти прямо с ее клюва срываются!

Ну да, конечно: не капли звенят, а пичужка поет!

Радуетса, наверное, что кончился дождик, что солнце снова светит. Но до чего же песня ее на стук этих капель похожа: дождинки с еловых лап скатываются и в гулкой тишине по луже стучат. На небе ни тучки, ни облачка, а дождинки все тенькают и звенят. За песню и назвали птичку — теньковка.

Другим кажется, что теньковка не дождинки роняет, а слово «тетенька» выговаривает по слогам: «Те-тень-ка, те-тень-ка!» Не совсем разборчиво, правда, но еще самую малость, самую капельку — и получится.

Ученица она старательная, с раннего утра зубрит-долбит это слово — человеческое слово «тетенька». И весь день — до самого вечера.

Так что, если услышишь в лесу теньканье дождевых капель при ясном небе или тоненький голосок, выкликающий какую-то тетеньку, не удивляйся — это птичка поет. Громко поет, хоть сама такая маленькая, что не сразу и разглядишь. Но это, конечно, она — теньковка. Та самая, что кличет тетеньку и подражает теньканью капель. Другой такой птички в лесу больше нет.

Весна спешит с юга, как скорый поезд! Успевай только отмечать узловые станции: «Грачи прилетели», «Жаворонки запели», «Кукушка закуковала», «Черемуха за-

цвела». А между станциями, как и положено, переезды, платформы, разъезды: «Проталины», «Ледоход», «Радуга».

Торопится поезд весны, новости за окошком мелькают.

Теньковка все утро стучала серебряным молоточком по звонким шляпкам гвоздей.

БОЛЬНОЕ БОЛОТО

Идешь по лесу, и лесные голоса, как бабочки, бьются в уши!

В березняке кукует кукушка, свистит иволга, пересмешичает пеночка-пересмешка. В ельнике слышу королька, синичку-хохлатку, дрозда певчего. Все по своим местам, кому где и положено. И все здоровы, раз песни поют.

Иду и выслушиваю лес, словно доктор. Пока никаких нарушений. Ни лихорадки у леса, ни упадка сил. Дыхание ровное и глубокое. Ровно дятел стучит,— значит, и пульс у леса нормальный.

Осталось проверить моховое болото. Оно уже близко, уже сквозит за деревьями. «Здравствуй, мшарина, как живешь-можешь?»

А болото в ответ молчит...

Что случилось? Раньше, бывало, сразу же откликалось звонкими птичьими голосами: чибисов, чаек, кроншнепов. А то и журавлем трубило по-богатырски! И вот молчит...

Для меня молчание его все равно что для врача глухие удары больного сердца. А с сердцем шутить нельзя! Какие навалились на тебя болячки и немочи? Болото тяжело заболело, болото при смерти!

Что довело его до болезни: пожар, засуха, жадные охотники? И как его теперь лечить?

Вот он, грозный признак болезни леса,— молчание. Если угрюмо молчат леса и болота, поднимайте шум, объявляйте тревогу: что-то с ними неладно. А если всю звучат голоса, тогда все в порядке. Тогда сам притихни и слушай. Молчи и радуйся.

Бор, роща, ельник, ольшаник, моховое болото — тоже как обитатели леса, как живые существа. У каждого свой облик и цвет, свой голос и запах, свои особенности и повадки. Своя особая жизнь.

Как-то оставил я на ночь на краю мохового болота фонарик, направив свет на лист чистой бумаги. Может, кто-то завернет на мой огонек? Утром у фонаря не было никого, но вся бумага под фонарем была исписана непонятными письменами: запятые и точки, скобки и черточки, знаки вопросительные и восклицательные, многоточия и тире. Кто-то ночью подходил к фонарю и писал. Но кто подходил и что писал?

С тех пор я по-особому смотрю на моховые болота. Живет в них кто-то, кого манит свет, кто выводит иероглифы грязными лапками.

ЖИЛ-БЫЛ МЕДВЕДЬ

Я его никогда не видел. Но хорошо его знал. Каждую весну я находил его задíры-метки на елках — свежие борозды от могучих когтей на обочине глухой лес-

ной тропы. Такая уж у медведей повадка: выйдя весной из берлоги, они не спеша обходят свои владения и оставляют на пограничных деревьях знаки-меты: знайте, я проснулся уже, я жив и здоров, и это мой лес!

За лето борозды от когтей затекали вязкой смолой, но каждую новую весну он обновлял свои задиры, стараясь пробороздить кору как можно выше. На задние лапы для этого поднимался, на цыпочки даже вставал! Пугающие получались борозды на коре — как от железных граблей. И только-только рукой дотянуться!

Шагая весной по медвежьей тропе, я каждый раз поглядывал с нетерпением: вышел ли из берлоги мой заочный знакомый, обновил ли свои задиры? Вышел уже и жив-здоров — вот его свежие борозды, вот клочья бурой звериной шерсти, влипшие в потеки смолы. Он тут спиной о кору терся, чтоб его дерево пограничное пахло медведем.

И хоть я ему не соперник, не конкурент и не посягаю на его участок, все же, идя по тропе, тоже мотал на ус все его знаки и предупреждения. Большой медведь жил в этом лесу, и ухо надо держать востро!

Зимой, бывало, не раз вспоминал его, глядя на снег за окном: как-то сейчас мой знакомый, где на зиму берлогу облюбовал, спокойно ли спится ему? Не выследили ли берлогу охотники, выдюжит ли до весны? Увижу ли снова его следы?

Прошло много зим и лет, много весен встречал я его метки, а самого ни разу не встретил. Осторожный и хитрый был лесной старик, не доверял человеку, стороной его обходил. Знал, что беспомощны против пули даже его железные когти. И меня он, конечно, видел много раз, но знака не подавал.

И вот снова настала весна — а меток свежих не оказалось!

Медведь исчез. Прошла весна, лето, осень — о медведе ни слуху ни духу. Если бы его другой медведь выгнал — свои бы следы оставил. Охотники бы застрелили — прошел бы слух. Может, от старости око-лел?

Проходили весна за весной. Задиры старые зарастали, заплывали тягучей смолой, прилипшую шерсть повыщипали пичужки и разнесли по своим гнездам. И понял я, что никогда уже больше не встречу его следов.

Я часто хожу по той осиротелой тропе — уж который год. Но словно что-то мы потеряли: и я, и тропа, и лес. Скучнее стали тропа и лес, и скучнее стало мне. Ничего не наматываешь на ус, и ухо твое не востро.

Но осталась память. Память о медведе, которого я никогда не видел. Но и сейчас представляю ясно, как он идет вразвалку, урча поднимается на задние лапы и дерет темную кору, завивая белые стружки. А потом поворачивается спиной и чешет о дерево холку. А жаркая пасть разинута, и в глазах отражается лес.

Жил-был когда-то в этом лесу медведь, ходил по лесной тропе...

Ясно видишь, что нет никого в лесу, а глазам все равно не веришь!

Все живое в лесу испытывает тебя на миролюбие — друг ты или враг? Об этом шепчутся листья, для этого следят за тобой невидимые глаза. Все настораживается и смолкает.

Когда увидит тебя медведь — то замрет и ждет: может, ты его еще не заметил, может, мимо пройдешь? Сколько таких вот тихих медведей не замечаем мы только потому, что привыкли ходить по лесу уткнувшись в землю! Пока мы под ноги смотрим — они смотрят на нас...

УЖ

Чуть на змею не наступил! Хорошо, успел ногу отдернуть и отскочить. Но змея-то дохлая! Кто-то ее убил и бросил на видное место. И давно уже: попахивает и мухи жужжат.

Перешагиваю через дохлятину, нагибаюсь к ручью руки сполоснуть. Хороша ручьевая вода! Промокнул лоб платком, вытер лицо и руки, обернулся, чтоб повесить платок на солнышко, а змея-то дохлая в кусты удирает! Воскресла и уносит ноги. Ну, не ноги, конечно, какие у змеи ноги! Но уползает проворно и торопливо, так и подмывает сказать: со всех ног!

В три прыжка нагнал я внезапно ожившую змею и легонько прижал хвост ногой — так просто, чтоб только ее остановить. Змея замерла, свернулась кольцом, а потом вдруг как-то странно вздрогнула, выгнулась, перевернулась пятнистым брюхом вверх и... околела! Во второй раз...

Голова ее, похожая на бутон с двумя оранжевыми пятнами-лепестками, запрокинулась, нижняя челюсть отвалилась, черный язык-рогулька безвольно вывалился из красной пасти. Лежит расслабленно — дохлее дохлого. Трогаю — не шевелится. И снова запах дохлятины, и мухи на него слетаются!

Хоть глазам не верь. Змея притворилась мертвой, чтобы ее не трогали! Змея потеряла сознание!

Слежу краем глаза со стороны. И вижу, как уж (а это он) начинает потихонечку «воскресать». Вот закрыл пасть, вот перевернулся на брюхо, поднял глазастую голову, помахал языком, пробуя ветер на вкус. Опасности вроде нет — можно и удирать.

Рассказать такое — ведь не поверят! Проходу потом не будет. Ну если б пугливая дачница грохнулась в обморок, встретив змею. А то змея! Змея потеряла сознание, змея в обмороке! «Взгляните, — скажут, — вот идет человек, который до того одичал в лесу, что даже змеи при встрече с ним сразу теряют сознание!»

И все-таки я рассказал. А знаете почему? Потому что не я один для ужей такой страшный. И вы не лучше меня. Если ужа напугаете, вздрогнет он, свернется и «околеет». Дохлее дохлого будет лежать, и запах будет, и мухи слетятся. А отойдете — и уж воскреснет. И бросится в заросли со всех ног. Хоть и безногий...

В лесходишь всегда с надеждой на неожиданное.

Животные все красивы, нет животных некрасивых в родной им среде. Дикая красота — особая красота. Увидеть ее можно только на воле. В клетке она исчезает бесследно.

ГОЛУБАЯ ГАДЮКА

В солнечном весеннем ольшанике наткнулся я на... голубую гадюку! Всяких раньше встречал: черных с красными злыми глазами, серых, бурых, оливковых, да-

же красных — в горах Кавказа. А эта была голубая, и такую я видел первый раз. Голубая с черной зубчатой полоской вдоль спины.

Пока я хватался за аппарат, диковинная гадюка утекла в мышиную норку. Я тихо опустился у норы на колени и стал ждать.

Колени, конечно, сразу промокли, только что оттаявшая земля холодила ноги: я прямо чувствовал, как плохо сейчас гадюке в ее промерзшей норе, как ей там жестко и неудобно. Выползет, долго не утерпит!

И вправду из норы показался граненый нос, запорхал раздвоенный язычок, заблестел сердитый гадючий глаз.

Но у меня уже затекли колени, ломит от напряжения спину. Я чуточку шевельнулся — и змеинная голова спряталась.

Я поскорее устроился поудобнее и приготовился снова ждать. Не сниму — кто мне поверит, что бывают голубые гадюки?

Снова одеревенели колени, и снова замлела спина, а гадюка все не показывается. Стало невмоготу. Откидываюсь на пятки, хочу опереться рукой о землю и опираюсь... прямехонько о гадюку!

Как я только руку успел отдернуть! Пока стоял на коленях, не отводя глаз от норы, она незаметно выползла из другой и устроилась сзади.

Караулить теперь бесполезно: дважды я ее напугал. Но надо же снять ее на цветную пленку: может, она единственная такая!

Я принялся раскапывать палкой мышинные ходы. Рыхлая земля раскапывалась легко, от меня, как от гребущего петуха, во все стороны разлетался мусор.

...А диковинная голубая змея в это время грелась на солнышке в стороне! Она нашла новый выход и дремала себе, пока я рыл вокруг землю. И пока один из летящих комков снова не напугал ее.

Никогда и нигде не встречал я больше такой голубой гадюки. Но она где-то есть: голубая, как незабудка.

Собрался отдохнуть, сесть на кочку, а на ней уже две гадюки лежат! Одна подняла голову и уставилась на меня. Я кашлянул, свистнул, крикнул — хоть бы пошевелились. Они не слышали меня! И значит, не слышали шума ветра, шуршания травы, пения весенних птиц. Странная жизнь в полной тишине...

Странная какая-то гадюка: тусклая и белоглазая! Словно ее в пыли вывалили, а вместо глаз у нее — бельма. Сунул ботинок под самый нос — никакого внимания.

Гадюка переодевается! У гадюки линяют... глаза! Скоро вся старая кожа, вместе с очками-бельмами, сползет с нее, как чулок с ноги. И станет она быстрой, блестящей и яркой, а мутные глаза — пронзительными и злыми. Тогда уж палец к носу не подноси!

КТО СТУЧАЛ!

Станный случай произошел со мной в лесу. Не в глухомани, не вдали от человеческого жилья, а чуть ли не за околицей, в лесу хоженном-перехоженном.

В весенний день я шел по этому лесу, шурша подсыхающими на припеке листьями, привычно перешагивая через волглые после зимы валежины, обходя стороной густые поросли елочек. Солнце то вдруг пронизывало еще полуголый лес, и он становился пятнистым, пестрым, то вдруг набегала тень, и все становилось мутным и хмурым. То обдавало парным теплом, то тянуло про-

мозглым холодом. Весна и зима все еще спорили между собой.

Но ландыши уже высунули кулечки листьев, папоротники показывали из ветоши зеленые кулачки и куртинки черники светло позеленели. Глаз то и дело задерживался на приметах весны, а ухо вылавливало новые, весенние звуки. И тут я услышал непонятный стук!

Стук не громкий, но вполне отчетливый, не очень частый, но и не редкий. Больше всего это было похоже на удары палкой по дереву. Идет человек по лесу и время от времени, от нечего делать, стучит палкой по ближним стволам: стук! Стук-стук!

И не было бы в этом ничего особенного, если бы я не знал, что некому тут стучать! Никто из деревни не выходил, а случайных прохожих в эту пору у нас не бывает.

Но кто-то ходил и стучал...

Дятел стучит не так, не так стучат и голые сучья. Да и ветра в вершинах нет.

Стало тревожно и неуютно.

Положим, что все-таки кто-то забрел — хоть это и невероятно. Но зачем ему стучать по деревьям? Зачем кружить по одному месту, то удаляясь, то приближаясь? Чуть влево, чуть вправо, вперед, назад? И как он ухитрится незаметно перебегать: только что стукнул тут и вот уже там стучит? И ни тени, ни шороха, ни колыхания веток?

Стук дальше, дальше, а потом ближе, ближе. Кто-то вот сейчас выйдет из зарослей, кто-то сейчас покажется! Как, бывает, сама собой вдруг приоткрывается дверь в соседнюю темную комнату, в которой никого нет...

Но никто не вышел из зарослей, не показался. Постукивание снова то удаляется, то приближается.

Я всех лесных стукачей знаю — никто не подходит. Дятел-желна стучит иначе, лоси рогами стучать не мо-

гут — безрогие они сейчас. Стук непонятный, а потому тревожный. И холодок уже шевелится под рубахой. Стучать некому, а стучат...

Вот стук зачастил и стал уверенно приближаться! Сейчас уж непременно кто-то выйдет из чащи и покажется. Но стук замер на самой кромке сосняка: снова никто не вышел, снова не показался. А погода стукнуло уже подальше, потом еще дальше и вот уже совсем вдалеке — и стихло. И на этот раз — совсем. И сколько я ни стоял, ни вслушивался, стук больше не повторился: не хрустнул ни один сучок, не качнулась ни единая ветка, ни одна тень не мелькнула между стволами.

Тогда я сам спустился в сосняк, весь его обошел, осмотрел — никаких следов: сосняк как сосняк. Но ведь кто-то в нем только что был и кто-то стучал!

Ну был, ну стучал — тоже мне таинственная загадка!

Но загадка! И загадку эту я не разгадал. И потому на лес теперь смотрю особым глазом: есть в нем кто-то мне неизвестный, стук которого я хорошо слышал, а увидеть так и не смог.

Стучал — а кто?

Ни хруста, ни шороха, а приставь ладонь к уху — и хлынут в тебя водопады скрипов, шелестов, стуков и шорохов! И нет уже покоя и тишины, насторожен и ты и лес.

Войдешь в лес — и все попрячутся! А уйдешь — высунутся и станут показывать в спину лапами и перешептываться.

В темной чаще кто-то стонал вымученно и тягуче. Совы уже отстонались, желна совсем не так стонет, лоси еще не начинали стонать. Скорее всего дерево скрипучее на ветру! А сразу не догадаешься — можно оторопеть...

ОДУВАНЧИК И ДОЖДЬ

— Ура! Караул! Ура! Караул!

— Что с тобой, Одуванчик? Уж не заболел ли? Ишь желтый весь! Чего ты то «ура», то «караул» кричишь?

— Закричишь тут!.. Корни мои рады тебе, Дождю, радешеньки, все «ура» кричат, а цветок «караул» кричит — боится, что пыльцу испортишь. Вот я и растерялся — ура, караул, ура, караул!

КОРОЛЕК И ПАУК

— Э-э, Паук, да у тебя праздник! Вся паутина в росе. Иллюминация и фейерверк! Вот, небось, радости-то!

— Меняю все это сверкание на одну муху! Третий день из-за этой иллюминации комаришки во рту не было. Паутина отсырела. Сети рвутся. Сам окоченел. Еще день так попраздную — и готово: закрою все восемь своих глаз, все восемь ног протяну!

ПТИЧЬИ ЧАСЫ

10 мая.

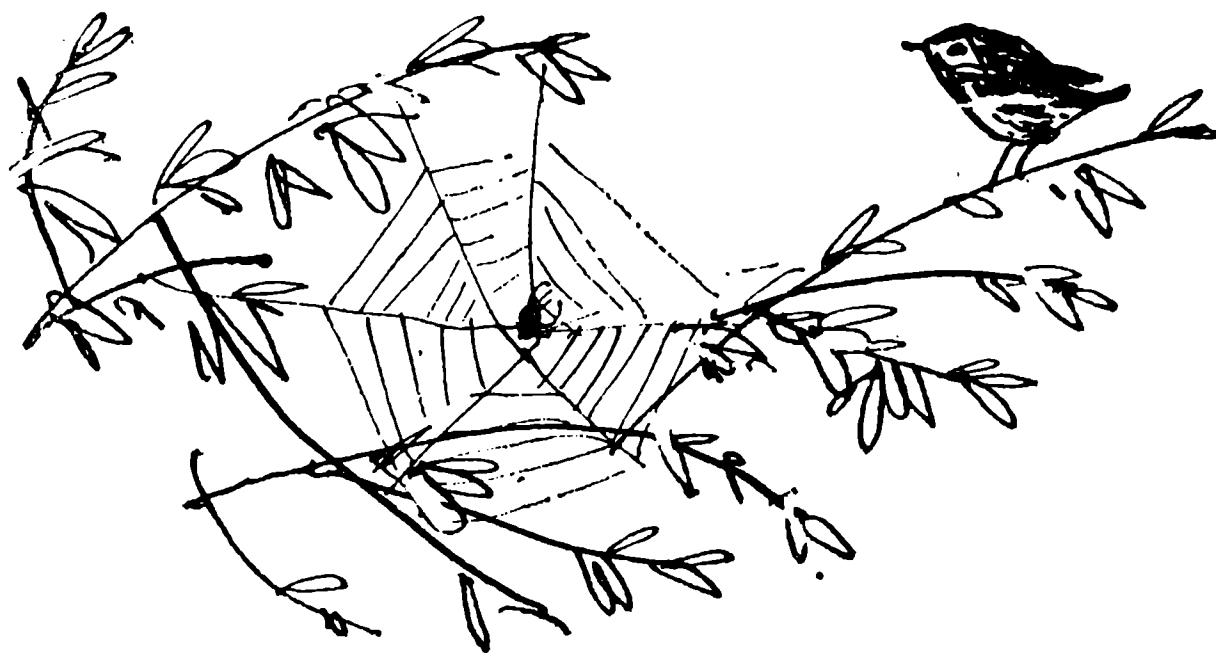
Запела юла — 1 ч. 45 м.

Кукушка закуковала — 2 ч. 13 м.

Протянул вальдшнеп — 2 ч. 30 м.

Заблеял бекас — 2 ч. 53 м.

Запел белобровик — 3 ч. 00 м.
Запел певчий дрозд — 3 ч. 08 м.
Заворковал косач — 3 ч. 10 м.
Запела зарянка — 3 ч. 14 м.
Проворковал вяхирь — 3 ч. 50 м.
Запела теньковка — 4 ч. 15 м.
Пропел пухляк — 4 ч. 26 м.
Закаркала ворона — 4 ч. 30 м.
Дятел пробарабанил — 4 ч. 34 м.
Пропел зяблик — 4 ч. 40 м.
Взошло солнце! — 4 ч. 52 м.
Крик чайки — 4 ч. 57 м.
Запела весничка — 5 ч. 00 м.
Жаворонок запел — 5 ч. 45 м.

НОВОСТИ ВОСКЛИЦАТЕЛЬНЫЕ!

Прилетели мухоловки-пеструшки!
Гудел первый майский жук!
Калужница зацвела!

[Середина мая]

Первый одуванчик — желтое солнышко!
Первые грибы — строчки!
Свистела первая иволга!

ПРОИСШЕСТВИЯ И СОБЫТИЯ

ГНЕЗДО

Дрозд в развилку березы положил первый пучок сухой травы. Положил, расправил клювом и задумался.

Вот он — торжественный миг, когда все позади и все впереди. Позади зимовка в чужих южных лесах, тяжелый далекий перелет. Впереди гнездо, птенцы, труды и тревоги.

И развилка березы и пучок травы как начало новой жизни.

Что ни день, то выше гнездо и шире. Однажды дроздиha села в него и осталась сидеть. Она вся утонула в гнезде, снаружи торчали только нос да хвост.

Но дроздиha видела и слышала все.

Тянулись по синему небу облака, а по зеленой земле ползли их тени. Прошагал на ногах-ходулях лось. Неуклюже проковылял заяц. Пеночка-весничка, пушистая, как вербный барашек, поет и поет про весну.

Береза баюкает птичий дом. И на страже его — хвост и нос. Торчат, как два часовых. Раз торчат — значит, все хорошо. Значит, тихо в лесу. Значит, все впереди!

Горихвостик весной выставляет из дупла свой красный хвостик, развернутый веером. Как объявление: «Молодой, холостой и красивый владелец однокомнатного дупла готов соединить свою птичью судьбу со скромной особой, готовой в темном дупле растить птенцов»!

И желающие находятся...

Поле зеленое, небо синее, в синем небе — красное солнышко. А под самым солнцем — жаворонок поет. Землю и небо весенние видит — вот и поет. Гнездо свое видит — вот и поет. Хорошо ему — он и поет.

ПОЮЩИЙ ЕЖ

Ежик — закадычный друг детства. Все его знают, все его любят, все его находили. Знаменит он своими колючками и тем, что непременно убежит, как бы его ни берегли.

У каждого юнната был свой еж. И уж о нем-то, кажется, все известно. Любит молоко, ловит мышей и лягушек, смело вступает в бой с гадюкой. При тревоге сворачивается в колючий шар, если трогать — грозно пыхтит и поддает иголками. А если не трогать, то скоро высунет из колючек свой мокрый нос, пошмыгает им и выставит глаз. Нет никого — покатится колом.

Ну а если домой взять да приласкать, он скоро и сворачиваться перестанет. И иголки его в одну сторону лягут — хоть гладь, как котенка. Станет совсем домашним, этаким топотун-хлопотун.

И вот оказывается, что у этого знакомого всем зверька тоже тайна есть.

Говорил мне один лесник, человек наблюдательный и правдивый, что еж будто бы весною... поет! Да не как там нибудь, а по-настоящему, чем-то похоже на птицу.

Сам я поющего ежа не слышал. Но рассказы об этом слышал не раз. Непременно бы надо проверить. Может, из вас кто слышал ежиное пение? Тогда расскажите нам.

В лесу ты всегда ученик. Да еще и не очень-то успевающий...

Ночная тропа в лесу — самая завлекательная!

ДЯТЕЛ

Шел я просекой и слышу — стучит! На пути сухое дерево. Я к дереву — никого! Посмотрел наверх — дупло. А внизу, под сухостойной, свежая посорка.

Дятел старается!

Только старается он не на дереве, а в дереве. На сушине козырьком гриб-трухляк. Под грибом дупло, как слуховое оконце. Ударил я каблуком по дереву, а в слуховое оконце высунулась носатая голова в красной тюбетейке.

— Здравствуй, помощник!

Люблю я дятлов.

Дятлы поедают много разных вредных короедов, нам, лесникам, помогают. Увидел меня дятел, испугался и улетел.

Нелегко дятлу носом своим, как топором, вырубить в сухом дереве дупло для гнезда. А тут мешают еще!

Я больше дятлу не мешал. Но покоя ему не было. То вихрь раскачивал сухостойну. То косою ливень заливал дупло. А однажды забралась в дупло лупоглазая белка-летяга. Дятел кричал, прыгал у дупла, а летяга спокойно смотрела на него большими черными глазами из оконца под грибком.

И только когда я палкой стукнул по сухостойне, летяга выскочила и полетела, как кленовый лист, распластавшись в воздухе.

Каждый раз, шагая по просеке, я прислушивался: стучит ли? И слышал: стучит! Стук стал совсем глухой,

видно, дятел долбил уже глубоко. А под деревом все росла и росла кучка желтой посорки. И уже теперь, когда я стучал сапогом по сушине, дятел не улетал, а только выглядывал. Тюбетейка у него была засыпана трухой.

Однажды, проходя просекой, я увидел ястреба-перепелятника. Он промчал над самой моей головой и вдруг закружил вокруг сухостоины, шаркая крыльями по коре. А по сушине, спасаясь от ястреба, заметался мой дятел. Дятел в дупло, ястребок — хватить. И, видно, цапнул! Полетели перышки. Я крикнул и разбойника отогнал. А дятел выпорхнул из дупла и прицепился на соседнее дерево. Он нахохлился и спрятал клюв в перья. Белые перышки на крыле покраснели от крови. Выживет ли?

Назавтра, шагая по просеке, я еще издали наострил ухо. И слышу: стучит!

На радостях я так грохнул сапогом о сушину, что она качнулась.

В окошке под грибком показалась знакомая носатая головка в красной тюбетейке. Работяга весь был в древесной трухе. Он сердито покосился на меня одним глазом, качнул носом — будто чихнул. Видно, труха в ноздри набилась.

— Будь здоров! — крикнул я дятлу.

Дятел нырнул в дупло и застучал опять. Ему было не до шуток. Он спешил закончить свое гнездо.

Будет у меня летом целая семья помощников.

До чего дятел весной пестрый и яркий: белое — так уж белое, черное — так уж черное, красное — так уж как огонь!

В лесу все возбуждает жажду глаз и голод слуха.

РЫБЫ ПЛЯСКИ

До восхода висело над горизонтом лиловое облачко с огненным ободком. Солнце поднялось багровое, и все — земля и небо — окрасилось в красный цвет. Сижу под ивовым кустом с узкими красными листьями. Над головой свистят крылья уток, и крылья у них снизу розовые.

Необыкновенный рассвет!

Красные волны дробятся в красной реке. Алые клубы пара шевелятся над волной. Черные чайки с криками мечутся в вышине, как черное воронье над заревом пожара. Будто обожженные, они заламывают крылья и падают в горящую реку, выплескивая снопы искр.

Всё ближе чайки, всё резче их крики.

И вдруг из красных волн стали выпрыгивать черные рыбки. Узкие, как листики ивы. Вылетят стоймя и стоймя же, хвостом вниз, падают в красную воду. Вот вылетел целый косячок и рассыпался веером. Вот опять одна за одной, одна за одной!

Рыбы пляски! Гляжу во все глаза. Неужто и рыба кровь вспыхнула в это удивительно красное утро?

А посреди реки, в сутолоке волн, движутся два черных пятнышка: пятнышко поменьше и пятнышко побольше. Из воды торчит плоская головка да спина горбинкой. Выдра! Вот нырнула, будто растаяла, а из воды тотчас выметнулись рыбки и заплясали: вверх-вниз, вверх-вниз!

Чайки увидели — упали, заломив крылья. Стали хватать рыбок прямо на лету.

Все стало обыкновенным.

Солнце поднялось, и черные стайки стали белыми, черные рыбки — серебристыми, красная вода — серой. Лиловое облачко на горизонте шевельнулось и растаяло.

Хищники — чайки и выдра — вслед за пляшущими рыбками скрылись за поворотом реки.

А я сидел у коряги и записывал то, что видел. Начал писать на красном листочке, а кончил на золотом.

Как любопытно в детстве — и немножечко жутко! — забросить в темную глубину крючок с наживкой: кто-то там, в глубине, его схватит?..

Всех волнуют встречи с дикими животными. Никто не пройдет равнодушно мимо лисицы, лося, даже зайца. Одни остановятся и будут долго смотреть. Другие начинают кричать, свистеть, махать руками. Почему мы печально провожаем осенние косяки улетающих птиц и радостно встречаем весенние? Почему скромная песенка какой-то там овсянки или синицы может превратить для нас пасмурный день в ясный?

СИПЛАЯ КУКУШКА

Зацвела черемуха, и грянули черемуховые холода. Туман на рассвете не поднялся колечком с лесной поляны, а замерз и лег на поляну инеем. Небо блеклое, не поймешь, каким оно днем станет: то ли синим, то ли серым?

Тихо в лесу. Одна кукушка кукует. Все другие птицы молчат: боятся, наверное, горлышки простудить. А кукушка орет с придыханием, как в берестяную дудку. Кричит и кричит свое «ку-ку!».

И докричалась.

Вечером ее слышал — совсем осипла. Вместо «ку-ку» кричит: «Хы-хо! Хы-хо!»

Видно-таки застудила горло!

Кто не слышал таких осипших кукушек? Одни говорят, что это они от собственного крика сипнут. Ведь кричат от зари до зари, а бывает, и ночью! Другие говорят: колоском, мол, подавилась. Но какие в мае колоски?

Еще говорят, что в черемуховые холода самые неугомонные от холода сипнут. По-разному говорят.

Про черемуховые холода у нас тоже говорят по-разному. Кто объясняет похолодание тем, что черемуха цветет, кто — ладожский лед идет. А знатоки утверждают, что в это время льды в Арктике раскалываются и сдвигаются.

Как все-таки здорово!

Где-то в далекой Арктике льды зашевелились, а у нас кукушка осипла. Где аукнулось — и где откликнулось!

— Сколько лет нам, кукушка, жить?

— Ку-ку, ку-ку!

— Мало, кукушка, мало!

— Ку-ку, ку-ку, ку-ку!

— Мало, кукушка, мало!

— Ку-ку, ку-ку, ку-ку! Ку-хы, ку-хо, ку-хи! Куковала я вам, куковала, охрипла, осипла, устала!

— Мало, кукушка, мало!!

Войдешь в овраг, и обдаст тебя с головы до ног теплым духом нагретых черемух.

Мир природы таинствен и прекрасен. Радость неведомого захлестывает тебя. Положи руку на пульс лесных дебрей, вслушайся в их затаенный стук. Не спеши обрывать крылья у бабочки: береги свое удивление!

СОЛОВЕЙ ПОЕТ

Соловей поет, а вокруг все думают, думают.

Сосед-соловей думает: «Лучше нос к нему не совать, а то хвост выщиплет или в макушку клюнет!»

Соловья думает: «Раз поет — значит, место для гнезда облюбовал! Слетать посмотреть, что ли?»

Птицелов думает: «Хорошо поет, шельмец! Пора западню готовить!»

Прохожий думает: «Вот и еще одна зима позади...»

А соловей поет и поет.

А все вокруг думают, думают...

Думаете, соловей песней соловья привораживает? Да он с зимовки уже женатым прилетел! А поет потому, что весной поется: как-никак, а весна на дворе!

Песни о соловьях слышны все чаще, а песни соловьев — все реже...

Почки на черемухе — прилетел соловей, листья на черемухе — запел соловей. Да без отдыха — ночью и днем! Зацветет сирень — на гнездо соловей, отцветет сирень — отпоет соловей.

ВЕСЁЛКА

На прелых листьях лежит яичко. Есть такие лесные птицы, что несутся прямо на землю: козодои, вальдшнепы. Яичко больше похоже на козодоево — светлое. Но у козодоев в кладке всегда два яйца. Значит, второе должно появиться завтра.

Второе яичко назавтра не появилось. А первое лопнуло, и вылупился из него не птенец козодоя, а... гриб! И в одну ночь вымахал в полный рост.

Видом сморчок, только ножка выше и тоньше. И больше всего он похож на указательный палец с наперстком. А пахнет от него почему-то тухлятиной. И мухи уже слетаются.

В лесу ничего не бывает зря. Цветы благоуханием приманивают пчел и бабочек, — может, и запах тухлятины кому-то нравится?

Так и есть! На гриб слетаются нетерпеливые мухи, ползают, что-то ищут, а потом разлетаются, разнося на лапках грибные споры, как пчелы и бабочки разносят пыльцу. Как сойки рассеивают желуди, а кедровки — кедр.

Так с помощью мух этот диковинный стоячий гриб становится как бы ходячим: по всему лесу споры свои разносит.

Но самое непонятное в этом грибе — его название: весёлка! И что веселого в вонючем грибе? Я б его вонючкой назвал. Или так: вонючка необыкновенная! Прямо хоть нос затыкай.

Ночь, темень и тишина. И вдруг в небе над головой — залиvistый колокольчик! Или это звезда поет? Но колокольчики не летают, а звезды — увы! — не поют. Это птица поет — юла. На вид совсем скромная, неприметная, днем на такую и внимания бы не обратил.

Замечали вы, что хорошо поют именно малоприметные птицы: соловьи, славки, жаворонки? Словно природа, обделив их цветом, взамен наградила голосом. Как вот эту юлу, с ее удивительной песней звезды-колокольчика.

Длинная ночная дорога, темная пашня по сторонам, а за ней еще более темный лес. Над лесом звезды, и одна из них — певчая. Идешь, идешь, а она звенит и звенит.

Смешно и наивно пытаться передать песню буквами: песню птицы не пришилишь к бумаге. Но все же — ведь так и просится! «Юли-юли-юли, чип-чип-чип, чу-чу-чу!» А знаете — получается! Все-таки зарубка на память: повторишь про себя эти наивные «юли» и «чу-чу» — и снова услышишь птицу. И снова ночь, и пластилиновая вязкость дороги, и теплое дыхание пашни, приглушенные вздохи леса и бормотание вешней воды. И песня птицы-звезды льется в уши, как в две воронки, наполняя тебя радостью единения. Всё вокруг для тебя — вся весенняя ночь. Для тебя и юла поет, раз ты ее слышишь. Всё для тебя, если ты не слеп и не глух.

Какой оркестр заменит нам музыку лесов и полей!

Еще слышно о жаворонках и соловьях, но мало слышно самих соловьев и жаворонков.

По лесу можно часами бродить бездумно, но потом непременно окажется, что и бродил ты не зря и глазел не бездумно. Из леса всегда что-нибудь принесешь — даже если ни к чему там не прикасался. Лес всегда тебя одарит.

ГОРЛАТЫЕ ЭЛЕКТРИЧКИ

Когда я был маленьким, мы жили на полустанке. Тихий такой полустанок, не все поезда даже на нем останавливались. И потому чаще слышали мы не гудки паровозов, а петушиное пение, лай собак, мычание коров, квохтанье куриц и пение птиц.

И что интересно: все скворцы полустанка подражали этим голосам!

Тявкали собачонками, квохтали курицами, пели петухами. И конечно же, свистели иволгами, дроздами, пеночками-весничками. Ведь лес окружал полустанок со всех сторон и лесные птицы пели прямо в поселке.

А вот теперь, через много лет, уже не узнать полустанка. И не узнать скворцов. Слышал вчера одного — он свистел электричкой! И не просто свистел, а даже стучал, как стучат колеса на стыках. Второй ворчал и взывал трактором, третий урчал самолетом, трещал мотоциклом. И если так дальше пойдет, то внук мой будет слушать скворцов, поющих суперэкспрессом или ревуших ракетой.

Может, это и хорошо, наверное, так и должно быть. И все-таки мне как-то не по себе. Почему мы так отодвигаем от себя природу? Почему живые скворцы вы-

нуждены подражать мертвым звукам? Чем плохи были иволги и петухи?

Что тут можно сказать? И тем более — что поделать?

С волчьим воем проносятся электрички. Где вы, золотые иволги и горлатые петухи?

Не таким был когда-то мир природы — нам достались его развалины. Исчезает простор — и мы начинаем толкаться.

А что, если бы леса и поля вдруг заговорили? Что услышали бы мы про себя?

Мы для птиц и зверей только пугала! И не зря пока еще пугала огородные делают в виде людей.

Как возникает желание? Наверное, от нехватки чего-то: чего-то тебе не хватает — и ты начинаешь хотеть. Но чего не хватает городскому мальчишке? Скорее, у него всего в избытке. Нет, не хватает ему загадок. Он живет в разгаданном мире. Весь мир города выстроен из отгадок. Сперва разгадали все свойства предметов и материалов, а потом из этих отгадок, как из кубиков, сложили город. Все сделано за тебя: глотай готовое с ло-

жечки. Нет зарослей лопухов, загадочных, как далекие джунгли, нет лужи, заманчивой, как океан.

Каждый выход в лес — выход в Неизведанное.

ОТЧЕГО У ЛИСЫ ДЛИННЫЙ ХВОСТ!

От любопытства! Не оттого же, в самом деле, что она следы свои будто бы хвостом замечает. Длинным лисий хвост становится от любопытства.

Начинается все с той поры, как прорежутся у лисят глаза. Хвосты у них в эту пору совсем еще маленькие и короткие. Но вот глаза прорезались — и хвосты сразу же начинают вытягиваться! Становятся все длинней и длинней.

И как же им не длиннеть, если лисята из всех силенок тянутся к светлому пятнышку — к выходу из норы. Еще бы: шевелится там что-то невиданное, шумит что-то неслыханное и пахнет нечуянным!

Только вот страшно. Страшно вдруг оторваться от обжитой норы. И потому высовываются лисята из нее только на длину своего короткого хвостика. Словно придерживаются кончиком хвоста за родимый порог. Чуть что — чур-чура, я дома!

А белый свет манит. Цветы кивают: понюхайте нас! Камни блестят: потрогайте нас! Жуки скрипят: поймайте нас!

Лисята тянутся, тянутся все дальше и дальше. Хвостышки их вытягиваются, растягиваются. И становятся все длинней и длинней. От любопытства, конечно. Отчего еще?

Сила удивления ведет по лесам. Вся природа вокруг, как из кубиков, сложена из удивления и загадок. Глаза разбегаются!

Парашютики одуванчиков полетели счастье искать...

ЗВАНЫЙ ГОСТЬ

Увидела Сорока Зайца — ахнула:

— Не у Лисы ли в зубах побывал, косой? Мокрый, драный, запуганный!

— Если бы у Лисы! — захныкал Заяц. — А то в гостях гостевал, да не простым гостем был, а званым...

Сорока так и зашлась:

— Скорей расскажи, голубчик! Страх склоки люблю! Позвали, значит, тебя, беднягу, в гости, а сами...

— Позвали меня на день рождения, — заговорил Заяц. — Сейчас в лесу, сама знаешь, что ни день — то день рождения. Вот на днях соседка Зайчиха и позвала. Прискакала. Нарочно не ел, на угощение надеялся.

А она мне вместо угощения зайчат своих в нос сует: хвастается. Эка невидаль — зайчата! Я их сейчас в лесу на каждом прыжке встречаю. Насмотрелся досыта. Но я смирный, говорю вежливо: «Ишь какие колобки лопахуе!» Что тут началось! «Ты, — кричит, — что, окосел? Стройняньких да грациозняньких зайчаток моих колобками обзываешь? Вот и приглашай таких чурбанов в гости — слова умного не услышишь!»

Только от Зайчихи я убрался — Барсучиха зовет. Прибегаю — лежат все у норы вверх животами, греются. Что твои поросята: тюфяки тюфяками! Барсучиха

спрашивает: «Ну как детишки мои — нравятся ли?» Открыл я рот, чтобы правду сказать, да вспомнил Зайчиху и пробубнил: «Стройненькие, — говорю, — какие они у тебя да грациозненькие!» — «Какие, какие? — ошетибилась Барсучиха. — Сам ты, кощей, стройненький да грациозненький! И отец твой, и мать стройненькие, и бабка с дедом твои грациозненькие! Весь ваш костлявый заячий род! Его в гости зовут, а он насмехается! Да за это я тебя не угощать стану, а самого съем! Не слушайте его, мои красавчики, мои тюфячки подслеповатенькие!»

Еле ноги от Барсучихи унес. Слышу, Белка с елки кричит: «А моих душечек ненаглядных ты уже видел?» — «Потом как-нибудь! — отвечаю. — У меня, Белка, что-то в глазах двоится...» А Белка не отстает: «Может, ты, Заяц, и посмотреть-то на них не хочешь? Так и скажи!» — «Что ты, — успокаиваю. — Белка! И рад бы я, да снизу-то мне их в гнезде-гайне не видно! А на елку к ним не залезть». — «Так ты что, Фома неверный, слову моему не веришь? — распушила хвост Белка. — А ну, отвечай, какие мои бельчата?» — «Всякие, — отвечаю, — такие и эти!» Белка пуще прежнего сердится: «Ты, косой, не юли! Ты все по правде выкладывай, а то как начну уши драть!» — «Умные они у тебя и разумные!» — «Сама знаю». — «Самые в лесу красивые-раскрасивые!» — «Всем известно». — «Послушные-распослушные!» — «Ну, ну?!» — не унимается Белка. «Самые-всякие, такие-разэтакие...» — «Такие-разэтакие?.. Ну, держись, косой!» Да как кинется! Взмокреешь тут. Дух, Сорока, до сих пор не переведу. От голода чуть живой. И оскорблен, и побит.

— Бедный, бедный Заяц! — пожалела Сорока. — На каких уродиков тебе пришлось смотреть: зайчата, барсучата, бельчата — тьфу! Тебе бы сразу ко мне в гости прийти — вот бы на сорочаток-душечек моих налюбовался! Может, завернешь по пути? Тут рядом совсем.

Вздрогнул Заяц от слов таких да как даст стрекача! Звали его потом в гости лоси, косули, выдры, лисички, но Заяц к ним ни ногой!

Мы знаем всех обитателей леса — по голосу или по виду. А эхо? А солнечный зайчик? И их мы слышали и видели, значит, и они обитают в лесу?

Эхо — что мы знаем о нем? Голос леса, отзывчивая тишина. А какое оно на вид? В чешуе, шерсти или в перьях? Огромное или маленькое? Скорее мы нарисуем лешего или кикимору, которых нет, чем изобразим эхо, которое есть.

Мне представляется, что эхо смахивает на сову. Или на настороженное ухо. Или на чей-то широко разинутый рот, например, жабы...

Мы ничего не знаем о нем, а оно охотно отзывается на наш зов. Подбадривает, когда заблудился. Обнадёживает, когда зовешь. Эхо даже юмором обладает: «Кто украл хомуты?» — «...ты!» — отвечает эхо.

Каждый твой проступок в лесу порождает эхо. Дерево тайно рубишь — эхо стучит по совести. Птицу убил — эхо по всему лесу разнесет выстрел. В лесу как аукнется — так и откликнется.

Сказочники! Эхо перекликается с человеком — какие для вас возможности и перспективы!

Солнечные зайчики все видели, в ясный день их в лесу видимо-невидимо. Но еще никому не удавалось их словить. Посадить на ладошку можно, а вот схватить — нельзя! Да и зачем их ловить, что с ними делать? Ни

шерсти настричь, ни перьев нащипать. Охотники их не преследуют, натуралисты не изучают. Скачут и светятся без забот!

И пусть себе скачут и светятся. Каждый солнечный день.

ЛИСА И МЫШЬ

- Мышка-трусишка, ты треска боишься?
- Ни крошечки не боюсь!
- А громкого топота?
- Ни капельки не боюсь!
- А страшного рева?
- Нисколечко не боюсь!
- А чего ж ты тогда боишься?
- Да тихого шороха...

ПТИЧЬИ ЧАСЫ

20 мая.

- Кукушка прокуковала — 1 ч. 50 м.
- Проблеял бекас — 2 ч. 00 м.
- Заворковал косач — 2 ч. 10 м.
- Чибисы закричали — 2 ч. 12 м.
- Протянул вальдшнеп — 2 ч. 13 м.
- Запела зарянка — 2 ч. 20 м.
- Запел певчий дрозд — 2 ч. 50 м.
- Запел белобровик — 3 ч. 00 м.
- Запел лесной конек — 3 ч. 23 м.
- Запел пухляк — 3 ч. 34 м.
- Прокаркала ворона — 3 ч. 53 м.
- Пропела весничка — 3 ч. 48 м.
- Запел зяблик — 3 ч. 50 м.
- Прокричала чайка — 4 ч. 05 м.
- Проворковал вяхирь — 4 ч. 10 м.
- Дятел пробарабанил — 4 ч. 17 м.
- Взошло солнце! — 4 ч. 25 м.

Все раньше восходит солнце и все раньше птички часы «отбивают» время. И все больше в лесу часов разных «марок» — торопятся с юга. И все норовят разбудить нас до солнца. Просыпайся, вставай! В деревне давно домашний петух прокричал, а в лесу дикий — косач краснобровый. Сорока на хвосте уже новости принесла. Новый день на дворе — весенний!

НОВОСТИ ВОСКЛИЦАТЕЛЬНЫЕ!

Появились стрижи!
Зацвели кошачьи лапки!
Черемуха зацвела!

[Конец мая]

Трель первого козодоя!
Зацвели кубышки-купальницы!
Крик первого дергача!

ПРОИСШЕСТВИЯ И СОБЫТИЯ

ГОРЯЧАЯ ПОРА

Настала пора гнездо выстилать. Теперь каждое перышко на счету, всякая шерстинка в цене. Из-за иной соломинки целая драка.

И вот видит воробей: скачет по земле большущий клок ваты!

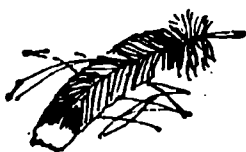
Ну, если бы он лежал — другое бы дело. Тогда не зевай, налетай и хватай. Но клок не лежит, а скачет по земле, как живой!

Воробьи даже клювы разинули от удивления.

Вот клок ваты вспорхнул вверх и сел на дерево. Потом запрыгал с ветки на ветку. Потом поерзал-поерзал, да как подскочит, да как полетит! И летит как-то смешно: ровно-ровно, словно по ниточке, как слепой. Да со-слепу-то, со всего-то разгона — бряк о телеграфный столб! И вывалился тут из клока ваты... воробей.

Тут уж все поняли, что не сама вата по земле скакала, не сама по воздуху летала: воробей ее тащил. Такой клок ухватил — больше себя ростом. Один хвост из ваты торчал.

Ухватить-то ухватил, да закрыла ему вата весь белый свет. Бросить жалко, а куда тащить — не видно. Вот и наткнулся на столб — нос расшиб и вату обронил. Другие воробьи сразу ее утащили. Прямо из-под разбитого носа!

Сороки обмазывают гнезда глиной — и у всех носы и лапы в глине. Как у старательных гончаров.

Три яичка лежали в гнезде чайки: два неподвижно, а третье шевелилось. Третьему не терпелось, оно даже попискивало! Будь его воля, оно бы так и выскочило из гнезда и как колобок покатилося бы по бережку!

Возилось яичко, возилось и стало тихонько похрустывать. Выкрошилась на тупом конце дырочка. И в дырочку, как в оконце, высунулся птичий нос.

Птичий нос — это и рот. Рот раскрылся от удивления. Еще бы: стало вдруг в яйце светло и свежо! Глухие доселе звуки зазвучали властно и громко. Незнакомый мир ворвался в уютное и скрытое жилище птенца. И чайчонок на миг оробел: может, не стоит совать свой нос в этот неведомый мир?

Но солнце грело ласково, глаза привыкли к яркому свету. Качались зеленые травинки, плескали ленивые волны.

Чайчонок уперся лапками в пол, а головой в потолок, нажал, и скорлупа расселась. Чайчонок так испугался, что громко, во все горло, крикнул: «Мама!»

Так в нашем мире одной чайкой стало больше. В хоре голосов, голосищ и голосишек зазвучал новый голосок. Был он робок и тих, как писк комара. Но он звучал, и его слышали все.

Чайчонок встал на дрожащие ножки, поерзал шерстинками крыльев и смело шагнул вперед: вода, так вода!

Минует ли он грозных щук и выдр? Или путь его оборвется на клыках первой же хитрой лисы?

Крылья матери-чайки распластались над ним, как руки, готовые прикрыть от невзгод.

Покатил в жизнь пушистенский колобок.

Чем больше на берегах купальщиков и рыболовов, тем меньше чаек и куликов.

Два мира, мир человеческий и мир природы, пересекаются и накладываются друг на друга. Идя по лесу, мы то и дело вторгаемся в жизненное пространство неслетного числа разных живых существ, пересекаем невидимые нами границы, мы среди них, часто совсем их не видя. Мы рядом — и совершенно раздельно: что важно для них, совсем не важно для нас. Мы часто ничего о их жизни не знаем, а еще чаще и не хотим знать.

КОСИ-СЕНО

Паук-сенокосец вроде серой горошины на длинных проволочных ногах. Известен всем под прозвищем «кoси-сeно». Кто его, бедолагу, не хватал только за его длинные ноги! А он, спасаясь, отбрасывал их, как отбрасывает хвост ящерица. И, хромя, припадая и ковыляя, скрывался в первой же темной щели. А угловатая оторванная нога долго еще дергалась, складываясь и распрямляясь, — «косила сено».

Конечно, лучше ноги лишиться — даже двух, даже трех! — чем головы: ног-то восемь, а голова — одна. Но согласитесь, и жизнь без двух или трех ног тоже уже не такая шустрая, как на восьми. И хорошо еще, что паутину плести не надо, как всем другим паукам. Не надо развешивать по кустам сетей и тенет. А то бы и с голоду околел. А то, глядишь, и на уцелевших ногах как-нибудь перебьется и дохромает до положенного ему, пауку, срока.

Если, конечно, та же бесхвостая ящерица не поймает. Или снова ребятам в руки не попадет!

Славные имена у разных-всяких жучишек! Пилильщики, точильщики, бомбардиры. Усачи, долгоносики, карапузики. Или вот пожалуйста: жук-скакун! Ты его ладошкой, а он — скок! — и нет. И сразу — зеленый! — в траве затеряется: хоть глаза прогляди!

Спускается паучишка с дерева — из себя паутинку выматывает. Я подцепил пальцем паутинную ниточку и хотел паучишку к глазам поднять, чтобы разглядеть этого циркача. Да не тут-то было!

Тяну паутинку вверх, а паук паутинку выматывает, выматывает — и опускается вниз! Я быстрее поднимаю — он быстрее выматывает. Я уже двумя руками тяну, как рыболов тянет леску из зимней лунки, а паучок все равно вниз опускается! Все равно что клубок поднимать за нитку: крутится, вертится, а ни с места.

«Эге, — думаю, — этак же я его до конца размотаю, — а за что? За то, что он комаров ловит, которые меня кусают? Несправедливо!»

Отпустил паука: пусть бежит. Интересно, осталось у него паутины, чтобы охотничью сеть сплести? Не до конца же, в самом деле, я его размотал!

ЗОРЬКА

Знаете бабочку-зорьку? Белая, с рыжими солнышками на крыльях? На вид ничего особенного, много бабочек куда нарядней ее. Но почему-то именно эта бабочка очень волнует меня. Каждая встреча с ней хоть и ма-

ленькое, а потрясение — так все радостно и всплеснется!

На всех других бабочек я тоже смотрю с удовольствием, они тоже радуют глаз, и все же встречи с ними блекнут перед волнующей встречей с зорькой.

Начало лета, сочная, свежая зелень, яркие блики солнца, глубокие, но еще прозрачные тени. И белое порхающее существо, размахивающее сразу двумя рыжими солнышками. И тебя всколыхнет до мурашек на похолодевших щеках!

Зорьку в лесу видишь не часто, и все же хоть раз за лето, а встречаю ее. И каждый раз замираю и жадно слежу, пока не потеряю из виду. Может, секрет в ее необычной окраске? В этих самых двух рыжих солнышках на белых крыльях? Но я разглядывал зорек, наколотых на булавки, — они не волновали меня. Хотя и в самом деле окраска их необычна. Да и бывает ли она обычной у бабочек? Ведь что ни бабочка, то своя красота, свое совершенство красок.

Нет, дело тут не только в цвете. А в чем?

Может, в том невыразимом, неуловимом, что обволакивает всю природу и что сродни туманной дымке на ягодах винограда? К чему нельзя прикасаться и что пока еще не получило названия?

...И что так ясно видишь при встрече с зорькой!

Дрогнет что-то внутри и обдаст горячей волной лесного настоя. И провожаешь глазами зорьку, пока она не скроется в ветвях.

В порхании бабочки — блики солнца.

Махаон не зорька, не скромничает, а выставляется напоказ. То распахнет свои золотистые с чернью крылья, то сложит их: оцените и так и этак! А взлетит — как летучий кораблик под парусами. Кто увидит — обязательно ахнет. И будет долго провожать глазами, пока кораблик не затеряется в зеленых волнах.

ЛИШНИЙ ГВОЗДЬ

До сих пор не могу забыть, как мотал его, бедолагу, ветер! Он все повыше сесть норовил — на самую высокую «свечку» самой высокой сосны. А там, наверху, ветер; вот и мотало его вместе с веткой, да так, что у меня внизу голова кружилась на него глядя. Но он упорно сидел, вцепившись в мохнатую «свечку» коготками, и, запрокинув клюв в небо, изо всех силенок выкрикивал свое «крути-верти, крути-верти!».

Ему очень важно, чтоб песня была слышна как можно дальше. Пусть все слышат, что здесь поет он — пеструх-мухолов. Что есть у него на примете уютный дом, о чем он всем и спешит объявить. Впрочем, не всем... Ну к чему ему, например, франт горихвост, который только и умеет трясти красным хвостом? Или скворец, который его передразнивает? Не для них он на самую высокую «свечку» взлетает и песни свои выкрикивает.

Он знает, кто его должен услышать. Для нее он и поет. Для нее он и на ветру мотается, под дождем мокнет. «Подумаешь, беда какая — на дожде вымокну, на ветру просохну!»

И вот она его услыхала. Она — круглоглазенькая пеструшка. Пеструх встретил ее по всем правилам мухоловкиного гостеприимства. С песенкой подлетел к дуплянке — посмотрите, пожалуйста! Первый туда впорхнул, повозился внутри — ах, какие удобства! Высунулся, повертел носом по сторонам — что за вид из дупла! Рядом с пеструшкой сел — залетайте, убедитесь сами!

Пеструшка была недоверчива. Пять дупел уже проверила, и ни одно не годится. Послушаешь свистунов этих, так не дупло отыскали, а дворец. А проверишь — старая развалюшка. В бока сквозняк, на голову дождь. Ему-то что, а ей яички высиживать, птенцов растить.

Пеструшка впорхнула в дуплянку, долго чем-то шуршала, высунулась, повертела недовольно носом и улетела.

Пеструх в отчаянии кинулся вслед — да где там! Не понравилась пеструшке чем-то его дуплянка. Может, в ней щели, может, соседи не приглянулись — скворец и горихвост. У пеструшек мерка своя: главное, чтоб дом был надежный. А уж звонкие «крути-верти» потом. Не для капризов выбирай дом, а для птенцов...

Полетел пеструх снова на свою «свечку», снова стал петь, запрокинув клюв в небо. И снова его ветер мотал и дождик мочил.

Прилетали к нему еще пеструшки, но ни одной не понравился домик. Так и остался пеструх один. А это для птиц самое большое несчастье.

ПОГОНЫШ

Слышу вдруг: свистит кто-то в два пальца! А темень, глухая ночь, добрые люди давно по домам спят...

Выхожу на обочину лесного болота — на болоте свистят. Двое. Слаженно так, как кнутом по очереди щелкают: твуть, твуть! И четко — раз в секунду. До пяти досчитал — пять «твуть» услышал, до десяти — десять. Хоть секундомер проверяй по свистунам-разбойникам!

Но не разбойники это, а пастушки. Не те, конечно, что стадо пасут, а болотные пастушки, птицы такие. Свистят и хлестко и озорно, как настоящие подпаски. По-научному их называют погонышами, а в деревне все зовут пастушками.

Разохотились погоныши-пастушки!

Наперебой, без отдыха, на два счета — твуть да твуть! Это только принято говорить, что, мол, в одно ухо входит, а в другое выходит. Если бы,— застревает! До рассвета эти два погоньша все уши мне просвистели. Слушал я их ровно два часа. Это сто двадцать минут, или семь тысяч двести секунд. То есть на двоих тысяча четыреста свистков!

А они еще и до моего прихода свистели, и, может, не один час. Не переставая. И не охрипли, и не осипли, и голоса не сорвали. И не надоело!

А я-то внука ругаю, что он много свистит. Куда ему до этих свистунов. Вот ведь сколько можно свистеть, если весна! Или детство...

Если ты в лесу никого не увидел — значит, тебя там все видели. В лесу не увидеть неудивительно — удивительнее увидеть.

Фенологи в газетах пишут: «Чу, соловей пропел!» И это чудное их «чу» до того примелькалось, что потеряло смысл. Но вот сегодня я сам соловья услышал и сам себе сказал: «Чу!» Наверное, потому, что соловей так и начал свою песню: «Чу! Чу! Чу!»

ЛИСЬИ ИГРУШКИ

Спешу к оврагу, где лисью нору вчера нашел. Перед норой светлел песчаный бугор, затоптанный лисьими лапами. На бугре валялось вальдшнепиное крылышко. Вот какой изысканной дичью кормила злодейка своих лисят!

Сползаю в овраг. Вот нора, вот бугор — и снова вальдшнепиное крылышко! Ишь, чревоугодники, нет, чтобы лопать мышей и крыс, подавай им дичь королевскую! Ох, не доведет лисят до добра такая избалованность. На завтра снова крыло, через день — опять. Но я уже не сердился: я догадался, что крылышко-то это одно и то же! Я ниткой его пометил, вот она, моя красная нитка.

Выходит, не такие уж лисята и привереды, как мне показалось. Кормят их чем придется. И похоже, не очень-то сытно: у норы никаких остатков — ни птичьей ножки, ни мышинного хвостика. Дочиста все съедают. А все равно какие-то тощие, голенастые. И непонятно: зачем им, голодным, беречь это затрепанное крыло?

До света устроился я у норы.

Лисицы у норы не было: то ли ушла на охоту, то ли еще не вернулась. Лисятам скучно одним в норе, натошак не спится и не сидится. И вот самый храбрый не утерпел и высунул нос наружу. За носом заблестели прищуренные глаза. Страшновато, конечно, первому, да была не была! Выскочил на бугор, напрягся пружинкой, чуть что — и метнется в нору. Но лисята перешептываются спокойно, шмель басит сонно, солнышко греет ласково. Лисенок пошел вприскок, разминая затекшие лапки. А из норы, как горох из мешка, высыпали остальные лисята.

И началось-покатилось! Каруселью один за другим, зубами за лапы и за хвосты. Сцепились клубком — куча мала! Засиделись в норе лисята.

И вдруг заметили брошенное крыло. То никому оно было не нужно, то подавай сразу всем. Кинулись вперегонки. Самый храбрый первым схватил и запрокинул мордочку вверх. Другие кинулись на него.

И снова куча мала!

Вот она и разгадка: крыло-то это не просто крыло, а лися игрушка!

Крыло как мячик — его подбрасывали и ловили. Крыло тянули в разные стороны — «перетягивали канат». Крыло — и скакалка, и палочка-выручалочка. Крыло прятали и искали, как это делается при игре в «холодно-жарко». С такой игрушкой не только про скуку, но и про голод можно забыть!

В конце концов игрушку, конечно, сломали, растрепали ее до перышка. Даже нитки моей не оставили. А я то хотел его забрать, показать дома лесную игрушку.

Но лисята скучали недолго. Лиса принесла им новую забаву — мягкую заячью лапку. И лисята играли с ней, пока не выросли и не ушли из норы. Вот она, эта лися игрушка, я теперь ею пыль со стола сметаю.

Каждый выход в лес — как выход из будней в праздники.

НОЧНАЯ КУКУШКА

Ночная кукушка дневную перекукует. Днем ей все мешают, а ночью она одна. Ночь весенняя, теплая. Глухо вода бормочет, глухо урчат лягушки. Свет мутной луны с трудом делит темноту на небо и землю. И над приглушенно бормочущей тишиной разносится печальное и далекое кукование, словно бьют невидимым молотком по сияющим шляпкам звезд.

Любо петь в ночной тишине. Все тебя слушают и догадываются: скоро и их черед.

Ночная кукушка, как запевала. Всех будит до солнца. Проснутся и залетают над болотцем, скрипя крыльями, хохлатые чибисы. Уныло засвистят на седых кочках длинноносые кулики-кроншнепы.

Закудахтают в темной чапуге дрозды-рябинники. Журавли протрубят в гулкие трубы. Зяблик пропоет

бойко, с трескучим росчерком, словно горлышко прополощет. А там, глядишь, и солнце взойдет.

Но это потом. А пока тишина и кукует ночная кукушка. Бьет и бьет невидимый молоточек по звонким звездам: «Ку-ку, ку-ку!»

Если хочешь долго жить — поторопись в лес годы считать. Вот уж накукует их тебе ночная кукушка! На две жизни хватит. Еще и останется!

На вечернюю елку, на самую маковку, села кукушка и куковала до темноты. Верхний ветер качал ее и мотал, но кукушка цепко держалась и куковала как заведенная. Раз ее так качнуло, что кукушка суматошно замахала крыльями, но удержалась и снова закуковала. По временам она как-то глухо бурчала, словно откашливалась и прочищала горло. И снова куковала звонко, напористо и настырно. И сосновая гулкая грива вторила ей и гудела: «Донн! Донн! Донн!»

Ласточки с воплями гнали кукушку: та взлетала вверх, ныряла в чащу, шарахалась от них из стороны в сторону. А все потому, что похожа на ястреба!

ОЛЬШАНИК

Хороши ольшаники вдоль ручьев! Весной они прогреты и пронизаны солнцем, исполосованы тенями, усыпаны сухим листом. На сером тут и там яркие бело-зеленые пятна — куртинки подснежников. В сырых западинах ядовито зеленеет молодая крапивка, у воды желтые брызги мать-и-мачехи. На изогнутых серых стволах

голубоватые розетки лишайников, с сучков свисают сухие бечевки хмеля. И первые папоротники подняли зеленые ручки, сжатые в кулачки.

Есть в ольшаниках и свои жильцы. В развилках стволов любят строить гнезда-чашечки дрозды-белобровики, в трухлявых сухостоинах долбят аккуратные дуплышки белощекие пухляки, долгохвостые синички ткут-плетут свои чудо-гнезда, похожие на подушечку, набитую перьями, так умело, что со стороны они кажутся просто вздутием на стволе, покрытом лишаями.

Прямо на голую землю среди серовато-бурой опади несет четыре буроватых яичка лесной куличок вальдшнеп: скорее перешагнешь, чем увидишь! У кочки пожухлой травы строит гнездо-шалашик весничка.

Но вот чего не бывает в ольшанике, так это грибов! Есть в лесу грибы подберезовики, грибы подосиновики, поддубовики,— грибов подольшаников не бывает. Не растут и маслята, моховики, сыроежки.

И все равно в ольшанике хорошо, если уж очень не привередничать! Особо весной, когда весь он пронизан солнцем, расчерчен тенями, над первым цветком гудит первый шмель, а первый комар еще и носа не высунул. Пахнет нагретой землей, порхает крапивница, и гремит первый зяблик. А под ногами шевелится, подсыхая, пожухлый оттаявший лист.

Рощи, болота, боры, опушки подобны живым существам со своим обликом, поведением, странностями, привычками, голосами. И их жизнь тоже полна событий и смысла.

Идешь и идешь, раздвигая ветки, слушаешь и смотришь, и слушаешь.

ПЕНЬ

Спилили березу — остался пень да россыпь желтых опилок. Всю осень на пень присаживались грибники: отдохнуть, грибы переложить, чтобы сверху были самые красивые. А ребята принимались считать на пне годовые кольца. Досчитают до дюжины и очень удивляются, что вся их жизнь умещается под одним мизинцем! Дальше считать было лень, и они, галдя и размахивая корзинками, мчались в лес.

Зимой пень из стула превратился в обеденный стол. Белка на нем шелушила шишки. К весне скопилась на пне грудка обзубренных стерженьков и горсть чешуек, похожих на створки мелких ракушек.

А весной вдруг стул и стол ожил и закипел!

Корни погнали сок, и он хлынул из перерезанных жилок. На мокрый пень сразу же сбежались голодные муравьи, слетелись весенние мухи и бабочки — пить целебные соки. И превратился пень в лесной ларек «Соки, воды».

Но сколько соку могут выпить все эти букашки? А корни качают, гонят сок, ведь корни не знают, что березы-то над ними уже нет давно, что еще зимой ее на дрова распилили и сожгли.

Сок переливался через край и в ночной заморозок замерзал сосульками. На радость ребятам, бегущим в школу. Для них такой пень был уже вроде лотка с бесплатными леденцами.

А когда потеплело и заморозков не стало, сок на пне порозовел, запузырился и прокис. На хмельное липкое сусло слетались теперь мохнатые ночные бабочки и пировали.

Много лет был пень и надежным убежищем. Под корой скрывались жуки-пауки, муравьи-древоточцы про-

грызли в сердцевине извилистые ходы, в норках под пнем прятались ящерицы, землеройки. А снаружи пенёк стал вроде оранжереи: разрослись на нем мхи и лишайники, закустилась вокруг брусника.

Пень дряхлел. Береста сворачивалась в рулоны, балкончиками — в несколько этажей! — выросли трутовики. А когда и трутовики засохли, пенёк облепили опять. Не пенёк, а золотистый букет грибов!

Весной набрел на трухлявый пенёк голодный медведь, поёопел, поскреб пенёк когтями и разворотил на клочки. Почмокал, пофыркал, почавкал и ушел, оставив от «закусочной» труху да мочало.

Но и это еще была не последняя служба пня!

Подошла к трухе рябенькая тетерка, осмотрелась, вытянув шейку, и давай в трухе порхаться, взбивая крыльями пыль. И до тех пор ходила к пыльной ванночке, пока не разгребла всю труху до земли. Это и была последняя служба пня, ничего не осталось.

Нет, еще не последняя!

Случайно на это место упало семечко от соседней березы и проросло. И высунулся из земли росточек и стал расти. И все началось сначала...

Главное богатство природы — ее красота. Всем доступна: берите, пользуйтесь, обогащайтесь!

В шуме леса слышатся и бесчисленные голоса живых существ, когда-либо в нем живших. Смешалось прошлое и настоящее, плывет величественный гул жизни — как отзвук далеких колоколов.

КТО КАК СПИТ

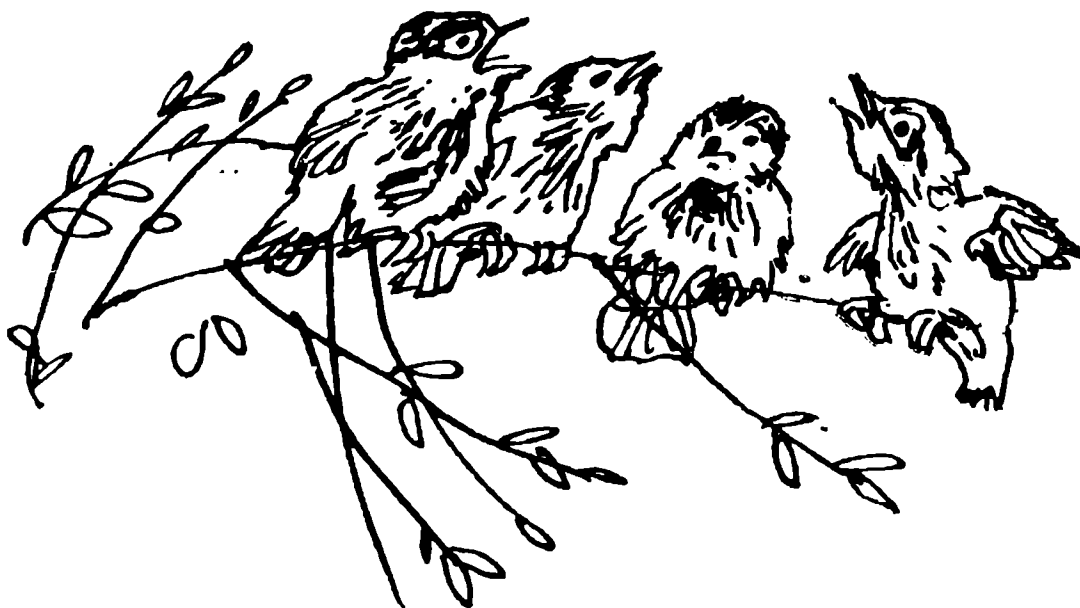
- Ты, Заяц, как спишь?
- Как положено — лежа.
- А ты, Тетерка, как?
- А я сидя.
- А ты, Цапля?
- А я стоя.
- Выходит, друзья, что я, Летучая мышь, ловчее всех вас сплю, удобнее всех отдыхаю!
- А как же ты, Летучая мышь, спишь-отдыхаешь?
- Да вниз головой...

ВЕСНА — март, апрель, май!

Не успели и осмотреться, а она уж и кончилась. Не успели птичьих песен в запас наслушаться, весенних цветов нанюхаться, на обновление земли насмотреться. Даже задуматься не успели!

Одно утешение, что впереди — ЛЕТО.

скач Larisa_F

